

И. А. ГОНЧАРОВ **и** **И. С. ТУРГЕНЕВ**

по неизданным материалам ПУШКИНСКОГО ДОМА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
Б. М. ЭНГЕЛЬГАРДА

С ПРИЛОЖЕНИЕМ:

- I. Незданного рассказа Гончарова „Уха“
- II. Писем Гончарова к Я. П. Пелониному,
А. К. Телстому, Ф. И. Тютчеву, Н. Н.
Посьету и другим

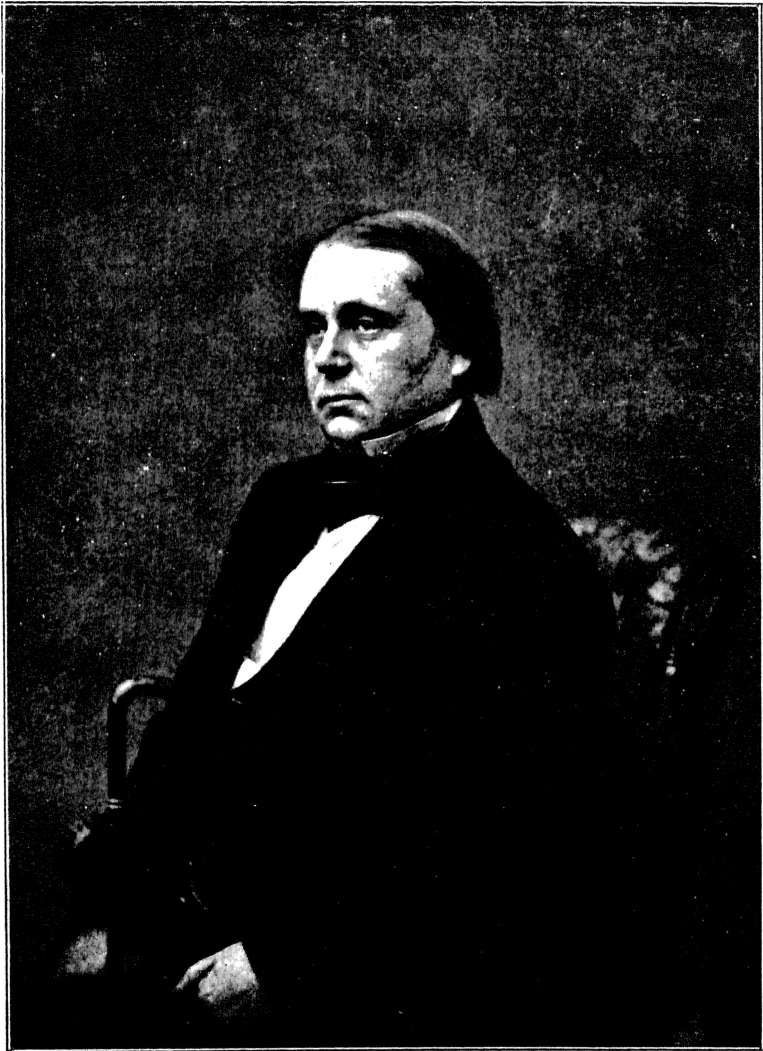


ACADEMIA

ПЕТЕРБУРГ

1923





И. А. ГОНЧАРОВ

И. А. ГОНЧАРОВ и И. С. ТУРГЕНЕВ

ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ
ПУШКИНСКОГО ДОМА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
Б. М. ЭНГЕЛЬГАРДТА

С ПРИЛОЖЕНИЕМ:

1. Неизданного рассказа Гончарова „Уха“
- II. Писем Гончарова к Я. П. Полонскому, А. К. Толстому, Ф. И. Тютчеву, К. Н. Посьету и друг.

«ACADEMIA»

ПЕТЕРБУРГ

1923

Петрооблит № 2186

/ Печ 2000 экз.

Заг № 78

Государств. Трест „Петропечать“ — тип. имени Евг. Соколовой. Петроград, Измайловский 29

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книжка продолжает ту публикацию новых материалов из Гончаровского наследства, под знаком которой проходит историко-литературная работа над этим писателем за последнее десятилетие. Основное содержание ее образуют неизданные письма и рукописи Гончарова, хранящиеся в Пушкинском Доме при Росс. Ак. Наук. Публикуемые материалы снабжены примечаниями и вступительными заметками, разъясняющими, между прочим, точку зрения на них самого издателя.

При таких условиях ему остается воспользоваться своим правом на предисловие для того лишь, чтобы выразить свою глубокую признательность лицам, оказавшим ему содействие в работе. Среди них особую благодарность выражает он ак. Н. А. Котляревскому, Б. Л. Модзалевскому, И. А. Кубасову, проф. Д. И. Абрамовичу, Е. М. Гаршину, В. И. Саятову и Л. Б. Модзалевскому, любезно предоставившему в его распоряжение два письма Гончарова к гр. С. А. и А. К. Толстым.

Б. Э.

4

И. А. Гончаров и И. С. Тургенев

Печатаемые ниже одиннадцать неизданных еще писем И. А. Гончарова к И. С. Тургеневу извлечены из поступившего в Пушкинский Дом Архива П. В. Анненкова. В свое время они были уже использованы самим Анненковым в его воспоминаниях о ссоре Гончарова с Тургеневым ¹⁾, а позднее и Л. Н. Майковым, существенно дополнившим осторожный рассказ Павла Васильевича в своей статье на ту же тему ²⁾. Однако, и после такого изучения с специальными целями письма эти не утратили своего глубокого историко-литературного интереса. Ведь нашумевшее некогда столкновение ³⁾ двух романистов является только одним из эпизодов их долгого знакомства, в котором чрезвычайно ярко отразились индивидуальные особенности душевного склада обоих писателей. С этой общей точки зрения публикуемые письма и теперь еще являются материалом перво-степенной важности. К сожалению, оба писателя представлены в них далеко не равномерно. Писем Тургенева к Гончарову почти не сохранилось, так как Гончаров, не желавший опубликования своих писем, принял все меры к тому, чтобы и адресованные к нему письма были по возможности уничтожены ⁴⁾. Пока известны только два письма Тургенева к Гончарову: одно, которое Г. сам давал списы-

¹⁾ П. В. Анненков, Шесть лет из переписки с Тургеневым, В. Евр., 1885, № 3. Перепечатано в книге П. В. Анненков, Литературные воспоминания, Спб., 1909, стр. 491 — 556. Само собой понятно, что при жизни Гончарова Анненков не мог использовать весь имевшийся у него материал. Но даже и то, что он дал, потерпело некоторый ущерб, пройдя через цензуру еще более осторожного Стасюлевича (М. М.), принявшего все меры к тому, чтобы печатавшиеся в его журнале воспоминания не задела как-нибудь престарелого автора Обломова. Ср. письма Анн. к Стас., Стасюл. и его совр., III, 437.

²⁾ Л. Н. Майков, Ссора между И. А. Г. и И. С. Т. в 1859 — 60 г., Русск. Стар., 1900, I, стр. 5 — 23.

³⁾ Одним из отголосков возникших по этому поводу пересудов является, между прочим, стихотворение обличительного поэта (Д. Д. Минаева), „Парнасский Приговор“, в Искре (1860, № 19, 197), где дано юмористическое и не очень-то благоприятное для Гонч. описание третейского суда.

⁴⁾ Ср. С. Шпитцер, И. А. Гончаров. Спб., 1912 г., стр. 35 (Рассказ А. И. Трейгулт о сожжении Гончаровым переписки).

вать знакомым ¹⁾, и другое, найденное М. Суперанским в книгах племянника И. А. — А. Н. Гончарова, которыми пользовался писатель ²⁾.

Для полноты картины мы сочли нужным присоединить эти письма к печатаемым впервые вместе с отрывком из первого относящегося к ссоре письма Гончарова ³⁾.

Первое знакомство И. А. Гончарова с И. С. Тургеневым состоялось прежде, нежели тот и другой успели занять выдающееся положение в литературном мире ⁴⁾. Местом их встреч был гостеприимный дом Ник. Ап. Майкова, постоянным посетителем которого Гончаров сделался вскоре после своего приезда в Петербург (в 1835 г.), и где позднее стал появляться и Тургенев ⁵⁾. Но знакомство это на первых порах носило, повидимому, довольно поверхностный характер. Скромный и осторожный чиновник министерства финансов, преподававший литературу детям Майковых, едва ли мог привлечь к себе внимание молодого Тургенева, искавшего прежде всего известности, оригинальности и эффекта ⁶⁾.

Положение, однако, существенно изменилось после того, как Белинский, познакомившись в 1846 г. с „Обыкновенной Историей“, признал в авторе ее замечательный талант, а сама вещь, напечатанная в 1847 г. в „Современнике“, встретила шумный успех среди критиков и читателей. Гончаровым, как водится, заинтересовались в литературных кружках, стали разузнавать его прошлую и настоящую жизнь, собирать сведения о нем, как о человеке, — запастись материалом для кружковых пересудов и толков. Принимая во всем этом живое участие, Тургенев попытался теперь ближе сойтись с новым писателем и однажды объявил в кружке „Современника“, что „со всех сторон „штудировал“ Гончарова и пришел к заключению, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами, что в его натуре нет никаких порывов, что он совершенно

¹⁾ От 7/IV 1859 г. Опубликовано Майковым, *op. cit.*, стр. 18—19.

²⁾ От 14/III 1864 г. Опубликовано М. Суперанским, И. А. Гончаров, В. Евр., 1908 г., XII, стр. 460.

³⁾ От 28/III 1859 г. Опубликовано Майковым, *op. cit.*, стр. 13—17.

⁴⁾ Ср. А. Mazon, *Un maître du roman russe, Iwan Gontcharov*, P., 1914, стр. 113—14.

⁵⁾ Ср. А. Mazon, *op. cit.*, стр. 47, прим. 3, и стр. 53. Тут же указана литература об отношении Г. к Майковым: прим. 1, 2, 3.

⁶⁾ Анненков, Молодость Тургенева (Литературные Воспоминания, стр. 474): „Самым позорным состоянием, в какое может попасть смертный, считал он [Тургенев] то состояние, когда человек походит на других. Он спасался от этой *страшной* (курсив Анненк.) участи, навязывая себе невозможные качества и особенности, даже пороки, лишь бы только они способствовали к его отличию от окружающих“.

доволен своим мизерным миром, и его не интересуют никакие общественные вопросы, он даже как-то боится разговаривать о них, чтобы не потерять благонамеренности чиновника“ 1). Отзыв этот был достаточно суров, поверхностен и неуважителен, но он совершенно в стиле молодого Тургенева, и — как бы критически ни относиться к воспоминаниям Головачевой-Панаевой, в особенности в части, касающейся Тургенева, — в данном случае можно без особого риска довериться ее словам. Были, вероятно, и другие отзывы, остроты и эпиграммы Тургенева в этом же тоне. Такого рода „предательство, состоявшее в том, что за глаза выставлялись карикатурные изображения привычек людей и способов их выражаться, тогда было в моде“, — вспоминает Анненков. „И Тургенев был большой мастер на такого рода представления. Ко всем своим качествам изобретательности, наблюдательности и вдумчивости в явления он присоединял еще в значительной доле едкое остроумие и эпиграмматическую способность. Он давал им ход с тою же неразумчивостью и с тем же обилием мотивов, как и всегда, что выходило от него. Он составлял весьма забавные эпиграммы на выдающихся людей своего времени, не стесняясь их репутацией и серьезностью задач, которые они преследовали, и которым он сам сочувствовал. Не удерживали его и дружеские отношения. Все это, конечно, не способствовало к уменьшению неблагоприятного говора, раздававшегося вокруг его имени“ 2).

Нельзя сомневаться, что Гончаров, над которым пробовав свое остроумие и известный Н. А. Степанов 3), нередко бывал мишенью этих дружеских „предательств“, и что слухи о них доходили и до самого Ивана Александровича. Если же он, несмотря на всю свою щепетильность и мнительность, сохранял хорошие отношения с Тургеневым, то на это были свои особые причины.

Гончаров сороковых годов мог простить Тургеневу многое такое, одной сотой доли чего позднее было бы совершенно достаточно для полного разрыва. Дело в том, что тогда в отношении к литературной известности положение обоих писателей было существенно иным, нежели в 50-х и

1) Головачева-Панаева, Русские писатели и артисты, Спб., 1890 г., стр. 188.

2) Анненков, *op. cit.*, стр. 479 — 480 (курсив наш).

3) В письме Н. А. Некрасова к Н. А. Степанову от 15/ХІІ 1847 г., посвященном переговорам о карикатурах для предполагавшегося на 1848 г. при Современнике „Иллюстриров. Альманаха“, мы читаем: „Гончаров решительно объявил, что он не хочет и не позволит своей карикатуры. Чт. станете с ним делать? Уж мы уговаривали — да с ним не сговорись“, Недецкий Альманах, вып. II, Спб., 1917, стр. 50. Г., очевидно, опасался „публичности“ для своей служебной карьеры.

60-х годах. После „Обыкновенной Истории“, сопоставлявшейся иными критиками с „Мертвыми Душами“¹⁾, после „Сна Обломова“²⁾, единогласно признанного chef-d'oeuvre'ом, литературная репутация Гончарова вполне установилась: он был провозглашен первоклассным художником и замечательнейшим романистом. Тургенев же еще только прокладывал себе дорогу³⁾. Правда, рассказы из Записок Охотника, постепенно появлявшиеся в „Современнике“⁴⁾, обращали на себя всеобщее внимание, но, даже после издания их целой книгой⁵⁾, никто из критиков еще не предвидел, как развернется молодой талант. Во всяком случае, слава, загоравшаяся вокруг его имени, была слава рассказчика, нувеллиста, и не могла заслонить в глазах читателя славы Гончарова, как представителя монументального эпического повествования. Здесь еще не было почвы ни для соперничества, ни для зависти или неприязни. Характерно, что Гончаров именно так и смотрел на Тургенева всю свою жизнь, противопоставляя его, как нувеллиста, себе, как романисту. Позднее это „предрасуждение“, не совсем, впрочем, безосновательное, было причиной многих недоразумений, но пока оно позволяло Гончарову благодушно и снисходительно переносить зачастую бестактные выходки ветреного приятеля. К тому же более чем трехлетнее пребывание Тургенева за границей⁶⁾ помешало дальнейшим их встречам в 40-х годах, а по возвращении на родину Тургенев стал уже несколько сдержаннее, оступился.

Как бы то ни было, но это чувство дружелюбия не нарушалось, повидимому, никакими неприязненными столкновениями, и с этим чувством увез Гончаров в свое кругосветное путешествие⁷⁾ на фрегате Паллада только что появившиеся „Записки Охотника“. Об этом свидетельствует замечательное письмо его к М. А. Языкову от 15/27 декабря

¹⁾ О приеме, оказанном первым произведениям Гончарова читателями и критикой, см. Mazon, op. cit., ch. VI, p. 83 — 94.

²⁾ В „Литературном Сборнике“, изд. Современника, в 1849 г.

³⁾ Любопытно отметить, что и Достоевский, при всей своей ревнивой зоркости, не усматривал в 40-х годах себе соперника в лице Тургенева, но спорил за первенство с Гончаровым и Герценом. Ср., напр., письмо к брату от 1/IV 1846 г. Биография, письма и заметки Достоевского, Спб., 1882 г., Письма, стр. 47.

⁴⁾ С 1847 года (т. е. с основания журнала) I кн.—„Хорь и Калиныч“, II кн.—„П. П. Каратаев“, V кн.—„Ермолай и Мельничиха“ и т. д.

⁵⁾ В июле 1852 г. (Москва).

⁶⁾ С начала февраля 1847 г. по середину июня 1850 г., когда Тургенев тогда по возвращении прожил месяц в Спб. и, конечно, возобновил отношения с Г. Ср. Н. Гутьяр, Хронол. канва для биограф. Тургенева. Отд. оттиск из Сборника. Отд. русского яз. и слов. Имп. Ак. Н., Спб., 1910, стр. 10 и 16.

⁷⁾ В сентябре 1852 г.

1853 г. с Saddle-Island у устья Янгтёккианга¹⁾. Говоря о том, что он затрудняется выслать в Петербург какие-нибудь статейки для журналов, Гончаров приводит целый ряд причин в объяснение этому и, между прочим, пишет: „Иногда мне бывает просто лень писать, тогда я беру, — как вы думаете что? — книжку Ивана Сергеевича: она так разогревает меня, что лень и всякая другая дрянь улетучивается во мне и рождается охота писать. Но тут другая беда: я зачитаюсь книги и вечер мелькнет незаметно. И вчера, именно вчера случилось это: как заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и, — что всего приятнее — среди этого стоял сам Иван Сергеевич, как будто рассказывающий это своим детским голоском, — и прощай Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орел, Курск, Жыздра, Бежин Луг — так и ходят около. Кланяйтесь ему и скажите это от меня“.

Эти слова, так ярко, изящно и сжато, как, быть может, ни одна статья, выразившие все поэтическое очарование Записок Охотника, исполненные чувства теплой приязни и неизменной памяти, не могли, конечно, вылиться из души, омраченной воспоминаниями о враждебных столкновениях или обидах. Если же они и были, эти досадные петербургские воспоминания о мелких уколах самолюбия или кружковых сплетнях, то они бесследно потонули в море тех величавых впечатлений, которые волновали душу Гончарова в эти счастливейшие годы его жизни.

Во всяком случае, по возвращении Гончарова в Петербург (в феврале 1855 г.) приятельские отношения между ним и Тургеневым сейчас же возобновились и в течение ближайших двух-трех лет — повидимому, до осени 1858 года — не омрачались никакими ссорами и столкновениями. Об этом единогласно говорят нам все данные, встречающиеся в письмах будущих соперников, а также воспоминания их современников и общих друзей. Но с зимы 1857—58 г. на горизонте появились, повидимому, первые тучи, предвестницы грозы: в сознании Гончарова зашевелились те подозрения, которые позднее — под влиянием общего психического расстройств — превратились в навязчивые идеи и привели в конце 60-х годов к полному и окончательному разрыву между писателями. Появлением этого тревожного чувства у Гончарова заканчивается первый период отношений его к Ивану Сергеевичу, и открывается второй — приблизительно

¹⁾ Опубликовано Б. Л. Модзалевским: „Из переписки И. А. Гончарова“, Временные Пушкинского Дома. 1914 г., Спб., стр. 99—100. Письмо это, по свежести воспоминания о Тургеневе, неопровержимо доказывает, что Гончаров часто видел Тургенева по возвращении последнего из-за границы.

до 1868 — 69 гг., когда все его переживания по адресу соперника приобретают уже явно ненормальный характер.

Чтобы понять, под влиянием каких обстоятельств возникли и нарастали эти недостойные подозрения, надо ближе взглянуть на внутреннюю жизнь Гончарова за эти годы, быть может, самые для него тяжелые.

Тотчас же по возвращении в Петербург его со всех сторон обступили заботы повседневной чиновничьей жизни, которой он так не любил. Не успел он отдохнуть, оглядеться, привести себя внутренне в порядок, как ему уже пришлось надеть на себя служебную лямку, ибо командировка его кончилась ¹⁾. А это оказалось не так-то легко. Титулярному советнику Гончарову, с его романтической тоской и обломовским отвращением к прозе жизни, легче было превратиться в нового аргонавта, „стремящегося по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющего ежемесячно климаты, небеса, моря, государства“ ²⁾, нежели кругосветному путешественнику — в столоначальника министерства финансов. Привыкший уже к иным масштабам, он задыхался в тесной канцелярии. В связи с этим вскоре после возвращения Гончаров стал подумывать о перемене службы, стремясь к более живому, ближе стоящему к литературе, делу, и под 24 ноября того же года мы читаем запись в „Дневнике“ А. В. Никитенко: „Мне удалось, наконец, провести Гончарова в цензора. Он умен, с большим тактом, будет честным и хорошим цензором. А, с другой стороны, это и его спасет от канцеляризма, в котором он погибает“ ³⁾.

Надежды Никитенко оправдались только односторонне: цензура бесспорно много выиграла, заполучив в свои недра такого культурного человека, каким был Гончаров, но этот последний едва ли не променял кукушку на ястреба. С одной стороны, ответственные и хлопотливые обязанности цензора отнимали у него — особенно на первых порах — чрезвычайно много времени и сил. Приходилось работать без отдыха, и работа была не из очень спокойных и приятных ⁴⁾. С другой стороны, как бы тактичен и культурен ни был Гончаров, столкновения интересов цензуры с интересами литературы и особенно литераторов были неиз-

¹⁾ Г. вернулся в Пб. в серединѣ февраля 1855 г., а 25 числа того же месяца он уже приступил к исполнению служебных обязанностей. Мазон, *op. cit.*, 110.

²⁾ „Фрегат Паллада“, т. I, гл. I (Собр. соч., изд. Маркса, т. V, стр. 10).

³⁾ Никитенко, Зап. и Дневник, т. I, 467 (курсив наш).

⁴⁾ Ср. Мазон, *op. cit.*, стр. 197 — 199, где даны списки просмотренных Гончаровым изданий.

бежны. Положение обязывало, и цензурная деятельность Гончарова не могла не возбудить неблагоприятных для него толков и пересудов в обществе. Он и сам отлично понимал это и даже преувеличивал ложность своего положения¹⁾. Так, в 1859 г. (от 7/19 июля) он писал из Мариенбада А. А. Краевскому: „Хотя в Лондонском издании, как слышал, меня царапают, да и не меня одного, а будто всех русских литераторов, но я этим не смущаюсь, ибо знаю, что если бы я написал чорт знает что, и тогда бы пощадя мне не было за одно только мое название и должность“²⁾.

Эта двойная тягость новой службы — переобремененность неприятной и ответственной работой и двусмысленность положения писателя в роли цензора — в значительной мере отравляла существование Гончарова в эти годы. А между тем отказаться от службы он не мог в силу своих материальных обстоятельств. Так, прикованный к тягостной должности, заваленный скучной работой, взятый под подозрение либеральным в ту пору общественным мнением, он влачил серую и монотонную жизнь рядового петербургского чиновника. Снова, как перед бегством на Палладе, „дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями; дни, хотя порознь разнообразные, сливались в одну утомительно-однообразную массу годов“³⁾. Правда, на этом тусклом фоне блеснул луч света в загоревшемся чувстве к Е. В. Толстой (в замуж. Мусиной-Пушкиной), но и он быстро угас: Гончарова и здесь „постигла тяжелая неудача, жизнь отняла у него дорогую и светлую мечту; его личное существование стало беднее и тусклее“⁴⁾. И от этой тяжелой монотонии непривлекательной обыденности единственным спасением для Гончарова были литературные занятия. Он уходил в литературу так же, как он ушел от петербургской действительности в кругосветное путешествие. Переиначивая антитезу, данную им во „Фрегате Паллада“⁵⁾, мы можем сказать, что жизнь его постоянно двоилась: „как будто ему дали две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном он — скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом“; в другом — в своем творчестве — неограниченный повелитель

¹⁾ „Уже позднее, по свидетельству М. М. Стасюлевича, Гончаров не мог терпеть, чтобы ему напоминали о его цензорских обязанностях“. Мазон, Материалы для биографии и характеристики Гончарова, Русская Старина, 1911, октябрь, 39.

²⁾ Цит. у Е. Лядкого, И. А. Гончаров, Спб., 2 изд., 101 — 102. „Гончаров намекает, как правдоподобно предполагает г. Мазон, на весьма едкую статью А. И. Герцена в „Колоколе“, № 6, за декабрь 1857, стр 49“.

³⁾ „Фрегат Паллада“, т. I, гл. I (Собр. соч., Маркс, V, 9).

⁴⁾ П. Н. Сакулин, „Новая глава из биографии Гончарова“, Голос Минувшего, 1913, XI, стр. 55.

⁵⁾ Фрегат Паллада V, 10.

бесчисленных образов, создающий по своему усмотрению из кусков жизни целые легенды, тонкий знаток и ценитель чужих произведений, литературная знаменитость и авторитет. Литература была для него тем волшебным краем, новой Колхидой, куда он бежал от чиновничьей обыденности, где ему дышалось легко и привольно, где находили свое удовлетворение его „жажда славы“, его самолюбие и стремление к известности. „Я откровенно люблю литературу, — пишет он Тургеневу¹⁾, — и если бывал чем-то счастлив в жизни, так это своим призванием... Ведь не десять тысяч (на них мне мало надежды осталось) манят меня к труду, а, стыдно признаться, я прошу, жду, надеюсь нескольких дней или „снов поэзии святой“, надежда „облиться слезами над вымыслом“... А может быть, ничего и не выйдет; с печалью думаю и о том; ведь только одно это и осталось, если только осталось, — как же не печалиться...“ Этим дышащим глубиной искренностью словам можно вполне верить, тем более, что они подтверждаются и мнением Тургенева, зоркого и тонкого наблюдателя человеческой души: „Странности Гончарова, — замечает он позднее в письме к Полонскому, — объясняются нездоровьем и слишком исключительной литературной жизнью. Когда люди на земле воображали, что наш шарик — центр вселенной, то они придавали всему земному преувеличенное значение“²⁾. Правильно подмечая факты, Тургенев, для которого были открыты все возможности в жизни, не понимал, что для Гончарова иначе и быть не могло, что „призвание“ было его единственной радостью; и литература — единственное место, где он снимал чиновничий виц-мундир и чувствовал себя по крайней мере равным среди равных.

Но, конечно, Тургенев был совершенно прав, когда говорил, что такое отношение к писательству порождает слишком болезненную реакцию на все события и пережитии литературной жизни, слишком страстный и нетерпимый отзыв на случайности литературной карьеры. Это, несомненно, имело место в психике Гончарова. Необычайно дорожа своим местом в литературе, он постоянно боялся за

¹⁾ От 28/VIII 1859 г. см. ниже стр. 32 Гончаров всегда избегал примешивать к своим литературным занятиям материальные расчеты, отыскивая средства существования вне литературы. Делал это он как в силу медлительности своего творчества, так, вероятно, не желая вносить „житейские волнения“ в свое „святое святых“. Так, в 1849 г. он поспешил вернуть аванс Краевскому под будущее произведение (Обломова), чтобы быть свободным (Мазон, op. cit., Русск. Стар., 1911, октябрь, 48), а позднее не раз собирался взять обратно Обрыв от Стасюлевича, несмотря на все материальные выгоды, сулившиеся этим последним. Стасюл и его совр., IV, 48 — 51.

²⁾ От 16/XII 1868 г. из Карlsruа. Пер. Собр. писем Тургенева Спб., 1885 г., 145.

него; для мнительности, подозрительности и крайней чувствительности его души здесь было где разыграться: он вечно дрожал — то за свое дарование, готовое, казалось ему, погибнуть ¹⁾, то за свою известность, которая всегда могла померкнуть. Он тревожно и напряженно следил за новыми талантами, отыскивая себе соперника; за новыми произведениями, где могли быть предвосхищены его замыслы, за колеблющимися отзывами общественного мнения, — и все эти страхи, колебания, сомнения, подозрения, ревность и зависть находили для себя благодатную почву в дурной психической наследственности ²⁾, тем более, что его литературные дела обстояли в этот промежуток времени не очень-то блестяще. С одной стороны, его гениальные очерки ³⁾, составившие „Фрегат Палладу“, эту своеобразную „Одиссею“ XIX века, не были по достоинству оценены читателями и критикой; с другой, соиздание Обломова подвигалось плохо и вяло за отсутствием благоприятных условий. С расстроенным здоровьем и распатанными нервами, утомленный неприятной работой, Гончаров с огромными усилиями, с мучительным напряжением обрабатывал и собирал воедино давно уже продуманные образы и сцены.

А, пока он медлил, в литературе произошел ряд существенных перемен: на попроще романа появился соперник, который не только затмил его немного обветшавшую известность, но и надолго стал центральной фигурой русской литературы. И обиднее всего, что этим страшным соперником оказался не завзятый романист-профессионал, не какой-нибудь новый талант, — ни Григорович, ни Писемский не были опасны для Гончарова, Достоевский томился еще в Сибири, а Толстой пока культивировал рассказ и повесть, — но старый приятель, нувеллист по призванию, как привык думать о нем Гончаров. Это уже походило на предательскую узурпацию. В самом деле, когда вы читаете письма Гончарова к Ив. Серг. Тургеневу, вас поражает та настойчивость, с какой он стремится доказать этому последнему, что по всему складу

¹⁾ Эти сомнения в своих творческих силах начались у Гончарова очень рано. Так, например, еще в 1849 г. он писал (от 25/IX) из Симбирска А. А. Краевскому: „Воюсь, не потерял ли я въ самом деле от старости всякую способность писать“. Мазон, *op. cit.*, Русская Старина, 1911 г., октябрь, стр. 48.

²⁾ О психической болезни И. А. Гончарова собран богатый материал у Тер-Микелян, Большая душа Гончарова, Русский Филологический Вестник, 1917 г., № 1 — 2.

³⁾ Печатались в разных журналах с 1855 (Ликейские острова, Отеч. Зап., 1855 г., кн. IV) по 1857 г. (Плавание в Атлант. тропиках, Русский Вестн., 1857, кн. IX). Первое отдельное издание: Фр. Паллада, 2 тт., Спб., 1858 г.

его таланта роман не его дело, что его призвание в поведи и рассказе. Беспощадно критикуя Тургеневские романы, злорадно отмечая все их слабые стороны, ловя и передавая все неблагоприятные отзывы о них, Гончаров не скупится на похвалы мелким рассказам Тургенева, не устает восхищаться „Записками Охотника“, превозносит „Бригадира“ и пр. и пр. Ему хочется убедить Тургенева оставить роман, сосредоточиться на рассказе. Он как бы говорит автору „Дворянского Гнезда“ и „Отцов и Детей“: зачем ты забираешься не в свою сферу, зачем ты присваиваешь мои права; оставь мне роман—мое призвание, уходи в новеллу, где ты так силен... Иногда это звучит смешно и дерзко, иногда трогательно и жалобно, как, например, в том месте опубликованного Майковым письма, где он, сравнивая себя с блестящим Иваном Сергеевичем, для которого все в жизни доступно, говорит о своей „обреченности труду“, о писании как единственной радости его тяжелой и монотонной жизни. Кажется, что за этими то вызывающими, то искренно-смирненными словами слышится просьба испуганного человека, у которого отнимают его величайшее сокровище: у тебя и так всего много, не посягай же на мои владения, не заступай мне дороги. И, конечно, внешне-равнодушные реплики Тургенева с ссылками на тленность всего земного не могли удовлетворить встревоженного Гончарова. И тогда в нем подымались гнев и зависть к счастливому сопернику, узурпатору его прав, его славы, который, благодаря быстроте и легкости творческого вдохновения, благодаря исключительно благоприятным внешним условиям жизни, опережал его, захватывая в своих „скользящих по жизни“ романах и повестях те характеры, психологические и житейские ситуации, над монументальным, углубленным воплощением которых он сам кропотливо, медлительно и напряженно трудился в своем скромном углу. Отсюда был уже один шаг до тягостного подозрения, что не сам ли он дает сопернику-самозванцу материал для его легких, но блестящих творений, до тревожной мысли о том, что этот соперник не только узурпировал его права и славу, но и рассказанное ему содержание монументальных замыслов.

Психологически это совершенно понятно: Гончаров долго и мучительно вынашивал свои замыслы ¹⁾, еще напряженнее и труднее выливал их на бумагу в черновых очерках. В этот период творчества он любил делиться с приятелями и знакомыми своими замыслами, то рассказы-

¹⁾ Еще в 1849 г. (от 25/IX) он писал А. А. Краевскому: „Вещь выработывается у меня в голове медленно и тяжело“. Мазон, *op. cit.*, Р. Стар., 1911, октябрь, 48. Признаний такого рода можно найти в переписке и биограф. статьях Гонч. чрезвычайно много.

вая их изустно, то прочитывая черновые наброски ¹⁾). Читал он и рассказывал — и, конечно, не раз — и Тургеневу, которого всегда, всю свою жизнь считал „тонким знатоком и ценителем“ ²⁾). Любопытно отметить, что одно из таких чтений происходило, между прочим, в *середине февраля 1860 г.* ³⁾, т. е. накануне ссоры, когда в Гончарове снова зашевелились болезненные подозрения насчет Тургенева. Гончаров, замечает Е. Ляцкий, „и боится Тургенева и тянется к нему, зная, что никто, как Тургенев, своей тонкой и впечатлительной на все художественное душой, так не сумеет оценить во всех мельчайших подробностях его творческий труд“ ⁴⁾). Так доверчиво, настойчиво и постоянно вводил он своего соперника, в котором видел только не опасного нувеллиста, в „лабораторию своего творчества“, раскрывал перед ним свои замыслы, передавал свои поэтические видения. И вдруг оказалось, что этот нувеллист забирается в несвойственную ему сферу, создает один за другим сложные романы и повести, сосредоточивая на себе исключительное внимание читателей. Те характеры и сюжетные схемы, которые так медленно обдумывались им, он увидел воплощенными с волшебной быстротой одни за другими в ряде чужих блестящих произведений.

Мы сказали выше: характеры и сюжетные схемы; правильнее было бы сказать: лица и житейские ситуации, потому что сходства между Тургеневскими и Гончаровскими героями *в плоскости их художественной трактовки* нет никакого. Поэтическая обработка одних и тех же впечатлений совершается в их произведениях по вполне различным направлениям. В этом смысле литературное дело Тургенева, — внутренняя необходимость всей системы его произведений, взаимная связь его сюжетов и героев, для многих из которых установлены реальные прототипы, един-

¹⁾ „Чтобы посмотреть, благоприятно ли действует мысль, ход романа“, как Гончаров объясняет все тому же Тургеневу. См. ниже, письмо № 1.

²⁾ Так, от 20/V 1868 г. он писал из Берлина М. М. Стасюлевичу: „Задача становится все глубже (речь идет об „Обрыве“) — дай Бог сил выполнить, и я умру покойно, хоть тотчас после своей подписи — нет неправда: прежде хочу показать Вам, Толстым (А. К. и С. А.), Тютчеву (Ф. И.), Богкину (В. П.) пусть бы Анненков (П. В.) и Тургенев — да, и он тонкий знаток и ценитель“. Стасюлевич и его совр., IV, 8. Любопытен встречный отзыв И. С. Тургенева: „Я рад, что моя вещь понравилась Гончарову — он судья верный — поклонитесь ему пожалуйста от меня, когда увидите его“. Письмо к Стасюлевичу, М. М., от 15 Э ноября 1870 г. из Лондона. Op. cit., III, 11. Еще любопытнее сопоставить отзыв Гонч. с отзывом Льва Толстого: 23/I 1865 г. Толстой пишет Фету: „Ваше мнение (о I части Войны и Мира, „1805 г.“) да еще мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, — мне дорого — Тургенева“. Фет, Мои воспоминания, т. II, 59.

³⁾ См. ниже, примеч. № 1 к письму № 2.

⁴⁾ Е. Ляцкий, op. cit., 130.

ство поэтического языка, манеры, стиля, — говорит само за себя, и все, что можно здесь допустить, это простое фиксирование внимания Тургенева под влиянием Гончаровских рассказов и чтений на тех или иных явлениях жизни. Так, быть может, в связи с толками Гончарова о Райском Тургенев заинтересовался психологией художника и ввел Шубина в „Накануне“, как представителя искусства среди поклонников Елены. Но сходство их не более того, какое можно установить, например, между тем же Райским и Рудиным и т. д. С этой точки зрения юморист Минаев не был, конечно, не прав, когда иронически пародировал обвинения Гончарова против Тургенева:

У меня герой в чашотке,
У него портрет того же,
У меня Елены имя,
У него Елена тоже;
У него все лица также,
Как в моем романе, ходят,
Пьют, болтают, спят и лкбят... и пр. и пр. ¹⁾.

Строго говоря, ту же мысль выразил и третейский суд, признав, что „произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях“ ²⁾. Само собой понятно, что ни о каком плагиате или даже заимствовании здесь не могло быть и речи.

Но для Гончарова и этого было достаточно. С одной стороны, он сам подробнее развивал перед Тургеневым свои литературные планы, с другой стороны, он неожиданно увидел в пропумевших произведениях соперника „несколько схожих положений“ и лиц, несколько совпадающих мыслей и выражений. Прибавьте к этому исключительную чувствительность Гончарова к своей литературной известности, его болезненную [мнительность и подозрительность; прибавьте к этому неосторожное признание Тургенева в своей „впечатлительности“ ³⁾, примите в соображение начинавшуюся болезнь с ее внезапными вспышками бесконечного раздражения ⁴⁾, — и вы получите ясное представление о той почве, на которой семя раздора дало такие обильные плоды. Нужен был только толчок, кото-

¹⁾ См. выше, прим. № 3 на стр. 10.

²⁾ Анненков, *op. cit.*, 521.

³⁾ Майков, *op. cit.*, 18.

⁴⁾ Яркую картину такой внезапной перемены настроения и как бы всего духовного облика Гончарова, под влиянием ничтожных обстоятельств, дают воспоминания Евд. Петр. Левенштейн (приемной дочери сестры И. А. — А. А. Музалевской). Ср. М. Суперанский, И. А. Гончаров, В. Евр., 1908, XI, 35.

рый вывел бы Гончарова из состояния душевного равновесия, с годами становившегося все более и более неустойчивым под влиянием надвигавшегося психического расстройтва, чтобы конфликт разыгрался чрезвычайно остро. К сожалению, такие толчки не заставили себя долго ждать. В силу какой-то иронии судьбы пути обоих писателей перекрещивались не раз и при том самым неожиданным для Гончарова образом.

Вот несколько дат: 1859 г.— „Дворянское Гнездо“ появилось в январьской книжке „Современника“— „Обломов“ в 1—4 книжках „Отечественных Записок“; 1860 г.: 10-го января Тургенев читал на вечере в пользу Литературного Фонда критический очерк „Гамлет и Дон-Кихот“, а в феврале Гончаров выступил на таком же вечере с отрывком из „Обрыва“ „Софья Николаевна Беловодова“; отрывок этот был напечатан в февральской книжке „Современника“, и около этого же времени пришла из Москвы двойная (I—II) книжка Русского Вестника с „Накануне“¹⁾; 1868 г.: до Гончарова дошли слухи, что в „Вестнике Европы“, куда он отдавал „Обрыв“, должно появиться „что-то большое“ Тургенева, и он писал М. М. Стасюлевичу: „Вы будете между двух огней... Разве отпустите кого-нибудь на волю; конечно, скорее меня, нежели Ивана Сергеевича“²⁾. И каждый раз Гончаров мог с болью констатировать, что на его долю достается гораздо меньше успеха и оцаций, нежели на долю „обаятельного“ Ивана Сергеевича. Этим создавались благоприятные условия для всякого рода вспышек.

Конфликт впервые обозначился, вероятнее всего, осенью 1858 года, когда Тургенев привез из Спасского „Дворянское Гнездо“ и читал его знакомым литераторам³⁾. Присутствуя, без сомнения, на этих чтениях, прислушиваясь к гулу похвал по адресу этого очаровательного произведения со стороны других⁴⁾ и сам по достоинству его оценивая (недаром он был „верный судья“), Гончаров увидел, какого опасного соперника он имеет здесь своему „Обломову“, которого он так долго лелеял в тиши и как раз в этот момент решил выпустить

¹⁾ Майков, *op. cit.*, 7, 8, 20.

²⁾ Письмо от 7/19 мая 1868 г., Стасюлевич и его соврем., IV, 5.

³⁾ Ср. Гутьяр, Н., *op. cit.*, стр. 37.

⁴⁾ Вспоминая об одном из таких чтений, Анненков пишет: „Удовлетворенный всеми отзывами о произведении и еще более кой-какими критическими замечаниями, которые тоже все носили сочувственный и хвалебный оттенок, Тургенев не мог не видеть, что репутация его, как общественного писателя, психолога и живописца, окончательно устанавливается этим романом“. Анненков, *op. cit.*, 507 (курсив наш). Ср. также отзыв А. В. Никитенко, Записки и Дневник, I, 541.

в свет. Возбужденный напряженной литературной работой ¹⁾, взволнованный и без того предстоящим публичным судом над его любимым детищем, он пришел в то душевное состояние, при котором терял уже власть над своей волей и чувствами и повергал окружающих в смущение грубыми и странными выходками, совершенно чуждыми в нормальном расположении духа его спокойному, мягкому и деликатному характеру. Подозрительность его разыгралась, он заговорил — и прежде всего с самим Тургеневым — о сходстве между „Обрывом“ и „Дворянским Гнездом“, указывая на аналогичность некоторых положений, и, повидимому, Тургенев имел непростительную слабость выбросить из своего романа одну сцену (между Лизой и Марфой Тимофеевной), „похожую“ на объяснение бабушки и Веры в „Обрыве“ ²⁾. Это успокоило Гончарова, но в то же время как бы подтвердило его подозрение и дало ему крупный козырь для предстоящей серьезной игры, которая возобновилась, как только определился блестящий, необыкновенный успех „Дворянского Гнезда“, совершенно заслонившего на первых порах (до появления в мае того же года статьи Добролюбова) выходившего по кускам „Обломова“ ³⁾.

Гончаров снова подступил к Тургеневу с взволнованными объяснениями, завершившимися посылкой в догонку Ивану Сергеевичу, когда тот уехал в Спасское ⁴⁾, первого из дошедших до нас писем, где Тургенев — по его собственным словам — квалифицировался как „присвоитель чужих мыслей (plagiaire), болтун и лгун“ ⁵⁾.

На этот раз, однако, дело не дошло до открытого столкновения. Примирительное ответное письмо Тургенева обезоружило Гончарова, и его гневное волнение упало так же быстро, как и поднялось.

В конце апреля они снова встретились в Петербурге. Гончаров присутствовал на прощальном обеде, данном Тургеневу, уезжавшему за границу, его друзьями ⁶⁾, и вскоре затем писал Анненкову в Симбирскую губернию: „Проводили и Тургенева, этого милого всеобщего изменника и баловня. Теперь, вероятно, он забыл всех здешних друзей и радуется тамошних, которые с появлением его, конечно, убедились, что, кроме их, у него никогда других не было в уме: в такой степени обладает он этой мягкою, магическою

¹⁾ Повидимому, творчество всегда приводило Гончарова в высшей степени взволнованное состояние духа. Ср., например, его письма к М. М. Стасюлевичу во время окончания „Обрыва“. Стасюл. и его соврем., т. IV, стр. 4 — 51.

²⁾ Майков, *op. cit.*, 12.

³⁾ Там же, 8 — 10.

⁴⁾ 23/III 1859 г. Гутьяр, *op. cit.*, стр. 38.

⁵⁾ Майков, *op. cit.*, 18.

⁶⁾ 30 апреля 1859 г. Гутьяр, *op. cit.*, 39.

привлекательностью. Но вы знаете это лучше меня, вы, пользующиеся его в самом деле особенною симпатией, насколько он только способен обособиться в этом отношении. Мы с ним как будто немного кой о чем с живостью поспорили, потом перестали спорить, поговорили покойно и растались, напутствовав друг друга самыми дружескими благословениями у Дюнон и Дюссо ¹⁾».

Эти согретые искренним дружелюбием добродушнорочливые строки лучше всего показывают нам, как относился Гончаров к Тургеневу в минуты душевного спокойствия. А как раз теперь эти часы спокойной удовлетворенности и наступили для него. Майская книжка „Современника“ принесла ему блестящую статью Добролюбова „Что такое обломовщина“, которая обеспечила его роману очень большой, хотя и несколько запоздалый, успех среди читателей.

А вскоре затем и он уехал за границу, в Мариенбад, но эта поездка оказалась гораздо менее благотворной, нежели предыдущая, как в смысле лечения, так и в смысле успешной литературной работы. То напряженное, нервное состояние, в котором он находился последние два года, заканчивая и выпуская в свет „Обломова“, серьезно истощило его душевные и физические силы и разрешилось теперь глубокой реакцией. Настроение было крайне вялое, апатичное, писание „Обрыва“ не клеилось, Мариенбад не приносил облегчения болезни (печени), и предстоящий отдых в Булони и Париже не вызывал ничего, кроме равнодушия и скуки ²⁾. В Петербург Гончаров вернулся неудовлетворенный ни лечением, ни писанием ³⁾. Осень и зиму 1859 г. он встретил таким же прихварывающим и утомленным, каким был весной. Тем не менее он продолжал работать и в феврале 1860 г. выступил перед публикой — сначала на вечере, а затем в печати — с законченным отрывком из „Обрыва“: „Беловодова“. Но и здесь и там Тургенев опять заслонил его перед публикой. Раздражение с новой силой вспыхнуло в Гончарове, снова начались бесконечные разговоры и объяснения. Но на этот раз дело повернулось круче. В припадке нерассуждающего гнева Гончаров не остерегся и выступил с открытыми обви-

¹⁾ Майков, *op. cit.*, 20. По указанию Майкова, это замечательное письмо, подлинник которого, как и других писем Гонч. к Анненк., не дошел до нас, написано перед отъездом Гонч. за границу, который состоялся в 20-х числах мая. Ср. Суперанский, М.: И. А. Гончаров за границей, *Ист. Вестн.*, 1912, VI, 851.

²⁾ М. Суперанский, там же, 851.

³⁾ Трудно сказать, виделся ли он в эту поездку с Тургеневым. Маршруты их во всяком случае значительно расходились, а фактических данных до нас не дошло. Ср. М. Суперанский, И. А. Гончаров за границей, *Ист. Вестн.*, 1912, VI, 581 — 82, и Гутьяр, *op. cit.*, 39 — 40.

нениями Тургенева в плагиате перед своими знакомыми. По городу пошли разные темные, оскорбительные для Ивана Сергеевича, слухи, и он был вынужден дать делу официальный ход, т. е. потребовать третейского суда. История этого суда довольно подробно рассказана у П. В. Анненкова, одного из членов жюри, и освещается публикуемыми ниже письмами. Собравшись 29 марта в квартире Гончарова, судьи остановились на примирительной формуле, приведенной выше. Гончаров, ожидавший гораздо худшего ¹⁾, вполне удовлетворился ею, но Тургенев — по совершенно понятным причинам — не мог признать ее справедливой. Поскольку дело шло об обвинении его в литературном воровстве, — а ведь именно это обвинение бросил первоначально Гончаров в общественный оборот, — никаких оправдывающих обстоятельств для противника, по его мнению, не могло быть допущено, иначе он все равно мог остаться под подозрением. Выслушав постановление суда, Тургенев встал и заявил, что, увидев теперь, „какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей“, он находит нужным навсегда прекратить всякие дружеские отношения с Гончаровым ²⁾.

Разрыв был объявлен открыто и на довольно долгий срок. Помирились они только на похоронах А. В. Дружинина — 21 января 1864 года, т. е. через четыре года. Со стороны Тургенева примирение было, повидимому, вполне искренним. Об этом свидетельствует дошедшее до нас письмо его к Гончарову из Парижа, отправленное тотчас по приезде туда из Петербурга. К сожалению, мы не можем сказать того же о Гончарове.

Какая-то неискренняя нота звучит во всех его письмах за это время. Мы не говорим уже о тех из них (№№ 2, 3, 4 и 5), которые относятся непосредственно к ссоре и переговорам о третейском суде. Здесь Гончаров выступает в довольно невыгодном освещении. Годы, проведенные в канцелярии за составлением и редактированием различного рода отношений, предписаний, рапортов и докладов, наложили на него свой отпечаток, и он ведет переговоры с Тургеневым, как человек, искушенный во всех тонкостях официальной дипломатии и бумажного крючкотворства. В самом деле, если первое письмо (№ 2), с его странной выходкой насчет носового платка, вылилось на бумагу в момент острого болезненного раздражения, то в дальнейших чувствуется большая обдуманность, осторожное взвешивание

¹⁾ См. ниже, примеч. № 2 к письму № 4.

²⁾ Анненков, *op. cit.*, 521.

каждого слова. Увидев из энергичного ответа Тургенева, заключавшего требование судебного разбирательства, как далеко завела его минутная гневная вспышка, Гончаров опомнился, вероятно, испугался публичного поражения ¹⁾, и с этого мгновения перед нами уже не раздражительный больной, внушающий сожаление, но ловкий канцелярский делец, подготавливающий себе для предстоящего суда почти безопасную позицию. Посмотрите только, как искусно и тонко совершает он подстановку в своей формуле. Ведь начал-то он с обвинения Тургенева в литературном воровстве — в определенном плагиате, ведь это от него, конечно, разошлись по городу порочащие честь Ивана Сергеевича слухи, принудившие его потребовать третейского суда, а теперь, опасаясь осуждающей формулы, он заявляет: „Обвинений своих или, лучше сказать, прошлогодних предположений (смягчает он свое „отношение“) я не повторяю и не намерен был повторять (но, конечно, повторил в двусмысленных намеках письма № 2 и недвусмысленно в разговорах со знакомыми, отчего и загорелось все дело), а выражал и выражаю только одно беспокойство, что и внешнее, поверхностное сходство может стеснить меня, т. е. мешать разрабатывать свой роман“ (курсив наш). Что же касается двусмысленных слухов, то они возникли помимо его, — более того, они-то и натолкнули его, Гончарова, на разные „предположения“, заставили его беспокоиться по поводу даже и внешнего сходства произведений. В этом смысле он и сам жертва разных „толков“, „догадок“, „предубеждений“, тех „других“, „иных“, „некоторых“, которые кой-где поговаривали, и которыми пестрят его письма. И за „них-то“ он и прячется теперь, делая этих анонимных „других“ ответственными как за свою тревогу, так и за темные слухи, но тщательно избегая в то же время определенных имен и кокетных указаний. Вы чувствуете, что дело ведется опытной рукой, и, конечно, не простодушному Тургеневу оперничать по части всяких формальных изворотов с этим тактичным и умным бюрократом. Да и сами судьи были пойманы на эту удочку и пошли по дороге, указанной Гончаровым, потому что их формула — строго говоря — не что иное, как успокоительный ответ на его вопрос, не помешает ли даже и внешнее сходство продолжению его работы, а не удовлетворение оскорбленному Тургеневу.

Но и после примирения в письмах чувствуется глубокая неискренность и затаенная неприязнь. Гончаров и боится Тургенева, и вечно раздражен против него, и чрезвычайно

¹⁾ О его неуверенности свидетельствует письмо к Никитевко, писанное в это же время. См. ниже.

дорожит связью с ним, его мнением, его литературными оценками. И все эти противоречивые чувства причудливо переплетаются в его письмах, оставляя в душе читателя какой-то неприятный осадок.

Гончаров никогда не откажет себе в удовольствии подпустить Тургеневу какую-нибудь шпильку, уколоть его — то отзывом о „Дыме“, то комплиментами по адресу мелких его произведений за счет крупных, то похвалой Толстому (Л. Н.), как романисту, „подобного которому еще не было“, но все эти шпильки выражены в самой невинной форме. Только изредка неприятно прорвется открыто, как в грубом отзыве о Бадене. И тут же боязнь рассердить адресата, не только готовность взять назад обидную фразу (как в отзыве о Бадене) и дать извинительные объяснения, но и просто отказ от своего мнения из опасения, что оно показалось Тургеневу наивным или поверхностным (как в отзыве о Новиковой). Какой-то вечной настороженностью, себе на уме (как в сообщениях о литературной работе), какой-то затаенной враждой и чем-то занскивающим, чем-то жалким веет с этих страниц, убористо записанных мелким почерком. И, читая их одну за другой, вы постоянно ждете, когда же, наконец, порвется слабая нить этой странной приятельской неприязни, ждете этого с нетерпением, потому что тягостно видеть, как искажается весь душевный лик Гончарова, поскольку он повернут к Тургеневу. И ждать этого недолго.

В начале 1868 г. Гончаров и Тургенев еще обменялись несколькими письмами, но уже летом их переписка прекратилась и, повидимому, больше не возобновлялась. В мае месяце этого года Гончаров — под влиянием настойчивых убеждений доброго гения своей старости М. М. Стасюлевича — отправился за границу лечиться и, главным образом, кончать „Обрыв“, тогда еще „Райского“. Уже в дороге им сполна овладело то странное творческое возбуждение, которое вообще не редко у романтиков. Но, в силу болезненных свойств Гончаровской психики, возбуждение это получило у него совершенно особый характер. Рядом с чисто художественными образами и ситуациями, напряженно работающая фантазия создавала в его сознании бредовые видения замышляемых против него козней. Его письма за это время к Стасюлевичу нельзя читать без чувства острой жалости. „Я болен больше, пишет он, нежели думают те, которые при встрече видя, что я все толст, шагаю твердо, не шатаюсь, ем, говорят: да вы здоровы, не подозревая, что я иногда готов в это время упасть от боли... я большой, загнанный, загравленный, непонятый никем нещадно оскорбляемый самыми близкими мне людьми, даже женщинами... Вчера вон подул холод, наплы тучи — и все это легло мне на душу и опять наверх всплыли мутные подонки, опять я бросил

перо, повесил голову — и стал видеть на яву скверные, преследующие меня сны! Опять дружеские лица стали превращаться в врагов, кивать на меня из-за угла бросать грязью, ставить к позорному столбу, не умея ничего разобрать и понять в моей разнообразной натуре, в моей фантазии и пере. Мне опять стало душно, захотелось и в воду, и в огонь, и в новый свет, и даже уйти совсем на тот свет... У меня очень дико на душе...“¹⁾.

И среди этих друзей, превратившихся в врагов, Тургенев, воруящий рукописи, подсылающий шпионов, стремящийся во что бы то ни стало погубить несчастного, — играет самую заметную роль, как главный организатор травли. Само собой понятно, что при таких условиях ни о какой переписке с ним не могло быть и речи.

Проведя лето за границей, Гончаров вернулся в Петербург, где вся зима прошла у него в хлопотах по заканчиванию и печатанию „Обрыва“. Возбужденное состояние, хотя и не в таких резких формах, все еще держалось, а вместе с ним сохранялась и настороженность по отношению к Тургеневу. Позднее отрицательные отзывы Тургенева об „Обрыве“, переданные, конечно, бедному Ивану Александровичу, подлили масла в огонь, уничтожив для Гончарова всякую возможность дружеской связи с ним. От 1870 г. дошло до нас известие о поклоне, который передавал Гончарову Тургенев через Стасюлевича, но, повидимому, это была уже простая проформа, соблюдаемая больше всего для самого почтенного редактора „Вестника Европы“²⁾.

Вообще же, с 1868 года начинается последний и самый длительный период в отношениях Гончарова к Тургеневу, период нескрываемой вражды и ненависти чисто патологического характера. Литературная и устная традиция сохранила нам воспоминания о некоторых ее проявлениях, но все это данные уже для психиатрического диагноза Гончаровской болезни, а не биографический и тем более историко-литературный материал.

Даже сама смерть ненавистного соперника не помирила с ним Гончарова. Он попрежнему был неукротим в своей вражде, которая угасла в нем только вместе с жизнью.

Б. Энгельгардт.

¹⁾ Письма от 13 и 19 июня 68 г. из Киссингена. Стасюлевич и его совр., IV, 22—25.

²⁾ Письмо Тургенева от 15/3 ноября 1870 г., Стасюлевич и его современники, III, II.

Письма Гончарова (кроме № 1) печатаются с подлинников, с сохранением Гончаровской пунктуации. Письма № 2—5 написаны на плотной почтовой бумаге обычного формата, без линеек, с тисненым вензелем „И. Г.“ под дворянской короной. Письмо № 6—на листке почтовой бумаги уменьшенного формата, без линеек, с цветным (зеленым) вензелем „И. Г.“. Письма № 7—8 на почтовой бумаге несколько увеличенного формата, без линеек, с тисненой виньетой „Marienbad“. Письма № 9—12 на почтовой бумаге обычного формата, с мелкой водяной клеткой. Страницы записаны вплотную, с тесно сдвинутыми строчками, очень убористым почерком, с редкими зачерками.

Письма И. А. Гончарова

№ 1¹⁾.

23-го марта 1859 г. ²⁾.

.....
.....
А прогос — о дипломатах и дипломатии. Садясь в вагон у Знаменья на станции и прощаясь со мной, вы мне сказали: „Надеюсь, теперь вы убедились (по поводу нашего разговора накануне), что вы не правы“, и потом прибавили ваш обыкновенный refrain: „Спросите у N. N.: когда я говорил ему о том-то и том-то.“ Вы могли говорить об этом очень давно, и все это ничего не значит. У меня и в бумагах есть коротенькая отметка о деде, отце и матери героя. Но говорить о четырех портретах предков (из письма) вы не могли. Впрочем, все это ничего не значит: я знаю, что внутренне вы совершенно согласны со мной.

С большой досадой я пошел домой. „За кого же он меня считает?“ — думал я — „за ребенка, за женщину или за юн ош у, как назвал меня вечером в тот день Анненков?“ ³⁾. Мне и хочется теперь сказать Вам: Нет, я убежден в том, в чем сам убедился, что вижу и знаю, что меня удивляет, волнует и заставляет поздно раскаиваться, и мне свидетельства свидетелей не нужно. Нац спор был тонок, деликатен и подлежал только суду наших двух совестей, а не NN, не П. П. Ужели вы, явясь на этот спор с блестящей свитой, могли бы быть покойны и довольны собой потому только, что N. N. или П. П. сказали бы: „Вы не правы. Как это можно: Тургенев не прав! Кто смеет подумать? Это ложь“ и т. д. и т. д. А между тем вы в самом деле

¹⁾ Перепечатаваем из статьи Л. Майкова, *op. cit.*, стр. 13—17, где оно впервые было опубликовано.

²⁾ Тургенев выехал из Петербурга в Спасское 23 марта 1854 г., и 28 прибыл туда, проведя 3 дня (24, 25, 26 марта) в Москве. Гутьяр, *op. cit.*, 38—99.

³⁾ Павел Васильевич.

были бы не правы. Я не понимаю этого. Еслиб весь мир назвал меня убийцей и лгуном, я бы не смутился; точно также, еслиб весь мир сделал меня своим идиолом, да если бы во мне завелся маленький червячок, — кончено дело: я бы пропал. Нет! если я на кануне спорил осторожно и оставил арену, не дойдя до конца, не высказавшись весь, так это потому, что есть предметы слишком нежные, до которых трудно касаться, — от того, что у меня, у „жестокого человека“, есть мягкость там, где у других ее не бывает... Мне было неловко, я конфузился — только не от своей неправоты... Правда ваша после этого, что ваши хитрости „сшиты на живую нитку“, когда вы мою мягкость и неловкость приняли за „убеждение в неправом споре“. Нет, не поверил я вам и в том, когда вы так натурально уверяли меня, что будто литературное ваше значение вовсе не занимает вас, что вы касаетесь ее так, мимоходом, а что живет в вас „старая мечта, старая любовь“, и по ней тоскуете вы, по неосуществлению ее. Простите, мне слышались в этих словах стихи:

И знает Бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет...

Дипломат, дипломат! — Нет! Давно и страстно стремилсь вы — скажу, к чести вашей — к вашему призванию и вашему значению: не сознаваться в этом было бы или постыдным равнодушием, или *fatuité*. Скажу более, вы смотрите еще выше и конечно подымаетесь очень высоко, если пойдете своим путем, если окончательно уясните, определите сами себе свои свойства, силы и средства. Вы скользите по жизни поверхностно, это — правда; но по литературной стезе вы скользите менее поверхностно, нежели по другой. Я, например, рю тяжелую бороду в жизни, потому что другие свойства заложены в мою натуру и в мое воспитание. Но мы оба любим искусство, оба — смею сказать — понимаем его, оба тщеславны, а вы, сверх того, не чужды в ваших стремлениях и некоторых страстей... которых я лишен по большой цельности характера, по другому воспитанию и еще... не знаю почему, — по лени, вероятно, и по скромности мне во всем на роду написанной доли. У меня есть упорство, потому что я обречен труду давно, я моложе вас тронут был жизнью и от того затрагиваю ее глубже, от того служу искусству, как запряженный вол, а вы хотите добывать призы, как на *course au clocher*.

Если смею выразить вам свой взгляд на ваш талант искренно, то скажу, что вам дан нежный, верный рисунок и звуки, а вы порываетесь строить огромные здания или цирки и хотите дать драму. Свое свободное, безгранично отведенное вам пространство хотите вы сами насильственно

ограничить тесными рамками. Вам, как орлу, суждено нестись над селом и горатами, областями, городами, а вы кружитесь над невидимыми для вас сверху внутренними чувствами, страстями семейной драмы. Хотите спокойно и глубоко повествовать о лице, о чувстве, которых по быстроте полета, не успели разглядеть, изучить и окунуться сами в его грусть и радость. В этом непонимании своих свойств лежит вся, по моему мнению, ваша ошибка. Скажу очень смелую вещь: сколько вы не напишите еще повестей и драм, вы не опередите вашей Илиады, ваших „Записок охотника“: там нет ошибок; там вы прости, высоки, классичны, там лежат перлы вашей музы: рисунки и звуки во всем их блистательном совершенстве! А „Фауст“¹⁾, а „Дворянское Гнездо“, а „Ася“²⁾ и т. д.? И там радужно горят ваши линии и раздаются звуки. За то остальное, за то создание—его нет, или оно нудно, призрачно, лишено крепкой связи и стройности, потому что для зодчества нужно упорство, спокойное, об’ективное обозревание и постоянный труд, терпение, а этого ничего нет в вашем характере, следовательно, и в таланте: „Дворянское Гнездо“... Про него я сам ничего не скажу, но вот мнение одного господина, на днях высказанное в одном обществе. Этот господин был под обаянием впечатления и между прочим сказал, что когда впечатленье минует, в памяти остается мало; между лицами нет органической связи, многие из них лишние, не знаешь, зачем рассказывается история барыни (Варвары Павловны), но что, очевидно, автора занимает не она, а картинки, силуэты, мелькающие очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не целостность взятого круга жизни; но что гимн любви, сыгранный немцем, ночь в коляске и у кареты и ночная беседа двух приятелей — совершенство, и они то придают весь интерес и держат под обаянием, но ведь они могли бы быть и не в такой большой рамке, а в очерке и действовали бы живее, не охлаждая промежутками... Сообщаю вам эту рецензию учителя (он—учитель) не потому, чтоб она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждает мой взгляд на ваши произведения. Летучие, быстрые порывы, как известный лирический порыв Мицкевича, населенные также быстро мелькающими лицами, событиями отрывочными, не досказанными, не допетыми (как Лиза в „Гнезде“), лицами жалкими и скорбными звуками или радостными кликами, — вот где ваша не победимая и не подражаемая сила. А чуть эта же Лиза начала шевелиться, обертываться всеми сторонами, она и побледнела. „Но Варвара Пав-

¹⁾ Появилась в 10-ой книжке „Современника“ за 1856 г.

²⁾ Появился в 1-ой книжке „Современника“ за 1858 г.

ловна“ — скажут — „полный, законченный образ“. Да, пожалуй, но какой внешний! У каких писателей не встречается он! Вы простите, если напомню роман Paul de Kosk „La loip“, где такой же образ выведен, но еще трогательней: там он извлекает слезы. Вам, кажется, дано (по крайней мере так до сих пор было, а теперь — говорят — вы вышли на новую дорогу) не оживлять фантазией действительную жизнь, а окрашивать фантазию действительной жизнью, по временам, местами, чтобы она была не слишком призрачна и прозрачна. Лири и муза — вот ваш инструмент. Поэтому я было обрадовался, когда вы сказали, что предметом задумываемого вами произведения избираете восторженную девушку, но вспомнил, что вы — ведь дипломат: не хотите ли обойти или прикрыть этим эпитетом другой (нет ли тут еще гнезда, продолжения его, то-есть, одного сюжета, разложенного на две повести и приправленного болгаром; если я ошибаюсь, если это — не то, то мне придется поверить вам в том, что вы, по вашим словам, может быть, невольно, а не сознательно впечатлительны, и я приму это как данное, неоставившее мне для решения одного важного вопроса насчет вашего характера). Если это действительно восторженная, то такой женщины ни описывать, ни драматизировать нельзя: ее надо спеть и сыграть теми звуками, какие только есть у вас, и ни у кого более. Я разумею восторженную, как Henriette в „André“ у Ж. Занд. Но такие женщины чисты, они едва касаются земли, любят не мужчину, а идеал, призрак, а ваша убегает за любовником в Венецию (отчего не в Одессу? там ближе от Болгарии); да еще есть другая сестра: „Та — так себе“, сказали вы... Тут и все, что вы мне сказали.

Вечер длинен и скучен, и письмо вышло таково же, но что делать. Я откровенно люблю литературу, и если бывал чем счастлив в жизни, так это своим призванием, — и говорю это также откровенно. То же упорство, какое лежит у меня в характере, переносится и в мою литературную деятельность, да и во все, даже в это письмо. Решите пожалуйста (самому мне это трудно сделать и не ловко): не есть ли эта кажущаяся жестокость во мне — только упорное преследование до конца, до последних целей, всякой мысли, всякого чувства, всякого явления в жизни, преследование, разводимое по временам (от старости и обстоятельств) желчью, и от того иногда неспособное и мне самому, тем более — другим, особенно людям мягким, неупорным, не навязывающим жизнь ни на что, не оборачивающимся назад и не глядящим вдаль. Им я покажусь всегда темен и тяжел и жесток. Иногда говорят: „какой это неприятный господин“ про такого господина, который имеет убеждения и правила, верен им и последователен и упорен в своих намерениях,

чувствах и целях. Но таков ли я в самом деле? Нет ли во мне мягкости, но бережливо издерживаемой на что-нибудь путное?... Впрочем, не знаю. Только знаю, что если меня что-нибудь приятно или неприятно взволнует, поразит etc, я глубоко проникаюсь мыслью или чувством, враждой ли (не ненавистью только: я не могу ненавидеть, тут у меня и упорства нет), намерением ли, и будто против воли несую свою ношу, упорно и непреклонно иду до цели, хотя бы пришлось и потерпеть. Ох, не раздражьте меня когда-нибудь и чем-нибудь. Вот с эдаким же упорством принялся я теперь составлять программу давно задуманного романа, о котором — помните — говорил вам, что если умру или совсем перестану писать, то завещаю материал вам, и тогда рассказывал весь ¹⁾. Теперь произошли значительные перемены в

¹⁾ Ссылка на это подробное изложение всего замысла „Обрыва“ Тургеневу повторяется в целом ряде писем Гончарова (см. ниже письма № 2, 3, 4), являясь той базой, на которой он строил свои обвинения. Поэтому весьма важно точно датировать этот факт. Сам Гончаров в примечании на рукописи „Обрыва“, помеченном 1887 годом, относит его к 1855 году. Вот это примечание: „Рукопись представляет материал для романа, который при напечатании в 1869 году в журн. Вестник Европы — назван Обрывом. Прежде я называл его просто Художник Райский и рассказывал содержание всем и каждому из приятелей литераторов, еще в пятидесятых годах, всего более Тургеневу, которому в 1855 году, в скором времени по возвращении моем из кругосветного путешествия, подробно пересказывал в несколько приемов все подробности, передавал сцены, характеры, так-как он более всех сочувствовал [,] по своей впечатлительности и чуткой восприимчивости в искусстве, моему труду, предсказывая ему успех“.

„1867 г. И. Гончаров“.

(A. Mazon, op. cit, Appendice, Manuscripts des oeuvres de Gontsharoff: b) Le gavin: Обрыв, примеч. 2, p. 440 — 41).

Такой же датировки, быть может, со слов Тургенева, придерживается и Анненков, который пишет: „По возвращении из кругосветного путешествия или даже и ранее того И. А. Гончаров прочел некоторую часть изготовленного им романа „Обрыв“ Тургеневу и рассказывал содержание этого произведения“ (Анненков, op. cit, стр. 520. Курсив наш). Майков говорит, что, „по всему вероятно, не позже 1857 г. Гончаров показывал Тургеневу программу романа“ (Майков, op. cit, стр. 12). Нам кажется, что датировка самого Гончарова и Анненкова должна быть принята. 21 июля 1856 г. Тургенев уехал за границу, где пробыл почти 2 года. Вернувшись обратно в начале июня 1858 г., он провел всего несколько дней в Петербурге и тотчас уехал в Спасское, откуда 9 ноября того же года привез в Петербург готовое „Дворянское Гнездо“ и разработанный план „Накануне“. Так как чтение программы „Обрыва“, о котором говорит Гончаров, не могло состояться после окончания „Дворянского Гнезда“, точно так же, как во время очень кратковременного пребывания Тургенева в Пб. летом 1858 г., то остаются только два предположения: либо чтение это происходило за границей — в Париже — осенью 1857 г., либо до отъезда за границу Тургенева летом 1856 года. Но встречи Гончарова с Тургеневым в Париже (единственное место, где скрестились их маршруты за это лето) были настолько кратковременны, что даже и „Обломова“ Тургенев слышал только начало, он уехал в имение Виардо“

(письмо Гончарова к Ю. Д. Ефремовой из Парижа от ^{25 Августа} 1857 г. 5^а сентября)
Опубликовано В. Л. Модзалевским: Невский Альманах, вып. II, „Из прошлого“,

тане, много прибавилось и даже написалось картин, сцен, овых лиц и все прибавляется. Тем, что сделано, я доволен: Бог даст и прочее пойдет на лад. Разбор и переписку этих ветхих лоскутков взяла на себя милая больная ¹⁾. „Это шьет меня“, говорит она. Она до слез была тронута тою ценой бабушки с внучкой, сценой в пользу которой вы так ружески и великодушно пожертвовали похожим на эту цену, но довольно слабым местом вашей повести, чтобы збежать сходаства ²⁾. Чтоб посмотреть, благоприятно ли действует мысль и ход романа, судьба двух женщин (и у меня аж две: вы, конечно, помните; вы так горячо одобрили тогда роман), я читал все Дудышкину ³⁾, сегодня рассказал только, но не успел прочесть всего Никитенке ³⁾, может быть, покажу Писемскому ³⁾ и Дружинину ³⁾, и если им мысль и характер героя не покажутся дики и неисполнимы, а картины и сцены сухими или неестественными, я, благословясь примусь за дело, если вдохновение не покинуло меня, если также легко будет заграницей, как было в 1857 г. ⁴⁾, если... сколько если! В самом деле я „юноша“, как меня на смех назвал Павел Васильевич (не вследствие ли сообщенного ему вами нашего разговора? Ох, вы, две могилы секретов!). Ведь не десять тысяч (на них мне мало надежды осталось) манят меня к труду, а стыдно признаться я прошу, жду, надеюсь нескольких дней или „снов поэзии святой“, надежда „облиться

Петрогр., 1917 г., стр. 29 — 30). К тому же в это время Гончарову было не до программ „Обрыва“, так как он был всецело поглощен спешным окончанием „Обломова“. Принимая во внимание эти обстоятельства, трудно допустить, чтобы подробнейший пересказ нового романа, да еще „в несколько приемов“, мог иметь здесь место. Таким образом, остается предположить, что событие это состоялось не позже весны 1856 г., а всего вернее зимой 1855—56 г., так что между ним и написанием „Дворянского гнезда“ лежит промежуток более чем в два года.

¹⁾ По всем вероятностям, дочь А. В. Никитенко — Софья Александровна, оставшаяся незамужней. Гончаров был связан с ней самой искренней, нежной дружбой, чрезвычайно высоко ценил ее указания и называл в шутку своей „литературной Агафьей Тимофеевной“ за ту деятельную помощь, которую она всегда ему оказывала по приведению в порядок переписки и корректированию его трудов. Ср. А. Мazon, op. cit, стр. 117 и 241.

²⁾ Факт этот не опровергался ни самим Тургеневым, ни Анненковым. Отсюда видно, что разговоры о заимствовании были подняты Гончаровым до появления „Дв Гн.“ в печати и даже до окончательной его отделки, по всем вероятностям, непосредственно после того, как Гончаров познакомился с романом на чтениях в кружках. Разговоры эти, как явствует из письма, по желанию Гончарова, держались в секрете.

³⁾ Дудышкин, Степ. Сем.; Никитенко, А-р Вас.; Писемский, А-сей Феоф.; Дружинин, А-р Вас.

⁴⁾ Поездка за границу летом 1857 г. (Гончаров был уволен в отпуск с 17 мая по 18 сентября) была исключительно благоприятной для него, как в отношении лечения, так и в смысле успешной литературной работы. Бодрое, жизнерадостное настроение, повидимому, не покидало его за все время этого „воляжа“. Ср. М. Суперанский, „Гонч. за границей“, Ист. Вестн., 1912 г., № 6, стр. 349 — 50, и письма к Ю. Д. Ефремовой, op. cit, стр. 22 — 23.

слезами над вымыслом“. Ну, тот ли век теперь, те-ли мог лета? А, может быть, ничего и не выйдет, не будет; с печалью думаю и о том: ведь только это одно и осталось, если только осталось, — как же не печалиться! Прощайте. Жму вашу руку.

Ответ И. С. Тургенева ¹⁾.

7 апреля 1859 г. [Спаское].

Не могу скрыть, любезнейший Иван Александрович, что берусь за перо на сей раз против обыкновения с меньшим удовольствием, чтобы отвечать вам, потому что какое удовольствие писать человеку, который считает тебя присвоителем чужих мыслей (plagiaire), лгуном (вы подозреваете, что в сюжете моей новой повести опыт есть закорючка, что я вам только хотел глаза отвести) и болтуном (вы полагаете, что я рассказал Анненкову наш разговор). Согласитесь, что какова бы ни была моя „дипломатия“, трудно улыбаться и любезничать, получая подобные пилюли. Согласитесь также, что за половину — что я говорю! — за десятую долю подобных упреков вы бы прогневались окончательно. Но я — назовите это во мне, чем хотите, слабостью или притворством, — я только подумал: „Хорошего же он о тебе мнения“ и только удивился тому, что вы еще кое-что нашли во мне, что можно любить. И на том спасибо!

Скажу без ложного смирения, что я совершенно согласен с тем, что говорил „учитель“ о моем „Дворянском Гнезде“. Но что же прикажете мне делать. Не могу же я повторять „Записки Охотника“ ad infinitum! А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такие повести, в которых, не претендуя ни на цельность, ни на крепость характеров, ни на глубокое и всестороннее проникновение в жизнь, я бы мог высказать, что мне приходит в голову. Будут прорехи, сшитые белыми нитками и т. д. Как этому горю помочь? Кому нужен роман в эпическом значении этого слова, тому я не нужен; но я столько же думаю о создании романа, как о хождении на голове: что бы я ни писал, у меня выйдет ряд эскизов. E sempre bene! Но вы ведь и в этом сознании увидите дипломатию: думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю — ради фразы. Берите меня, как вы есмь, или совсем не берите; но не требуйте, чтоб я переделался, а главное — таким Талейраном, что уу! А, впрочем, довольно об этом. Вся эта возня ни к чему не ведет: все мы умрем и будем смердеть после смерти ²⁾.

Здесь у нас наступила весна, снег сошел почти весь, но как то некрасиво, безжизненно. Дни сырые, холодные, серые; поля обнажились и желтеют мертвенной желтизной. В лесу, однако, трава уже пробивается. Дичи мало. Я надеюсь к 20-му числу все здесь кончить: 24-го я в Петербурге (29-го, вы знаете, я уезжаю). Мы увидимся в Петербурге ³⁾, а, может быть, и за границей, хотя мне, вероятно, присоветуют другие воды, нежели вам. ~~Щедро~~

¹⁾ Перепечатываем из статьи Л. Майкова, *op. cit.*, стр. 18 — 19, где оно впервые опубликовано.

²⁾ Любопытно сравнить с этой „фразой“ письмо Тургенева к Полонскому от 16 декабря 1868 г. (т. е. почти десять лет спустя), которое мы цитировали выше (стр. 11, прим. 1): говоря о странностях Гончарова и обясняя их слишком преувеличенной оценкой роли литературной деятельности в жизни, он прибавляет: „Мысль, что через каких-нибудь пятьдесят лет от твоей деятельности не останется пылинки — очень охладительно действует на самолюбие — хотя с другой стороны вполне предаваться ей не следует — а то, пожалуй, всякую работу бросишь“. Перв. собр. писем, 145 — „Фраза“, которая остается действительной через десять лет, уже перестает быть фразой, но выражает какое-то, быть может, заслоняемое обычно, глубокое внутреннее убеждение.

³⁾ Ср. выше, стр. 19.

чтобы пребывание ваше в Марненбаде было также благотворно во всех отношениях, как в 57 году. Поклонитесь от меня всем хорошим знакомым и милой ** 1). Сегодня я узнал о смерти Возио и очень пожалел о ней. Я видел ее в день ее последнего представления: она играла „Травиату“; не думала она тогда, разыгрывая умирающую, что ей скоро придется исполнить эту роль не на шутку. Прах и тлен и ложь все земное! До свидания, несправедливый человек. Жму вам руку.

Ваш И. Тургенев.

Я и забыл главное: письмо к графу Кушелеву 2) о переводе Солянинова; я завтра же напишу к нему, хотя я — признаюсь — нисколько не надеюсь на этого... мецената.

№ 2

3 марта 1860 г. [С.-Петербург].

Спешу, по обещанию, возвратить вам, Иван Сергеевич, повесть Накануне, из которой я прочел всего страниц сорок 3). Дочитаю когда-нибудь после, а теперь боюсь задерживать: у меня есть другое дело.

На обе эти повести, т. е. „Дворянское Гнездо“ и „Накануне“ я смотрю как то в связи, потому, может быть, что ими начался новый период вашей литературной деятельности. Я даже беру смелость, судя и по тем 40 страницам, которые я прочел, заключить, каким чувством руководились вы, когда писали и ту и другую вещь. Извините, если скажу, что не читая „Накануне“, я считал вас слабее и всего того значения не придавал вам, какое вы приобретаете этой повестью, по крайней мере в моих глазах и некоторых других, может быть. Мне очень весело признать в вас смелого и колоссального „артиста“. Желаю, чтобы вы продолжали и кончили литературную карьеру тем путем, на который недавно так блистательно вступили. *С. Г. Д.*

Я помню, что вы однажды приуныли и как будто опустили крылья, но талант, к всеобщей радости, не дал вам покоя и благородные стремления расшевелились 4).

По прежним вашим сочинениям, я, и многие тоже, не могли составить себе определенного понятия о роде вашего

1) Софье Александровне Никитенко.

2) Кушелев-Везбородко, Г. А., гр. В., известный богач и литературный меценат, задававший литераторам роскошные обеды и ужины и субсидировавший ряд изданий.

3) Т. е. первые пять-шесть глав, в которых именно Шубину отведено видное место.

4) Гончаров намекает здесь, повидимому, на то тягостное настроение духа, которое охватило Тургенева зимой 1857 года (в Париже) и нашло свое отражение в письмах к друзьям. Так, в письме В. П. Боткину от начала марта 1857 г. „Иван Сергеевич, сообщая о своем мрачном настроении, пишет, что „третьего дня“ уничтожил все свои начинания, планы и т. д. и что намерен впоследствии заняться лишь переводом Дон-Кихота“. Ср. Гутьяр, *op. cit.*, стр. 33.

таланта, но по этим двум повестям я разглядел и оценил окончательно Вас, как писателя и как человека.

Как в человеке ценю в Вас одну благородную черту: это то радушие и снисходительное, пристальное внимание, с которым вы выслушиваете сочинения других и между прочим недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывок¹⁾ все из того же романа, который был вам рассказан *) уже давно в программе²⁾.

Ваш искренний и усердный ценитель**)

И. Гончаров.

Не забудьте какнибудь прислать мой носовой платок; извините, что напоминаю; вы такой рассеянный и забывчивый.

Читать в Пассаже решительно не буду: потому что не здоров³⁾.

*) Первоначально стояло и зачеркнуто: прочитан.

***) Первоначально стояло и зачеркнуто: читатель.

№ 3

27 марта 1860 г. (СПетербург).

Я был до крайней степени удивлен началом Вашего письма⁴⁾, Иван Сергеевич. Вы пишете, что я будто бы велел передать Вам—просто невозможные вещи. Вероятно тут есть какое-нибудь недоразумение, которое и может разрешить лицо, взявшее на себя эту передачу.

Что касается того, что Вы называете милой шуткой, то я могу иметь на этот счет тот или другой образ мысли, и надеюсь, что в образе мыслей позволительно и не отдавать никому отчета. Впрочем я, при появлении Дворянского Гнезда, опираясь на наши старые приятельские отношения, откровенно выразил Вам мысль мою о сходстве этой повести с сюжетом моего романа, как он был Вам рассказан по

¹⁾ В письме от 22 февраля 1860 г. (из Петербурга) Тургенев сообщал Фету: „Гончаров на днях прочел мне и Анненкову удивительный отрывок вроде „Сна Обломова“ (Его Беловодова мне не нравится)“. Ср. Фет, Мои воспоминания, I, 321. Отрывок, о котором идет здесь речь, конечно, гл. VII—XI „Обрыва“: Райский на каникулах у бабушки (Гончаров, Собр. соч., изд. Маркса, т. VIII, стр. 70—104).

²⁾ Ср. прим. № 5 к письму № 1, стр. 33—34.

³⁾ Зимой 1860 г. в Пассаже был устроен ряд литературных вечеров и лекций в пользу Лит. Фонда, где выступали литераторы и ученые.

⁴⁾ Письмо это пока неизвестно.

программе. Вы тогда отчасти согласились в сходстве общего плана и отношений некоторых лиц между собой, даже исключили одно место, слишком живо напоминавшее одну сцену, и я удовлетворялся.

С появлением Вашей повести „Накануне“, прежде нежели я увидел и имел ее у себя в руках, уже кое-где говорили и раза два мне самому о том, что будто и в ней есть что-то сходное с продолжением моей программы. Тогда только, получив ее от Вас, я прочел страниц тридцать и мне самому показалось, что есть что-то общее в идее Вашего художника Шубина и моего героя. Крайний недосуг помешал мне дочитать повесть до конца и я отослал ее Вам назад. Это предположение мое о сходстве обоих лиц состоялось уже после того, как со стороны дошли до меня слухи о сходстве.

Затем остается решить, каким образом могла родиться в голове других мысль о подобном сходстве. Я объясняю это так: я многим знакомым рассказывал сюжет своего романа, показывал и самую программу; и от некоторых коротких лиц не скрыл и ту нашу переписку и объяснение, к которым подало повод „Дворянское Гнездо“. Я не считал этого тайной, тем более, что Вы предоставили мне право делать из письма Вашего, какое я хочу употребление¹⁾. Но я сделал это единственное только употребление с тою только целью, что намеревался продолжать свой роман и хотел отчасти предупредить всякие толки не в свою пользу о тождестве сюжетов; а у некоторых спрашивал мнения, хотел узнать их взгляд, могут ли тот и другой сюжеты подать повод к мысли о какомнибудь сходстве и стоит ли приниматься за это дело.

В том, что слух этот распространился и дошел уже до Вас, виноват не я. Я могу только выразить догадку, что мысль о внешнем сходстве „Дворянского Гнезда“ с „Райским“, раз сделавшись известной, могла подать повод к разным предубеждениям и догадкам насчет сходства и между художниками²⁾.

Вот все, что могу сказать в ответ на Ваше письмо: следовательно слово клевета и совет выбирать выражения, говоря о Вас, совершенно лишние. В разговоре с одним лицом, которое передавало мне этот слух, я опровергнул последний, а в ответ другому промолчал, но с некоторыми рассуждал просто о том, могло ли это случиться, или нет.

¹⁾ Письмо, о котором говорит Гончаров, повидимому, нельзя отождествить с напечатанным выше, т. к. в этом последнем нет никаких конкретных объяснений по поводу „Двор. Гн.“ Сам Гончаров упоминает о переписке. Очевидно, были еще письма, относящиеся к первой размовке и дошедшие.

²⁾ Т. е. между Райским и Шубиным.

Если Вы желаете иметь личное объяснение, я не уклонюсь от него — но в нем придется распространять только то, что сказано здесь. Разве вы захотите мне доказать, что и мое собственное предположение о сходстве художников ошибочно, то просмотревши еще раз свою программу, может быть, я и сам уверюсь в этом, если лица эти действительно разные.

Завтра (в Понед.) и послезавтра я с 12 часов до 3-х буду дома и если Вы заблагорассудите пожаловать ко мне — я буду очень рад кончить этот разговор один раз навсегда. Вы еще при первом объяснении хотели избрать посредником в этом деле Павла Вас. 1): попросите присутствовать его. Я ему вполне верю. Может быть я попрошу А. В. Никитенко и С. С. Дудышкина, а не то так ограничимся одним Павлом Вас. Я бы пришел к Вам или в другое место, но, может быть, понадобится иметь под рукой программу.

На ваше предположение, что меня беспокоят Ваши успехи позвольте улыбнуться и только.

В конце письма Вы упоминаете о других мерах: я готов на все меры, которые употребительны между порядочными людьми, если Вы недовольны моими объяснениями. Я не отвечал Вам тотчас же утром, потому что хотел увидаться с А. В. 2) и попросить его присутствовать при нашем разговоре, но мне не удалось видеть его. Если завтра ему нельзя, то утром рано я Вас о том извещу.

Ваш покорнейший слуга

Ив. Гончаров

27 марта
1860 г.

№ 4

Понед. 29 марта [1860 г. СПбербург].

Я вчера вечером достал повесть „Накануне“ и пробежал ее, чтобы иметь возможность указать на то, что имеет нечто общее с некоторыми местами моей программы. Поэтому прошу Вас не беспокоиться присылать мне книгу.

С. С. Дудышкина я приглашал положительно и дал ему знать, что Вы будете во вторник; только попрошу Вас, если Вам все равно, ровно в час. А. В. Дружинина я очень рад иметь свидетелем всегда и везде и потому, приглашая его, Вы исполняете и мое желание. Приглашать еще свиде-

1) Павел Васильевич Анненков.

2) А-р Вас. Никитенко.

телей, кроме этих я считаю просто бесполезным и для объяснения и для нас, потому что ни я, да и Вы, надеюсь, тоже не намерены устраивать из этого свидания зрелища, а просто объяснить окончательно, прав ли я, находя сходство или же совершенно ошибаюсь.

Сию минуту получил я Вашу записку и книгу: возвращаю последнюю и благодарю.

Выше я сказал, почему я считаю излишним присутствие других свидетелей, кроме поименованных: их достаточно, чтобы решить это дело, следовательно, нет и надобности устраивать из этого раут. Поэтому позвольте Вас просить ограничиться присутствием Г.г. Анненкова, Дудышкина, Дружинина и Никитенко ¹⁾.

С Г. Кавелиным я знаком мало, а при людях мало знакомых, прав ли я, нет ли — объясняться во всяком случае мне неловко.

Обвинений своих или лучше сказать прошлогодних предположений, в которых, если помните, я откровенно и дружески тогда же сознался и дело тем кончилось, я не повторяю и не намерен был повторять, а выражал и выражаю только одно беспокойство, что и внешнее поверхностное сходство может стеснить меня; т. е: мешать свободно разрабатывать мой роман. Вот в настоящее время (прошлогодняя история была между нами тогда же разъяснена и кончена) единственный пункт, который требует разъяснения ²⁾.

Усердно Вам кланяюсь,
до завтра *И. Гончаров*

Понед. 29 марта.

¹⁾ А. В. Никитенко от участия в разбирательстве уклонился, и в состав суда вошли только: Анненков, П. В., Дружинин, А. В. и Дудышкин, С. С. См. Анненков, *op. cit.*, стр. 521.

²⁾ Любопытным комментарием к этим объяснениям Гончарова, обращенным к Тургеневу, служит его письмо к Никитенко, писанное накануне (28 марта 1860 г.): „Тургенев, опираясь на общее расположение к нему некоторых лиц известного кружка, настаивает на объяснении, с тем чтобы, конечно, пустить в меня громы. С ним будет Анненков [П. В.], потом Дружинин [А. В.], Дудышкин [С. С.]; хотел он еще нагнать народу, но я не вижу в этом надобности и потому устраняю; он хочет сделать торжество свое полное и т. к. юридически дела решить нельзя, то он, конечно, и выиграет“. Письма Гонч. к А. В. Никитенко, *Русская Старина*, 1914, № 2, стр. 416. Очевидно, что сам Гончаров даже и после получения очень резкого письма от Тургенева на объяснении не настаивал, и именно боязнь поражения заставляла его стремиться к возможно меньшему числу свидетелей и так скромно формулировать в последний момент свои обвинения.

29 марта [1860 г. СПбегбург].

Получив вчера утром Ваше письмо, в котором Вы говорите, что первое сведение о моих обвинениях против Вас сообщено Вам г. Майковым¹⁾, я тотчас же обратился к нему с вопросом, когда я говорил ему о Вас что-нибудь подобное и вообще была ли у нас с ним когда-нибудь речь, не только о „Накануне“, но и о „Дворянском Гнезде“: он конечно отвечал отрицательно, потому что иначе ответить не мог. Я предложил ему обратиться с этим ответом к Вам: он человек честный и лгать не станет.

На наше объяснение я не приглашал его не из какой-нибудь боязни, а потому что он, равно как и Г.г. Кавелин²⁾ и Писемский³⁾, не знает о содержании моего романа и следовательно был бы только любопытным свидетелем, умножением толпы, без пользы для самого дела.

Если Вы хотите придавать этому делу какую-то публичность, дать ему форму суда, тогда надо звать десятки свидетелей, приглашать Г.г. Краевского, Панаева, Некрасова, Галахова и т. д.⁴⁾. Но как я давно писал, и теперь повторяю, что подобные вопросы никакой юридической форме подлежать не могут и юридических доказательств в этом деле ни с той ни с другой стороны представить нельзя. По этому, если, как я понимаю Ваше желание, Вы хотите иметь только объяснения в том, прав ли я, находя сходство Вашего сочинения с моим, или нет, для этого четырех, назначенных вчера свидетелей весьма достаточно, и я настоятельно прошу Вас ограничиться их присутствием по самой простой и понятной причине: как при незнакомых людях, так и при многих свидетелях одинаково неловко т: е: не свободно рассуждать о тонких и щекотливых вопросах, подлежащих суду совести. А право всякого другого суда в этом деле позвольте над собой не признавать.

Ваш покорный слуга

И. Гончаров

29 марта.

Сегодня в час — я буду дома: Г.г. Никитенко и Дудышкина я известил и они вероятно будут. Г.г. Анненкова и Дружинина взялись известить Вы⁴⁾.

¹⁾ Вероятно, Ап. Ник. Майков.

²⁾ Кавелин, К. Д.; Писемский, А. Ф.

³⁾ Краевский, А. А.; Панаев, Ив. Ив.; Некрасов, Н. А.; Галахов, А. Д.

⁴⁾ Заседание суда состоялось в тот же день на квартире Гончарова в присутствии Анненкова, Дудышкина и Дружинина. Постановление суда и отношение к нему сторон изложены выше, стр. 15.

Письмо И.-С. Тургенева *).

Париж. Rue de Rivoli, 210.
Суббота, 14 (26) марта 64 г.

Любезнейший Иван Александрович. Я третьего дня добрался досюда — и пользуюсь первой свободной минутой, чтобы написать несколько слов в ответ на Вашу последнюю записку.

— Если Вы порадовались моему приезду¹⁾, потому что он положил конец возникшему между нами недоразумению — то и я со своей стороны не менее Вас порадовался возобновлению дружеских отношений с человеком, к которому — не говоря уже об уважении к его таланту — я стою очень близко — в силу общего прошедшего, однородности стремлений и многих других причин.

— Мы ведь тоже немало с Вами последние Могикане. — Повторяю — душевно рад тому, что чувствую снова Вашу руку в моей — и с удовольствием думаю об обещанном Вами посещении меня в Бадене.

Благодарю Вас за помещение статейки в Голосе²⁾; будьте так добры не забудьте и „Сев. Почты“³⁾, а если это уже сделано, примите мое спасибо.

Я остаюсь здесь около пяти недель — и очень мне было бы приятно получить от Вас письмо. — Мне приходится немедленно засесть за статью о Шекспире, которая, если будет найдена удачной, прочтется в день его годовщины. Сообщите, какие Вы найдете интересными новости. Не продержала ли меня „Искра“ за мое летание? Появилась ли „Эпоха“? — Что происходит в университете? — Здесь умы заняты последними весьма радикальными выборами; — но о Польше ни слуху, ни духу; c'est, как говорят французы, une question coulée; — даже не совсем прилично упоминать о ней, как о прошлогоднем наряде. Впрочем, я еще не успел почти ни с кем видеться: просидел часа два с Мэриме.

Пока прощайте; крепко и дружески жму Вам руку и остаюсь преданный Вам

Ив. Тургенев.

*) Перепечатываем из статьи М. Суперанского Ив. А. Гончаров, где оно впервые опубликовано. Вестн. Европы, 1908, № 12, 456.

¹⁾ Тургенев, после долгого пребывания за границей (с 4 августа 1862 г.), 6 января 1864 г. приехал в Петербург для дачи объяснений Сенату по „делу о сношениях с эмигрантами (Герценом и др.)“. В этот приезд и состоялось его примирение с И. А. Гончаровым на похоронах А. В. Дружинина 21 января 1864 г. Ср. Гутьяр, *op. cit.*, стр. 50, 55, 56 и письмо к Маслову, И. И. от 9/1 64 г. Перв. собр. писем, 115.

²⁾ Во время своего пребывания в Петербурге Тургенев издал „Альбом романсов П. Виардо по слова Пушкина, Фета и Тургенева“ и очень хлопотал о его распространении. По его просьбе Гончаров поместил в „Петербургских Отметках“ в „Голосе“, куда он постоянно поставлял материал, короткую заметку под названием „Музыка г-жи Виардо на русские стихотворения“. В этой заметке, между прочим, сообщалось, что „слышавшие исполнение этой музыки уверяют, что талант некогда любимой певицы блистательно возрождается в музыкальной композиции“. Голос, 1864 г., № 54.

³⁾ Официоз Минист. Внутр. Дел, редактором которой одно время состоял Гончаров (с 29/IX 1862 г. по 21/VI 1863 г.). Соответствующей заметки в „Сев. Почте“ нам не удалось найти.

27 февраля — 1866 г.

10 марта

Моховая, д. Устинова.

Я назвал Вас потому эгоистом, любезнейший Иван Сергеевич, что сами Вы по словам Вашим, в качестве эгоиста обратились ко мне с вопросом о новостях. Не думайте, что бы я считал себя эгоистом меньше Вас — напротив: я только скрываю удовольствие писать к Вам под видом будто бы оказываемой Вам услуги — т: е: сообщения новостей. Да и в самом понятии эгоист я не нахожу ничего дурного, особенно, когда кто сам заявит себя таковым, да и никто, кажется, этим не смущается, кроме одной, знакомой мне теперь умершей старушки, которая когда хотела оскорбить кого-нибудь, выразить всю свою злобу, то называла эгоистом. Иногда она этим поражала кучера, повара или пьяного лакея, а однажды меня за какой то ужасный поступок. Эта старушка была моя мать¹⁾. Видя, что она (не из ученых была, не знала ни по французски, не играла на фортепьяно, а только от природы была умна) придает этому слову какое то другое значение, я попробовал было объяснить ей настоящий смысл, но не успел. Так она и унесла в могилу какое то ужасное понятие об эгоисте.

О лете и о намерениях моих я только на днях стал смутно подозревать, что, может быть, и поеду куда-нибудь т: е: на воды — прополоскать себя, а потом к морю покупаться.

Богемские воды и морские купанья — вот, десять лет помогают мне не только предупреждать серьезные недуги — подагру, ревматизм или радикальное расстройство брюшных органов, но благотельно действуют и на нервную систему, и поддерживают бодрость в организме. Особенно прошлый год меня сильно обновил Мариенбад, потом море, так что я, до сей минуты, ни признаков желудочных и ревматических, ни сплина не ведаю.

У меня была более широкая затея: это пуститься опять в море, на военном фрегате, хотя не так далеко, как прежде, а объехать Средиземное море (с Италией, Испанией и Грецией) по случаю поездки одного из Великих Князей²⁾. Я стороной

¹⁾ Авдотья Матвеевна (урожд. Тахторина, сконч. 11 апреля 1851 г.). И. А. Гончаров очень любил и уважал свою мать и свято чтит память о ней. „Жизнь ее, писал он сестре 5 мая 1851 г., — за исключением неизбежных человеческих слабостей, так была прекрасна, дело ее так строго выполнено, как она умела и могла, что я, после первых невольных слез, смотрю покойно с некоторой отрадой на тихий конец ее жизни, и горжусь, благодаря Бога за то, что имел подобную мать. Ни о чем и ни о ком у меня мысль так не светла, воспоминание так не свято, как о ней“. М. Суперанский, И. А. Гончаров, В. Евр., 1907, № 2. Ср. также Воспоминания, II, На родине (Собран. соч., изд. Маркса, III, 57).

²⁾ См. прим. 1 на стр. 85.

осведомился, не будет ли мне опять счастья (в роли учителя или чтеца) поплавать, как я плавал бывало по таким водам и в таком воздухе, которых о-сю-пору забыть не могу. Но мечта эта оказалась мечтой: фрегат идет не в Средиземное море, а просто в океан, на морскую практику.

Я был недавно у своего министра¹⁾ с некоторого рода оправданием в том, от чего я (по поводу одной из книжек Русского Слова) не подал голоса к его закрытию. Он очень умен, отлично воспитан — этот человек — и чем ближе его узнаешь, тем более растет к нему симпатия. Противная партия говорит конечно не то — но мне до партий дела нет и если у меня есть золотник того беспристрастного ума, о котором Вы говорили в письме, то это только и помогает мне судить людей.

В этом разговоре я вставил речь о поездке за границу — а он не возражал. Стало быть есть надежда, что я поеду.

В Баден-Баден едва ли попаду. Он что-то похож на развратную станцию, на какое то европейское распутие, куда официальным долгом считает ползти все известное, богатое, как идут в открытый всем салон. Пусть в этом салоне и Рембрант висит, и поется или играется великая музыка, а все-таки с этим вместе лезут в душу впечатления, одно другого пошлее и оскорбительнее. Может быть, остальные месяцы там и хорошо, а летом очень людно, всякой сволочи много, и сама природа как то задавлена и пропадает там²⁾.

О Русском Слове я упомянул: его, голубчика, закрыли на пять месяцев — и все этим довольны, даже большая часть нигилистов.

В Декабрьской Книжке оно договорилось до геркулесовых столбов. Стало защищать воров и мошенников, на которых смотрит как на продукт испорченного социального и экономического порядка. Потом вдруг вздумало разбирать Кто виноват, с сочувствием к Герцену, потом

¹⁾ Валуев, П. А. (1814—90 г., с 1880 г. — граф, с 1861—68 г. — мин. внутр. дел, с 72—77 — министр госуд. имущ., с 1877—81 — председ. Комит. министр., автор ряда статей и романов, из которых „Лорин“ (82 г.) дал повод для „Литературного Вечера“ Гончарова. С Валуевым Гончаров сохранил дружеские отношения до конца. Ср. И. А. Гончаров в неизданных письмах к гр. П. А. Валуеву. Спб. 1906 г.

²⁾ Свое мнение о Баден-Бадене Гончаров изменил довольно скоро и в 1867 г. от 25 июня писал оттуда А. Г. Тройницкому (до марта 1867 г. тов. министра внутр. дел и след. нач. Г., а затем чл Госуд. Сов., ум в 1871 г.): „Сюда я забрался потому, что нет места удобнее и приятнее для отдыха после вод, в ожидании срока морского купания. Здесь и зелень, и тень и удивительный воздух, света и роскошь вместе с уединением и скромностью... Если [Вы] не знаете Вадена, то позвольте посоветывать вам отдохнуть здесь: зову, приглашаю, маю Вас сюда...“ М. Суперянский, Ив. Ал. Гончаров, В. Евр., 1908, № 12, стр. 44.

перевели роман Эркмана-Шатриана Пролетарий, где героев революции ставят выше римлян и вся книга такая¹⁾.

О Вашем писании давно уже проболтался мне Боткин, как же по его собственному сознанию, рассказал Вам, что и я пишу. Но как же злостно взглянул он на меня и зашипел (зачем же Вы меня обманываете), когда я сказал, что читал ему не новре, а старое, из пожелтевших от времени тетрадей, и уже читанное и другим, между прочим и Некрасову, и Дружинину, и Дудышкину.

Но вся беда в том, что я клеить не умею. Если бы можно было так по частям бросить в печать — страниц сотни полторы бы вышло — за то все остальное такая мертвечина, связано таким жеванным хлебом — что я ужасаюсь при мысли — ну, как вдруг умру, а наследник мой, какой-нибудь племянничек, ради денег на кутеж, продаст этот хлам без церемоний в журнал — там напечатают? Я серьезно подумываю бросить все в огонь если смерть застанет не в расплох, то, конечно, и сделаю это.

Об угле зрения спорить не стану: может быть, оно и так, как Вы говорите, хотя, прибавлю, надо сознавать за собой большие силы, гоголевские или пушкинские, чтобы imposer на современную мысль или вкус общечеловеческими созданиями искусства.

Но я вовсе никакой за собой творческой силы теперь не чувствую, а усталость и следовательно, неохоту (а не лень) ощущаю.

Прощайте — дружески Вам кланяюсь — до следующего письма.

И. Гончаров.

Что²⁾ же моя просьба не франкировать Ваших писем — бессильна! Ведь это обяжет меня возить письма из Моховой в Почтамтскую, а не бросать в ящик. Пожалуйста, когда будете отвечать, бросьте и Ваше в ящик без марки.

¹⁾ Эркман-Шатриан, Воспоминания пролетария (11—12 книжки Русского Слова за 1865 г.); А. К. Шеллер, Кто виноват (по поводу романа того же названия), Русск. Сл., 1865, № 12; Н. Шелгунов, Честные мошенники, Русск. Слово, 1866 г., № 1. Подробности закрытия после трех предостережений см. у В. Богучарского, Из прошлого русского общества, Сиб., 1904 г., 369—70.

²⁾ На полях, в длину страницы.

15/27 июня 1866 г.

Любезнейший Иван Сергеевич!

Во втором моем письме из Петербурга я не доброжелательно отозвался о Баден-Бадене на Ваш вопрос о том, не загляну ли я туда и нынешний год. А вот теперь благодаря войне, я, может быть, и весьма загляну в Ваш любимый приют и даже побуду в нем долее, нежели бы пробыл в мирное время особенно если встретится затруднение проехать в Париж. Баден-Баден очень шумен и тех, кто ищет или какого-нибудь развлечения и веселья, того поглощает толпа, рулетка, прогулка по окрестностям и даже просто зевание на пестрые явления и лица баденского сезона. Я в такой толпе чувствую себя особенно одиноким и особенно скучаю, хотя в Баден-Бадене живете Вы, и следовательно имея одного старого приятеля, можно бы помириться со всем остальным. Но именно в Бадене-то Вы всего менее принадлежите Вашим приятелям, которым, чтобы видеть Вас, час или два ежедневно, нужно жить или с Вами, или в ближайшем соседстве.

Это не упрек, а объяснение, почему в Бадене мне скучнее, нежели где-нибудь. При том я всегда чувствовал себя неловко в больших, шумных и особенно великолепных салонах, а Баден именно похож на открытую для всех, холодно-гостеприимную гостиную гордого богача: холодное же гостеприимство всегда оскорбительно.

Я немного каюсь, что поехал нынешний год за границу: и курс не выносим, и обстоятельства невыгодные, но меня выгнала из России, частью невозможность усидеть летом в Петербурге, частью неизвестность, что мне удастся поехать на следующий год — я и бросился точно в омут.

В Берлине при мне уже закрылись две дороги: одна в Париж, другая через Дрезден в Богемию. Оставалась третья через Лейпциг. Если бы я промедлил еще день в Берлине, то не попал бы сюда — и сидел бы все в Берлине, ожидая перемены обстоятельств, или воротился бы домой. Но я проскочил через Лейпциг и Рейхенбах до Эгера, откуда оставалось всего часа четыре езды в коляске до Мариенбада. В Эгере я вдруг слышу толки, что с вод все раз'езжаются, что в Богемию вскоре вступят пруссаки и снимут рельсы с дорог. Мысль попасть и засесть на неопределенное время в Мариенбаде, и при том одному, до того ужаснула меня, что я из Эгера же взял обратно билет до Лейпцига, с намерением пробраться в Берлин и домой. Ночью я заснул, а в 5 часов утра меня разбудил голос кондуктора: „Steigen Sie aus: man kann nicht weiter!“ —

кричал он. Это было в Рейхенбахе. Всех нас высадили вон и багаж выложили на платформу. „Куда же деться?“ спрашивали со всех сторон. „Куда хотите. Через два часа пруссаки будут здесь“. Однако посадили всех опять и стали подвигаться снова вперед, но в Gössnitz или Kösslitz узнали, что пруссаки заняли уже Лейпциг и быстро двигаются вперед, уничтожая железные дороги и телегр. проволоки. Нас потолкали назад в вагоны и помчали на всех парах назад, захватывая по дороге все пустые вагоны, чтобы пруссаки не могли нас настичь. Часа через два мы были вне опасности и после полудня я опять приехал в Эгер, а оттуда сюда, где и живу неделю, не зная, когда и каким путем выберусь отсюда на Запад, в Париж и к морским купаньям ¹⁾. Для моей лени и привычек — это удар пробираться окольными, да еще, пожалуй, не железными путями, например, вместо того, чтобы через Гаф и Вюрцбург на Париж и Трувилль, надо опять на Нюрнберг и Виртемберг, а не то, чего доброго и на Вену. Мнительность, нетерпение и раздраженные нервы вопиют против этих помех до смешного. Я ропщу вслух и захохочу над собою, вместе съ несколькими, живущими здесь соотечественниками и соотечественницами, между прочим и с Ольгою Алексеевной Новиковой, от которой я сегодня узнал, что Вы в Бадене ²⁾.

Она страстная Ваша поклонница, и я Вас с завистью с этим поздравляю. Ее внимание дешево купить нельзя, также как нельзя и скрыть от нее не только какой-нибудь уродливости, но и малейшей Schwächheit, insuffision — она чует Вашу мысль при ее, так сказать первом входе в мозг, ловит и объясняет малейший намек, по одному тону видит вперед всю музыку — и при этом искренно-детски способна увлекаться и наслаждаться всем, что есть ум, искусство, всякая нравственная сила. Я не знаю ее почти вовсе: может быть все это, т. е: разносторонность и универсальность ума, легкость и тонкость чутья, способность увлекаться мешает ей быть глубокой и сосредоточен-

¹⁾ В письме А. Г. Тройницкому от 19 июля 1866 г. из Парижа Гончаров так характеризует свое пребывание в Мариенбаде: „Мы жили там и лечились под самыми дурными впечатлениями. Каждый день получались тревожные известия о том, что пруссаки обходят нас кругом, что дороги будут сняты, так что нельзя было предвидеть, когда и куда и каким путем можно будет оттуда выехать. Последнее обстоятельство приводило меня в отчаяние — и под влиянием всего этого и лечение мое, а еще менее (sic) писанье пошли прахом. А эти две цели только и побудили меня поехать нынешний год. Других у меня нет, да и быть не может“. Супер., ор. cit., В. Евр., 1908, XII, 446.

²⁾ Новикова, Ольга Алексеевна (рожд. Киреева, 1840 — 907 гг.), известная писательница по вопросам иностр. политики. Еще больше значения имел ее „политический салон“ в Лондоне, который посещался выдающимися политическими деятелями, и где она вела неустанную агитацию в пользу англо-русск. сближения. Подробн. см. W. T. Stead, Депутат от России Перев. Е. С. Мосоловой, Спб., 1915 г. 2 тл.

ной — так кажется при поверхностном наблюдении — но во всяком случае — со всем этим легче, здоровее и естественнее живется, нежели съ глубокими и сосредоточенными взглядами, чувствами, а вместе съ тем и с глубокими печальями.

Не будь я такой старый пень, источенный насковозь червями лет и анализа, я бы благословил судьбу за ниспосланное собеседничество такой женщины в течение трех четырех недель в глуши богемского соснового леса. Но к сожалению я потерял способность наслаждаться не только такими умными, головами (как беседа с умной женщиной), но и другими, более живыми, чисто нервными отрадами. Пора всяких трепетаний и потрясений, и нервных и душевных, миновала, стало быть, и вдохновение не подымает влас на челе, хотя, по старой привычке, я всегда захватываю с собой несколько старых рукописей: но это единственно затем, чтобы обмануть искусно себя и сократить время и скуку водяного лечения. Читать я уже не могу ничего (кроме обязательного чтения по службе), а писать без цели и плана еще можно: потому то прожить так четыре недели на водах, как велит доктора, т. е: бродить по дорожкам, слушать польки и мазурки, и вести „приятные разговоры“ — считаю физически невозможным.

Напишите мне слова два в ответ: этим Вы развлечете меня приятно и полезно на целый день. Если Боткин ¹⁾ там, поклон ему. Надеюсь, что дорога от Вас в Париж не закроется и тогда я не отчаиваюсь увидеться с ним у морских берегов.

Из России ничего не получал. Накануне своего отъезда я узнал, что „Современник“ и „Русское Слово“ запрещены по Высоч. повелению (помимо Совета по делам печати): вероятно Муравьев по следствию открыл в заговоре многих сотрудников или последователей этих журналов ²⁾. А Некрасов только было задумал расстаться с красной партией, и передать журнал в другие, консервативные руки. Внезапная остановка журнала будет стоить ему тысяч двадцать убытка ³⁾.

Жму Вашу руку и надеюсь на дружеский ответ

И. Гончаров

Адрес мой: Böhmen. Marienbad.
Hotel Stadt Brussel, № 9.

¹⁾ Боткин, В. П.

²⁾ 3 июня 1866 г. появилось след. правит. сообщ.: „По Высочайшему повелению, объявленному министру внутренних дел председателем Комитета министров 28 минувшего мая, журналы „Современник“ и „Русское Слово“, вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления, прекращены“. Сев. Почта, 1866 г., № 118. Повидимому, Гонч. был прав, усматривая в этом влияние Муравьева (гр., М. Н., 1796—866 гг.), председателя Верховн. След. Комис. по делу Каракозова. Подробности см. у В. Ботучарского, Из прошлого русского общества, Спб., 1904, стр. 370—71.

³⁾ Начиная с этой фразы, приписано на полях, вдоль страницы.

№ 8

30 июня 1866 г. Stadt Brussel, № 9.

Благодарю Вас, любезнейший Иван Сергеевич, за приятный и благоприятный, и при том скорый ответ на мой запрос о свидании с Вами в Бадене. Всячески постараюсь побывать, если, чего Боже сохрани, не помешают пруссаки с севера, или гарибальдийцы с юга, которые будто бы умышляют проникнуть в Баварию. Эта пара дней, на которую Вы зовете в Баден и которую я, помимо Вас и не трогая Вас т:е: не мешая Вам там, желал бы простереть недели на две, будет, т:е.: пара дней, едва ли не самым приятным эпизодом в моей нынешней поездке. Там и любезный и ласковый Василий Петрович ¹⁾—там и Mosel-Wein mousseux, которым теперь моя очередь напоить Вас допьяна, все это может сделать из этой пары дней, при хорошей погоде, для меня настоящий Nachkur после вод т:е: морально, для духа, сделать то же, что воды сделают для тела. А если к этому Вы вынете из портфеля две-три страницы нового и прочтете... да, нет, если просто найдете такой час, когда весело и беззаботно говорится, то это уже и будет роскошью баденского гостеприимства. Из Петербурга я неприятно отозвался в ответе к Вам о Баден-Бадене, между прочим потому, что в Петерб. я вообще и большей частью бываю зол или угрюм: „Чорт его знает (думал я там злобно): он ни за что не скажет и не покажет, что гости, даже из коротких приятелей, приезжающие к нему в Баден для него—хуже татар, а внутренно, может быть, клянет их—не поеду—мол туда“. А теперь эгоизм перетягивает и хочется ехать ²⁾.

Вы правы все военные проделки—не по натуре мне, не трусости, конечно, ради, нет: если мне скажут, что какая-нибудь шальная бомба упадет ко мне в комнату и разорвет меня,—я ничего: может быть, закричу, если успею, а то так и молча умру. Но если скажут, что мне понадобится ехать тысячу верст не по железной дороге, а в экипаже, или прожить лишнюю неделю там, где я не хочу, или я не буду знать, можно ли мне вернуться в срок и обыкновенным путем в Россию—все это повергает меня в уныние или раздражение.

¹⁾ Боткин.

²⁾ От 19/VII 66 г. Г. писал из Парижа А. Г. Тройницкому: „В Баден-Бадене я провел приятно время потому, что нашел там Тургенева, Боткина [В. П.], вашего соседа, и много других знакомых“. Суперанский, op. cit., В. Евр., 1908, XII, 446.

О Madame N.¹⁾ Вы судите верно, Вы тонкий до неприятности (для наблюдаемого предмета) наблюдатель: но в сказанном мною о ней в письме к Вам не ищите строгой истины, а примите кое-что и за комплимент, который я ей самой поднес, вместе с букетом на третий или четвертый день приезда сюда и который записан слово в слово в письме к Вам, о чем ей и доложил, даже показал те строки.

Но что касается до того, чтобы *сойтись* с ней, как вы говорите, то это невозможно, между прочим, и потому, что она без толпы жить не может, а я толпы терпеть не могу; да к тому же с годами и усилившимся до болезненности анализом потерял способность сходитья с кем бы то не было. Если бы, даже, женщина тронула меня красотой, то я недели на две раздражился бы нервами, а потом соскучился вкоре и бежал бы прочь.

Обращаясь к m-me N опять таки скажу, что она очень умна и тем непростительнее ей раскидывать свое внимание на толпу, отыскивать авторитеты и непременно требовать от них или лучше сказать непременно видеть в них и ум, и душу etc. etc., потому только, что они — авторитеты.

Об этом я уже успел доложить ей, заметив, что это искание знаменитостей, стремление сближаться с ними, видеть в них непременно то, другое, третье, чего иногда вовсе нет, потом вообще обставлять себя толпой, устраивать свиту, стараться входить съ теми или другими замечательными личностями в те или другие сношения — все это такие устарелые общие места, что даже не хочется простоу человеку искать внимания такой женщины. Потом я, не далее как вчера, заметил ей, что она отчасти кокетлива. „Зачем — мол было Вам искать какого-нибудь Ауэрбаха: чорт ли в нем, как в лице, в человеке. Ведь вы знаете его книги, а что за дело до лица? И отчего Вы около себя в другом не ищите того, что могло Вас занять (или Вы предполагаете, что могло занять) в Тургеневе? Ужели умное слово, тонкое наблюдение, струя поэзии — возможна или драгоценна Вам только в таком человеке и все это теряет цену, если Вы встретите его там, где непременно предполагали?“ Она из'явила желание, чтобы я писал ей, я сказал, что ни у нее, ни у меня нет потребности, а выдумывать потребность, когда ее нет была бы ненужная аффектация.

Не знаю, поможет ли натурализм этого рода, проповедуемый мною, *сойтись* с нею: не думаю. Но во всяком

¹⁾ Ольге Алексеевне Новиковой. Значительное место, уделяемое ей Гонч. в письмах к Тург., свидетельствует о силе впечатления, произведенного ею на Ив. Ал. Это не может показаться удивительным, если иметь в виду, что под очарование и даже влияние этой „русской Лорелен“, как ее называл лорд Биконсфильд, попадали такие люди, как гр. Бейст, Гладстон, гр. Кайзерляг и пр. и пр. Ср. Stead, op. cit., т. I.

случае я с удовольствием встречаюсь с нею и в хорошую погоду бываю даже болтлив. Боюсь, что она болтливость мою примет за ум, хотя я и поклялся ей, что она от меня умного слова не услышит, но к прискорбью моему замечаю, что она старается не просто принять мой разговор — как он есть — т.е. за болтовню всего, что взбредет на ум, а непременно пытается видеть какой-то особый продукт ума. Нет, я не согласен: *восторженности* в ней нет, а если есть, то она ответственная и надуманная. Для наивной восторженности — она умна. Только одна жизнь в толпе и бестолковая, мелочная трата ума и внимания мешает ей сосредоточенно поверить себя и отделаться от этих общих мест, о которых сказано выше. А может быть и самолюбие тоже.

Я вчера ей отомстил за ее страсть представлять друг другу своих гостей. С кем я у ней не познакомился? И с двумя жидовками, дочерьми лекаря, и с какой-то девицей Гульда, и с каким-то агентом космополитической партии в Пруссии etc. Я за то представил ей чиновника, продукт Петерб. болотной почвы. Он, в знак утонченного внимания и приятности манер, ходит на ципочках, грациозно покачивая голову и брюшко направо и налево, стыдливо говорит о действии крейцбруннена даже с доктором, боится разбойников и мошенников и здесь и не смеет один пойти в лес. Вот я его и представил Ольге Алексеевне. „Сколько изволите стаканов кушать?“ был первый его вопрос, сделанный с грациозно-наклоненной головой и с сладчайшей улыбкой. Она засмеялась ему в лицо потому, что между прочими милыми качествами, она смешлива, а я это почему то люблю.

Я такой грубиян и так верю в здравый ум нашей соотечественницы, что не задумался бы показать ей, что у меня тут о ней написано.

О тетрадах своих скажу, что *мое* (а не Вапше) время действительно прошло, но я вожу свои тетради затем, что вижу в них огромный ресурс обманывать время и себя. Чем наполнить пустое утро? Я сажусь и начинаю главу, не заботясь, чем она кончится, приведет ¹⁾ ли к чему-нибудь, выскажет ли то, что нужно для главной цели всего романа. Меня занимает злоба дня т.е. каждая глава отдельно: как ни верти, а выйдет (как у Петрушки в чтении) сцена, разговор, силуэт или портрет лица — и иногда бойко или живо а все в целом не годится. И это может продолжаться *ad infinitum* ²⁾.

¹⁾ С этого слова все остальное на полях, вдоль и наверху страницы.

²⁾ О литературной работе Гончарова за эту поездку см. ниже прим. к письму № 10, на стр. 55-ой, № 1. .

Прощайте и не пеняйте, что занял Вас долго. Я даже не решаюсь обязывать Вас к ответу — это было бы слишком злоупотреблять Вашею мягкостью.

Досвидания. Еще поклон Василию Петровичу.

Ваш И. Гончаров.

№ 9

3

Boulogne sur mer $\frac{30 \text{ Июля}}{12 \text{ Августа}}$ [1866]

В Париже я встретил, любезнейший Иван Сергеевич, всем нам хорошо известного сочинителя Данилевского¹⁾ который хотя давно исчез с Петербургского горизонта и проживает в каком то патриархальном малороссийском углу, хотя он давно муж и отец семейства, но — к изумлению моему — в нем, во всей действительной своей прелести знакомые нам черты: он также похвастывается и лжет как и прежде, также все перевирает, следовательно с ним также надо быть осторожным. Здесь я встретил его в одном семействе, которое я видел в Мариенбаде и с которым он в родстве или в короткой дружбе: И тут его разумеют лгуном.

К чему я все это Вам говорю? может быть спросите Вы, а может быть и не спросите, если Данилевский — уже там у Вас.

Дело в том, что он меня преусердно расспрашивал о Вас, о том, в Бадене ли Вы еще, пишете ли, живете ли в своем доме, и между прочим можно ли свободно и доступно видеть Вас. Я на два первые вопроса ответил утвердительно или почти ничего не отвечал, а на последний сказал ему откровенно, что посетители мешают Вам по утрам; а начиная с обеда и до ночи Вас и вовсе не видать, что Вы ходите также на охоту и что мы, короткие приятели, видели Вас на четверть часа за завтраком, или на променаде и потом Вы пропадали в пропасти разных знакомых.

Он все это выслушал, принял, повидимому, к соображению, однако спросил потом, что стоит съездить в Баден-Баден и обратно.

Надеюсь, что он не приехал туда, а если приехал, то натурально непременно что-нибудь наврал и на меня или обо мне.

Я боюсь его, как огня: он в Париже у меня в глазах наврал, сказавши своим знакомым, что я буду с ними обедать

¹⁾ Данилевский, Григ. Петр., известный писатель (1829—90 г.), по выходе в отставку в 1857 г. проживал в своем имении в Малороссии, только изредка показываясь в Петербурге, пока в 1888 году не вернулся на государственную службу в качестве помощника редактора, а затем редактора „Правит. Вестника“.

в каком-то ресторане, а ко мне прибежал сказать, что они ждут меня к себе непременно в два часа. Все это по его милости состоялось: я пришел туда в два часа, а мне было некогда и меня не ждали, потом мы обедали в трактире, тогда как знакомые вовсе этого не желали, потому что отель была дешевая и им было даже совестно обязать меня обедать скверно. Все мы посмеялись над Данилевским и обругали его.

Я боюсь, чтобы Вы не подумали, — что я его не то что уговаривал ехать, этого Вы не подумаете, а что я слабо удерживал его от поездки в Баден-Баден. Нет очень энергически, но я видел, что у него есть какие-то цели видеть собственно Вас т:е: целей конечно нет и быть не может, а просто он поговорит с Вами, потом все это у себя дома перевернет, будет хвастаться, пожалуй скажет, что Вы пригласили его в Баден-Баден, давали ему какие-нибудь советы или одобряли его какой то новый труд, которым он занимается и т. д. Словом, он едет захватить матерьяла для эффектного вранья. Берегитесь же, дорогой Иван Сергеевич, распоясываться перед ним, cedите слова скупю сквозь зубы, а пуще всего не можете ему читать ни строки из Вашего нового труда (чего, конечно, для одного его и не сделаете) — и если можно без церемонии прогоните его.

Но довольно о нем.

Я здесь второй день — и напрасно ищю двух, довольно простых, но не дающихся мне никогда и нигде благ: это — уединения и тишины, но совершенной абсолютной тишины. В трактирах меня утомляет *va-et-vient*, в домах близко моря нет ни одной комнаты. Наконец нашел здесь в отели, но к морю окнами, а оно в хорошую погоду шумит, а в дурную ревет, да кроме того по набережной скачут телеги и потом опять англичане — и в колясках и верхом. А мне хочется т:е: я покоен, когда никакой звук не доходит до меня. Хозяйка наконец предложила комнату на зады: *sur les falaises* — прекрасно, тихо, ничего не слышать: как вдруг — вонь, так что тошно стало. Что это за запах, откуда? спрашиваю. А у нас, тут, говорит, внизу — *blancherie*, белье моют. Господи, како убегу от шума и вони. Уйду ли в преисподнюю, взыду ли на гору — всюду шум и толкотня людская. Не то — так музыка одолевает: кто-нибудь поет или играет подле. В одном коридоре со мной говорят живет Карлотта Патти¹⁾ я ее не видал и не слышал пения, но за то горничная ее, как ласточка, раз пятьдесят пропымгнет взад и вперед по коридору. Я ничего конечно не пишу кроме писем.

¹⁾ Карлотта Патти (род. в 1840 г.), старшая сестра знаменитой Аделины Патти, известная концертная певица.

Остался ли в Баден-Бадене кто-нибудь из общих знакомых? Если О. А. Новикова еще там, то поклонитесь ей от меня, она очень любезная и добрая и умная особа, но слишком свету и толпе преданная, и только по причине этого, кажется, врожденного ей элемента поклонение ее Вашей особе не сосредоточивается до степени страсти. А то все горючие матерьялы есть, но вольного воздуха мало.

Она писала мне два раза: я отвечал ей на одно письмо, отвечал бы и на другое, но не знаю, что сказать¹⁾.

В Париже я bestолково промотался две недели и на силу выбрался — от лени собираться и укладываться. Если не приеду в Баден-Баден как хотел, то по этой же причине. Прощайте, любезнейший Иван Сергеевич.

Ваш *Ив. Гончаров.*

Если бы вздумалось Вам что-нибудь написать — на случай адрес: Boulogne sur mer, post restante.

№ 10

Париж $\frac{15}{29}$ сентября (1866 г.)

Не могу уехать из за границы, не простившись несколькими строками с Вами, любезнейший Иван Сергеевич. Мы с Боткиным²⁾ надули Вас, обещавшись приехать провести последние недели сезона в Баден-Бадене: я — от лени передвигаться взад и вперед со своим чемоданом, а он, я цумаю, от лени — вообще. Я, пробыв месяц в Булони, пропатался без цели еще недели три здесь, изучая Пале-Рояль, потому что, по причине непрестанных дождей, некуда было больше деться. Наконец, послезавтра я уезжаю домой, уехал бы и раньше, если бы в Берлине не было на днях военного шабаша, приема войск, и следовательно толпы, и следовательно недостатка угла в отелях. Боткин остается до 15 октября в улице Мира (как переводит Ханьков³⁾), № 22 A ux Iles britanniques.

¹⁾ А. Мазон (op. cit., 447) указывает, что в частной библиотеке Н. В. Соловьева сохранялись 22 письма и записки И. А. Гончарова к О. А. Новиковой, относящиеся к 60-м годам. К сожалению, эти, вероятно, чрезвычайно интересные письма остались нам неизвестны, как и настоящая судьба их.

²⁾ Василий Петрович.

³⁾ Ханьков, Ник. Влад. (1822—78 г.), известный ориенталист, путешественник, чл.-корр. Акад. Наук, постоянно проживал в Париже, до 1872 г. состоя агентом М. Нар. Пр.

Хотел было я в Булони, от крайней скуки, пописать, чтобы обмануть время и себя, но это не удалось по причине той же скуки¹⁾. Да еще от купанья и от осеннего равноденствия у меня делались приливы крови к голове. — Была там и холера и в иные дни умирало человек 12, а большею частью не более 6 и 4-х человек в день. Я слышал что-то об этом, но не обращал внимания, пока в моей отели у горничной не умерла мать. А до тех пор я никак понятия не мог, отчего на меня с таким ужасом смотрят прохожие, когда я возвращаюсь с рынка с ежедневной своей порцией винограду и двух больших груш, несомых мною в руках открыто. Я думал, что им странно, что барин сам ходит с фруктами по улицам. Узнавши о холере, я стал завертывать груши в бумагу, совестно стало²⁾. Погода была такая, что по утрам три четыре человека только приходило купаться, конечно, англичане и я. А в одно утро — один я — ей Богу.

С нашей общей знакомой³⁾, которую Вы отлично характеризовали с ее суетой за толстыми щеками, я поругался в письме. Суета — со всеми познакомиться, со всеми и обо всем говорить, со всеми переписываться — без внутреннего живого интереса — это своего рода моральное блудство в женщине: как публичная женщина всем служит... не чувствуя ни любви, ни даже побуждений темперамента, так и подобные госпожи морально относятся к обществу, к толпе.

Я это ей и выразил — конечно не в виде такого сравнения — а вот мол Вы и пишете ко всем и знакомитесь со всеми, и требуете писем от тех или других без всякой надобности, а так только, чтобы поговорить, и сами любуетесь каким-нибудь своим выражением, или ищете удачной фразы

1) От 12 авг. 1866 г. Гончар. писал из Булони Тройницкому (А. Г.): „Я бы последовал вашему приятному совету и выпросил бы себе месяц отсрочки (продолж. отпуска), если бы надеялся *кончить свой труд* (т. е. „Обрыв“). Но этой надежды у меня нет... Я бодро работал прошлую неделю, листы плодились под рукою; время было, т. е. погода свежая и приятная. А теперь наступили опять жары... Но я все же постараюсь написать здесь, сколько могу, а если приливы к голове не прекратятся, то сяду в Париже, который не имеет для меня ничего привлекательного (le bal Mabille у compris), что могло бы отрывать меня от дела. И, чего не кончу, то, может быть, кое-как, *clorin-clorant*, удастся доделать в Петербурге. Если бы меня увлекла слишком эта работа (чего впрочем не надеюсь, по преклонности лет и охлаждению), то я решусь на преступление: просрочу недели две — и думаю, что Россия снесет терпеливо этот удар, т. е. двухнедельное мое отсутствие“. ; Суперанский, *op. cit.*, В. Евр., XII, 448. Отсюда видно, что литературные планы и предположения Гонч. на это лето были гораздо серьезнее, чем он писал об этом Тургеневу, с которым был далеко не так откровенен, как с А. Г. Тройницким.

2) Как известно, Тургенев чрезвычайно, до слабости, до смешного боялся холеры.

3) Новиковой, О. А.

у других?— и носитесь с этим, и что мол в этом нет ничего простого, натурального; любите мол всякого рода известности, какие бы они не были, лишь бы известности, и наивно удивляетесь им, как москвичи Каткову¹⁾. А писать же собственно и не о чем и не за чем. Она мне написала, что я наговорил ей кучу дерзостей, а я ей опять, что мне некогда писать, что я теперь занят де, пишу — она поверила и уже не писала больше.

Надеюсь, Иван Сергеевич, что Вы за всех нас расквитаетесь с русской публикой т:е: дадите ей осенью новый роман; вероятно Толстой²⁾ кончил другую свою драму, да если еще Островский написал своего Самозванца³⁾ так вот Россия и спасена т:е: утлая литературная ладья принесет достойный груз, а не балласт журнальный и не социальные, не принимающиеся на нашей почве и всем надоевшие тенденции.

Встретил я здесь у Боткина Григоровича⁴⁾: Боже мой, какая злоба, какое раздражение наполняют эту тщедушную фигурку! — Взять бы, говорит, весь литературный круг загнать в глухой переулочек и жарить из пушек за сплетни, будто бы, за злое ко всему презрение и я не знаю еще за что. Я на это довольно покойно заметил ему только, что если надо кого-нибудь жарить за этот оттенок характера, так это именно — его.

Он мне особенно гадок показался в этот раз. Не прощает ли он малого своего значения в литературе или того, что литературный круг (кто же это: ведь это Белинский, Дружинин, Вы, Анненков, Боткин, Писемский, Островский, я) осмелились разгадать его и отнестись к нему — или относились всегда — равнодушно, говоря учтиво? Он же сам всегда лгал, сплетничал, ругал и поносил и друга, и недруга, да он же нас из пушек жарить хочет!

Теперь он здесь живет по поручению Художественно-Промышленного, Московского Общества (нечто в роде Кенсингтонского музея) по поводу выставки и имеет поручение собирать образцы для этого музея.

Он там приютился и силится доказать, что России нет спасения без этого музея, без керамики, без умения делать эмаль, чеканку и Бог знает что, что на это надо тратить огромные суммы, забывая, что у нас еще не умеют поря-

1) Катков, М. Н., ред.-изд. „Московских Ведомостей“.

2) Гр.- А. К. Толстой. Царь Федор Иоаннович появился в 1868 г. Вестн. Евр., 5.

3) Появился в 1867 г.

4) Григорович, Дм. Вас., известный писатель. Резкий отзыв Гончарова о художеств.-организационной деятельности Григоровича не совсем справедлив. Русское искусство много ему обязано как организатору, в особенности в качестве секретаря Общ. Поощр. Худож.

дочных кирпичей делать, что изделия из своей кожи мы получаем из Англии, точно также как рельсы дома не делаем, а посылаем для этого железо в Англию.

Узкая и злая голова! Хлопочет об искусстве XIII и XIV веков, а просто суетится, ютится у богачей. — Ну, его!

Будем ждать Вашего романа, о чем я и возведу в Петербурге. Приехал сюда Малеин или Мальвин, как мы его прозвали с Боткиным и счастлив тем, что Вы ему почитали, только никак не сможет сформулировать своего отзыва.

Дружески жму Вам руку

И. Гончаров.

№ 11

22 января
9 февраля 1868 г.

СПбург, Моховая, д. Устинова.

Получили ли Вы, любезнейший Иван Сергеевич, мое письмо, посланное недели две тому назад, в ответ на Ваше? Я писал Вам тогда о том, что я сделал по Вашей просьбе, чтоб помешать заграничному изданию повести *Дым* проникнуть сюда, в ущерб Вашим авторским интересам. Я подал от себя записку М. Н. Похвисневу, начальнику Гл. Управления по делам печати, и немедленно уведомил Ф. И. Тютчева ¹⁾. Теперь могу сообщить Вам о мерах, какие приняты ими ²⁾. На той недели Михаил Ник. уведо-

¹⁾ Ф. Ив. Тютчев занимал должность председателя Ком. Ценз. Иностр.

²⁾ В Архиве Гл. Упр. по д. печ. и Ком. Ценз. Иностр. (2 отд. IV секции Госуд. Арх. Фонда) имеются два дела (Д. Гл. Упр. по д. печ. за № 315 нач. 28 дек. 67 г.

и Д. по Ком. Ц. Ин. за № 3 ^{нач. 4 янв.} 1868 г.), конч. 30 апреля 68 г. ^{конч. 17 янв.}

ярко обещающие весь этот эпизод с попыткой контрафакции „Дыма“.

Содержание их следующее:

От 5/17 декабря 67 г. Тургенев писал Ф. И. Салаеву, купившему у него в 1865 г. право издания сочинений (I Салаевское издание в Карлсруа, 1865 г., 3-е по счету изд. соч. Тургенева; II Салаевское изд., 4-ое по счету, 1869 г. (Москва), см. предисловие М. М. Стасюлевича к первому посмертному изд. 1883 г., И. С. Тургенев, Полное Собр. соч., изд. 3, Спб., 1891 г., т. I, стр. IV):

„Любезнейший Федор Иванович. Считаю своим долгом известить Вас о следующем. До меня дошло сведение, что книгопродавец Берлинский Штур печатает в Берлине русское издание „Дыма“, которое будет продаваться по 22½ зильбергроша, т. е. по 70 коп. сер. Я обратился к нему с запросом — и получил подтверждение этого факта, при чем он упомянул о „многочисленных“ заказах из Пб. Я знаю, что за границей печаталось и печатается много русских книг, — как-то сочинения Пушкина, Лермонтова, Некрасова; но до сих пор я был убежден — и продолжаю быть убежденным — что несмотря на не существование конвенции между Россией и

мил меня, что он дал тотчас знать Москов. и здешнему Комитетам цензуры иностранной, а также в Одессу и отдельным цензорам в Риге, Киеве и везде, где они есть, о том, чтобы заграничное издание *Дыма* допущено не было, а Фед. Ив. и сам распорядился уже у себя таким же образом. Последний уведомил меня, что это издание еще не появилось, следовательно все сделано во время. Затем оставалось бы опасаться, что книга проникнет тайком, мимо таможен и цензуры, но если это могло бы случиться, то в таком незначительном количестве, что привоз ее не доста-

Германией — в Россию подобные контрафактные издания проникнуть не могут — и заказы из *Петербурга*, о которых говорит Штур, не значат — заказы на *поставку* в Петербург. Во всяком случае прошу Вас принять меры для охраны нашей общей собственности. Если подобные издания могут проникать в Россию, то книжная торговля становится затруднительной — и потери как писателей так и издателей становятся слишком значительны.

Ответьте мне, пожалуйста, двумя словами и примите уверения в совершенном моем уважении. ½

Преданный Вам

Ив. Тургенев.

P. S. А что издание „Дыма“ и много ли осталось от моего Карлсруйского издания? ¼

По этому письму Ф. И. Салаев немедленно возбудил перед Гл. Упр. по дел. печ. ходатайство о „распоряжении воспретить ввоз в Россию заграничных изданий „Дыма“ (вх. № 2867 Гл. Упр. по д. печ. от 28/ХП-67, с прилож. письма Тургенева).

Гл. Упр. препроводило означенное прошение при отношении за № 17 от 2/1-68 г. на заключение в Ком. Ценз. Иностр., который за подписью председ. Ф. И. Тютчева от 10 января 1868 г. за № 6 уведомил Гл. Упр. по делам печати, что „усматривая из сего прошения и из приложенного к нему письма автора И. Тургенева, что „Дым“ принадлежит лично Г-ну Салаеву“, он находит „что цензура в настоящем случае должна действовать на основании Св. Зак. (изд. 1857 г.), т. XIV, Уст. Ц. ст. 297, воспрещая все контрафакционные издания означенной повести как на русском языке, так и в переводах“, при чем присовокупил, что им уже сделано надлежащее распоряжение о непрopusке контрафакционных изданий „Дыма“ через Пет. К. Ц. Ин.“.

На основании этого заключения пред. Пет. К. Ц. Ин. Ф. И. Тютчева, Гл. Упр. по д. п. 17 января 1868 г. были в свою очередь разосланы за подписью Пухвиснева (М. Н.) циркулярные предписания о недопущении в Россию контрафакт. перепечаток „Дыма“: К. Ц. И., а именно — Одесскому (за № 118), Рижскому (за № 119), отд. цензорам: в Вильно (за № 120), Москве (за № 122) и Киеве (за № 123).

Таким образом, дело было проведено без всякой волокиты и очень энергично. К 17 января были приняты уже все необходимые меры. При этом Ф. И. Тютчев сделал даже больше того, что требовалось по смыслу прошения Салаева и Тургенева: он запретил не только контрафакт. перепечатки русского изд. „Дыма“, но и ввоз в Россию переводов. В связи с этим возникло новое дело по прошению г. Бере, влад. фирмы „Лукас“, предполагавшего к изд. в России нем. перев. „Дыма“, так что к циркулярному предписанию пришлось присоединить разъяснение.

То же дело Гл. Упр. по д. печ., стр. 7 — 12. См. „Литературный Музеум“ под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Т. I, стр. 327—328, примеч.

вил бы издателю и купцу здешнему никакой выгоды, тем более, что он должен бы был сбывать тайком, ибо явно продажа запрещена. Есть положительный закон, ограждающий собственность авторов от издателей.

И так, по этому делу можете спать на обоих ухах. А если бы что проведали нового и непутного, то не умедлите сообщить, чтобы мы опять могли разрушить всякие коварные ковы.

Если же меры подействуют и интересы Ваши не пострадают, то мне отнюдь сего не приписывайте и меня не благодарите. Все это и без меня сделалось бы имени Вашего ради, и даже ради интересов литературы вообще.

И с Мих. Ник., и Федором Ив. ¹⁾ мы говорили о том, что для нас русских гораздо важнее бы было заключить литературную конвенцию не с Францией и Бельгией, а с Пруссией, или лучше сказать, с Северо-Германским союзом, потому что в этом отношении для нас гораздо опаснее Берлин и Лейпциг, нежели Париж и Брюссель. Может быть, это и будет: не теперь конечно, а со временем. Теперь поводов еще немного. Еще мало вреда и жалоб.

Я сегодня был у Павла Васильевича ²⁾, пил чай: он вручил мне экземпляр *Дыма*, за что Вас дружески благодарю — и за подарок, и за память. Мне за долгое время и много нужно перечитать — и на первое брошусь — на Дым, конечно. Но я все еще болен, хотя и свободен теперь от службы и следовательно от обязательного чтения, а болен разными недугами, главное упадком или раздражением нерв, с которыми климат играет адские штуки. В морозы эти шутки доводят до какого то иступления (было целую неделю около 30°), а теперь мятель, вьюга и у меня то приливы, то тоска до жалкого уныния.

Уехать — говорят мне: а куда и на какие средства? Дай Бог здесь как-нибудь держаться, а с моими средствами далеко не уедешь. К этому прибавьте лимфатическое ожирение, с последствиями „оного“, как то изжогой, pleter'ой, отчасти подагрой и т. п.

А между тем ко мне все пристают с романом, когда, где. Мне кажется, что все смеются надо мной, в том числе и Вы (тоже спросили в последнем письме: „что — мол — пишете ли?“): как будто не видите и не знаете, что я уж от-писал и больше писать не могу. Толстые ³⁾ теперь желают послушать: Боткин ⁴⁾ им наказыал, что у меня есть какой то „разбитый барельеф“. Ну, да Бог с Вами: смей-

¹⁾ М. Н. Поквиснев, Ф. И. Тютчев.

²⁾ Анненкова.

³⁾ Толстые, А. К. и С. А.

⁴⁾ Боткин, Вас. Петр.

тесъ, хотя это не великодушно — сделать, кончить свое дело с торжеством, блеском, да и потрунить над отставшим лентьем и калекой.

Сегодня у меня был Феоктистов ¹⁾ с женой, которым я теперь только и передал Ваш поклон и они отвечают Вам очень сердечно.

Был я на днях у академика Безобразова ²⁾: там Майков читал свой перевод Слово о полку Игоревом ³⁾ — перевод талантливый, поэтический, так что поэма делается популярной книгой, а не археологической загадкой. Он отлично воспользовался старым языком: как то сумел в этот старый мех влить нового вина, что и мог сделать только талант, художник, а не ученый.

Толстой (Алексей) празднует теперь в Веймаре торжество Иоанна ⁴⁾, успех пишут блестящий, обещающий повториться на всех Германских сценах пока нового ничего нет. Павел Васильевич и весь литературный фонд, тоже как и Академия, готовится праздновать 2-го февраля столетие со дня рождения дедушки Крылова.

Прощайте пока! — пишите прежде всего повесть, а затем, хоть по несколько строк к приятелям, в том числе и ко мне (не франкируйте писем, как делаю и я), как к преданному Вам

И. Гончарову

№ 12

$\frac{10}{22}$ февр. 1868 г.

Моховая, дом Устинова.

Вы обратились ко мне, как к члену Совета по делам книгопечатания, любезнейший Иван Сергеевич, по Вашему делу, а я с 24 декабря не член больше: вышел в отставку, о которой давно помышлял, как об отрицательном и неизбежном благе. Застой крови, а особенно слабость глаз, все увеличивающаяся от чтения при огне — буквально выгнала меня из службы. Боязнь за глаза — серьезная боязнь, а служба моя вся состояла в чтении. Прослужив 30 лет, я счел себя в праве успокоиться и отдохнуть, все, что мне

¹⁾ Феоктистов, Е. М.

²⁾ Безобразов, Влад. Пав. (1828 — 89 г.), пр. полит. эконом. и финансового права, с 1864 г. адъюнкт Акад. Наук.

³⁾ А. Н. Майков.

⁴⁾ „Смерть Иоанна Грозного“, I ч. трилогии (появ. в Отеч. Зап. 1866 и 77), в 1867 г. с большим успехом была поставлена на сцене Александр. театра, а в 1868 г. в переводе К. К. Павловой на сцене придворного театра в Веймаре.

теперь остается, так как свобода теперь для меня мертвое благо, которым я не могу воспользоваться производительно. К тому же могу сказать про себя: „но не всегда мила свобода тому, кто к неге (т. е. к жалованью) приучен — понеже пенсия, благодаря Богу и Царю, мне назначенная, дает средства — существовать, но без всякой неги, даже без хороших сигар, которые если пожелаю курить — должен выкидывать какие-нибудь литературные штуки, а между тем не чувствую к таковым ни охоты, ни сил.

Нужды нет, что я не член: это не помешало мне, на другой же день по получении Вашего письма, об'ясниться по оному с Начальником Гл. Упр. по делам печати, Мих. Ник. Похвисневым, человеком умным и просвещенным другом литературы. Я передал ему письмо с своей запиской и он при мне отправился в Совет, взяв все это с собой и сказал, что будут употреблены все меры к тому, чтобы Ваш „Дым“ не распространялся по России без Вашей воли, о чем также подал прошение и Салаев.

В то же время я написал записку к Ф. И. Тютчеву, Начальнику иностран. цензурн. комитета, препятствующего всякой книжной контрабанде. Мне сказывали, что там не могло храниться тюков русских книг, в заграничных изданиях, конфискованных по просьбе авторов или их издателей, и в том числе и Гоголя.

М. Н. Похвиснев сказал, что достаточно Вашего письма ко мне (которое я отдал ему без возврата) и просьбы Салаева и что другой формальности с Вашей стороны не нужно, а если бы понадобилось, то он даст мне о том знать, и вообще о том, что будет сделано, а я Вам напишу.

Вот и все по этому делу. Вы спрашиваете, пишу ли я: да и нет. Может быть, попробовал бы, если бы не задавался давно известной Вам, неудобоисполнимой задачей, которая, как жернов висит у меня на шее и мешает поворотиться. Да и какое писание теперь, в мои годы. Боткин ¹⁾ называет все написанное в этих тетрадах разбитым барельефом и советует так и напечатать: так, но ведь надо бы кончить, а у меня моральная невральгия в пальцах. Читал я Феокистовым ²⁾, буду на днях читать Толстым ³⁾,

¹⁾ Боткин, В. П. Речь идет об „Обрыве“.

²⁾ Феокистов, Е. М.

³⁾ Толстые, гр. А. К. и С. А. Любопытные подробности об этом чтении (или чтениях) находятся в письмах М. М. Стасюлевича к жене Люб. Исак. (рожд. Утиной) от 28 марта 1868 г.: „Гончаров под величайшим секретом читал у графа Толстого свой роман. Чтобы никто нам не мог помешать, роман читался в спальне графини; нас было всего три слушателя: я и граф с женой. Прочли несколько глав, но, выслушав такую вещь, нет возможности ничего больше помешать в журнале по беллетристике. Это предельно высокого калибра! Что за глубокий талант! Одна сцена лучше другой!.. Чрезвычайно оригинальная постройка, и *забавно то,*

многое хвалят, а все остальное возбуждает вопросы и объяснения, как матерьял.

Да что об этом — лучше о другом и о других. Мы часто видимся с Алексеем Толстым: — он с женой живет недалеко от меня, на набережной, и имеет четверги. У него приятно, потому что не похоже на другие салоны. Гости разнообразные: музыка, чтения — все его любят, все едут к нему, и даже Василий Петрович говорит, что это лучший салон здесь, что там разговор вяжется и т. д. Толстой перевел отлично две баллады Гете ¹⁾, между прочим „Коринфскую невесту“ и медленно оканчивает Федора Иоанновича ²⁾. Островский, очевидно тронутый успехом Грозного, написал было известного Вам своего Шуйского, но неудачно. К счастью ему предложил готовую тему для драмы новый директор театров Гедеонов ³⁾ — и они вдвоем написали *Василису Мелентьевну*, шестую жену Грозного. Это положительно хорошо, хотя Василиса смахивает немного на леди Макбет. Стихи отличные, а в строе пьесы, в некоторых лицах и сценах есть что-то напоминающее Толстого Иоанна.

Главное известие берегу роуг la bonne bouche: это появление романа Мир и Война ⁴⁾, графа Льва Толстого. Он т:е: граф сделался настоящим львом литературы. Я не читал (к сожалению, не могу — потерял всякий вкус и возможность чтения), но все читавшие, и между прочим люди компетентные, говорят, что автор проявляет колоссальную силу и что у нас (эту фразу почти всегда употребляют) „ничего подобного в литературе не было“. На этот раз, кажется, однако, судя по общему впечатлению и по тому, что оно проняло людей и не впечатлительных, фраза эта применена с большей основательностью, нежели когда-нибудь. Вероятно Вы получите, а может быть, и получили

что автор, как и сам герой его романа, не замечал, что роман его кончен, а ему все кажется, что нужно кончить роман (курсив наш). — 30 марта: „Ты знаешь, что сегодня был второй сеанс у Толстого для Гончар. Роман Г. будет колоссальным явлением“. — 3 апреля: „Сегодня был новый сеанс для романа Г. у гр. Толстого. Роман Г., чем дальше, тем лучше“. — 11 апреля: „Происходило сегодня чтение романа, но все еще не кончено“. — 12: „В Моховой (у Гончарова) дочитали роман“. Далее идет повествование длительной „осады крепости“, т. е. Гончарова, на предмет приобретения романа для В. Евр. Несмотря на „сильные хлопоты“ Некрасова, при помощи Толстых дело решилось в пользу М. М. Стаскуевича. — 23 апреля: „Сегодня обедал у Толстых с Гонч., порешили дело“. Стаскуевич и его соврем., IV, 1 — 3.

¹⁾ Бог и Баядера и Коринфская Невеста.

²⁾ Царь Федор Иоаннович, II ч. трилогии (Появилась в Вестн. Евр., 1868 г., 5).

³⁾ Гедеонов, Степ. Александр. (1816 — 77), историк и драматург, с 1863 г. директор Эрмитажа, а с 1867 — 75 г. также директ. Императ. Театров. Произвед.: „Варяги и Русь“ (СПб. 1876 г.), трагедия „Смерть Ляпунова“ (1845) и т. д. Василиса Мелентьевна поставлена на Алекс. сцене в 1868 г.

⁴⁾ „Война и Мир“.

уже экземпляр „*Мира и Войны*“ и лучше всякого оцените, сколько во всех этих толках правды ¹⁾).

Вы обещаете приехать в Апреле: да правда ли полно? Эй, отвыкните, Иван Сергеевич, манить напрасными надеждами приятелей, рассчитывающих на приятное свидание с Вами и уж — или не дразните, или приезжайте в самом деле ²⁾).

Как бы я желал опять совершить свое обычное путешествие на воды, потом походить в Лихтентале и покупаться в море: но боюсь, что и эта нега кончилась для меня навсегда, разве... долеплю как-нибудь „барельеф“ — да нет надежды ³⁾).

Чуть не забыл: я читал Вашего *Бригадира* ⁴⁾ и оценил его очень дорого (впрочем потому — что немного, что это картинка, а не повесть). Я почувствовал, что и во мне есть немного художника; художник и оценил больше всего эту маленькую вещь, напоминающую Ваше лучшее (не во гнев Вам), чем Вы воздвигли себе прочный памятник — т. е: Записки Охотника. Большинство ценит это мало, а некоторые вовсе не понимают. Бригадир, по моему, гораздо *) лучше той несколько растянутой и заметно сочиненной повести, которую Вы нам читали в Баден-Бадене — (не знаю заглавия) — здесь деревня так свободно и ярко нарисовалась: что за прелесть — поле, питье кваса из ковша etc.

Дайте руку — и напишите мне еще, чем много меня обрадуете.

Ваш И. Гончаров.

Не франкируйте пожалуйста Ваших писем: я своих не могу франкировать, потому что за этим надо тащиться в почтамп, от меня далеко или посылать человека.

*) Дальше на полях, вдоль и поперек страницы.

¹⁾ Уже от 6-го марта 1868 г. Тургенев писал Я. П. Полонскому: „Роман Толстого вещь удивительная: но самое слабое в нем — именно то, чему восторгается публика: историческая сторона — и психология. История его — фокус, битье тонкими мелочами по глазам; — психология — капризно однообразная возня в одних и тех же ощущениях. — Все бытовое, описательное, военное — это первый сорт: и подобного Толстому автору у нас не имеется“. Перв. собр. писем, 1883 г., 135 — 36.

²⁾ Тургенев приехал в Петербург из-за границы только 7-го июня 1868 г. (когда сам Гонч. был уже в Киссингене) и тотчас уехал в Спасское, откуда вернулся в Пб. 8 июля, чтобы на следующий день выехать в Баден. Начиная с этого года, они с Гончаровым уже не встречались, а только случайно сталкивались иногда на улицах Спб. Гутьяр, op. cit., 68.

³⁾ Благодаря дружеской энергии и настойчивости М. М. Стасюлевича, который простер свое внимание до того, что обеспечил Гонч. покойное купе в вагоне и купил ему дорожн. запис. книжку, поездка Гончарова за границу в 1868 г. состоялась и была весьма успешна: он привел к концу „Обрыв“ и прошел свой обычный лечебный курс: Киссинген — Булонь. Ср. Стасюл. и его совр., IV, 7 — 11 и далее.

⁴⁾ Впервые напечатан в Вестн. Евр., 1868, кн. I.

Неизданный рассказ И. А. Гончарова
У Х А

Публикуемый ниже рассказ И. А. Гончарова „Уха“, считался утраченным. „Гончаров“, пишет его французский биограф А. Мазон, „скончался, не оставив после себя никаких неизданных произведений, за исключением тех, которые он перечислил в записке от 22 августа 1891 г., сохраняющейся в Московском Историческом Музее; сюда относятся: Май месяц в Петербурге, Превратность судьбы и Уха. Первые два были напечатаны в „Ниве“ в 1892 и 1893 г.г., в пользу Ел. Карл Трейгульт. Третий рассказ исчез бесследно.

„Во время нашего посещения 5/18 сентября 1911 года Александра Ивановна Трейгульт сообщила нам, что она сама сожгла рукопись „Ухи“, как произведения, недостойного своего автора“¹⁾.

В данном случае память изменила А. И. Трейгульт, и она дала г. А. Мазону неверные сведения о судьбе рассказа. Рукопись не была сожжена, и в 1920 г. вместе с другими бумагами И. А. Гончарова поступила в Пушкинский Дом от З. А. Резвевой, его дальней родственницы.

Рукопись представляет 10 листов писчей бумаги обычного формата с широкими полулистными полями, исписанных неуверенным женским почерком с многочисленными поправками и вставками, сделанными рукой Гончарова. Очевидно, рассказ был сначала продиктован Гончаровым одной из его воспитанниц — Александре или Елене Карл. Трейгульт, а затем уже он сам просмотрел и исправил запись. Таким образом, мы имеем дело с авторизованным текстом.

Датировка рассказа не представляет особого затруднения. Не подлежит сомнению, что он относится к концу 80-х годов. Кроме общих особенностей самого рассказа, говорящих о старческом падении таланта, об этом свидетельствуют как и неуверенный старческий почерк правки, так и то, что рассказ этот создавался одновременно с „Маем месяцем в Петербурге“ и „Превратностью судьбы“, относящимися к последним годам жизни писателя.

¹⁾ А Mazon, Iv. Gontcharov. Paris, 1914, стр. 262.

Это обстоятельство заслуживает особого внимания.

Полное заглавие рассказа „Уха“ следующее: Старое. П. Уха. Очерк. — „Превратность судьбы“ в рукописи озаглавлена так: Старое I. Превратность судьбы. Исторический анекдот. Таким образом оба рассказа объединились Гончаровым под общим заголовком Старое.

Весьма вероятно, что им могла быть задумана целая серия небольших „очерков“, материалом для которых должны были послужить частью, еще вовсе неиспользованные литературно, воспоминания, частью старые литературные наброски. В основу „Превратности судьбы“ положен рассказ, слышанный Гончаровым от его первого начальника по службе, симбирского губернатора (с 1831 — 1835) А. М. Загряжского (Льва Михайловича Углицкого — „Воспоминаний“). Откуда же взялся анекдот, составляющий содержание „Ухи“? Ответить на этот вопрос можно только гадательно. Не исключена возможность, что здесь мы имеем дело с комбинацией каких-нибудь конкретных бытовых наблюдений, с какой-нибудь забавной сплетней, подхваченной зорким Гончаровым во время одного из его наездов в Симбирск. Во всяком случае, принимая во внимание, что все позднее творчество Гончарова — „Воспоминания“, „Слуги старого века“, „Превратность судьбы“ — опирается на фактические данные памяти, должно признать, что и в рассказе „Уха“, где пейзаж и обстановка имеют чисто местный характер, перед нами не чистая выдумка, но отражение каких-то воспоминаний.

Сам рассказ не имеет художественного значения. Скабрешный анекдот не спрятан в нем в мягкую, изящную форму и грубо выпячивает наружу. Комический элемент выражен слишком внешними, нарочито подчеркнутыми наивными приемами; эпитет вял и бледен; характеристика слабая. Нет тех живых, выпукло обрисованных двумя-тремя чертами фигур, которыми иногда до излишества полны романы Гончарова. Здесь чувствуется, конечно, старческое падение таланта, художественная дряхлость. Но и помимо ее рассказ страдает большой недоделанностью. Гончаров никогда не принадлежал к тем писателям, которые легко и свободно выливают на бумагу до конца выношенное в голове произведение. Он медленно и мучительно вырабатывал свои вещи в процессе писания, переходя от одного наброска к другому, от первой редакции к последующим, переделывая и поправляя десятки раз рукопись, пока, наконец, окончательный вариант не ложился сразу на бумагу. И очевидно, что, с точки зрения внутреннего процесса творчества, мы имеем здесь дело только с первоначальным наброском, с голой сюжетной схемой, разработка которой чуть-чуть намечена. Сама же по себе схема эта имеет все достоинства поэтиче-

ского сюжета; стоило бы лишь ярче обрисовать любопытный тип Еремы (простака-победителя, который смеется последним) и индивидуализировать трех женщин в их переживании соблазна, падения и последующих стеснения и конфуза.

Но рассказ любопытен не этим. Его значение раскрывается только в сопоставлении с ним первого очерка под тем же заголовком. Перед нами, повидимому, начало целой серии новелл, задуманных Гончаровым и внешне объединенных общим источником их тем: запасом старых воспоминаний и анекдотов. Но новеллы эти имеют совершенно особый характер. Если, с одной стороны, в „Мае месяце в Петербурге“ Гончаров воскрешает манеру старинной „физиологии“, „физиологического очерка“, бывшего в моде в 40-х годах, если, с другой, в „Слугах старого века“ целью творческих усилий является психологическая обрисовка характеров, то здесь — в очерках „Старое“ — внимание художника сосредоточено на изображении события, приключения. В силу каких-то внутренних причин состарившийся Гончаров отказывается от характерной для него психологической трактовки темы и подходит к созданию рассказа с приключением, авантюрной новеллы. И объяснить этот факт, определить эти причины — значит дать последнюю главу истории Гончаровского творчества.

Старое

И У Х А

О черк 1).

В городе С. из одного дома выехали две телеги, запряженные каждая парой сытых кормленых лошадей. В первой телеге ехали женщины: жена прикащика одного барского имения, жена дьячка местной церкви и жена мещанина из города — большие приятельницы между собой. Правил этой первой телегой пономарь Ерема человек набожный и [кажется, себе на уме] на взгляд смиренный. Спина у него была длинная, а ноги короткие: от того ему и не давали стихаря, хотя он кроме своей обязанности пономаря т. е. звонить в колокола, помогал еще в церкви дьячку. Он был холостой и все собирался жениться, да никто за него не шел, потому что он был колченогий и мало имел дохода. Он помогал

1) Зачеркнутое в рукописи взято в прямые скобки [] перед поправками. Поправки и вставки Гончарова напечатаны курсивом; пунктуация удержана подлинника.

дьячку не в одной только церкви, но и дома, колот дрова, носил воду и терпеливо отмалчивался, когда дьячок, или жена его, подтрунивали над ним. Он сидел на облучке и поворачивал голову то к той, то к другой из пассажиров, когда они тыкали его зонтиками в спину. „Угадай, Ерема, кто тебя ткнул [говорили они] спрашивали они. Он молча показывал оборачиваясь белые зубы, то в ту, то в другую сторону. — Хорошенько его, хорошенько! раздавалось из другой телеги. — Ишь, какой баловень, уселся с бабами.

На той телеге, где сидели женщины и которою правил Ерема, был самовар с чашками и стаканами, тарелки, хлеб, соль и разная провизия — все, что нужно было для стола и что могли забрать с собой женщины.

В другой телеге ехали мужья этих женщин: дьячек, прикащик и мещанин. С ними был невод и [что нужно было] все потребное для рыбной ловли. Они собирались на остров, на Волге половить рыбы, сварить там же уху, напиться чаю и прочее. Словом это был своего рода [partie de plaisir] пикник, на который давно собиралась эта компания.

Ерема был вхож во все три семейства и все, и мужчины и женщины, знали его как [добро(го) смирного] простака и забавного малюго, над которым безнаказанно можно потешиться. — Хорошенько его, хорошенько, ишь как он лениво правит! продолжали кричать сзади мужчины. Женщины не заставляли себя долго просить. То та, то другая тыкали Ерему в спину зонтиками. Он едва успевал оборачиваться то в ту, или другую сторону, показывая белые зубы то той то другой, по чмокивая губами на лошадей и шевеля возжами. — Угадай, кто тебя ткнул, Ерема? дразнила его то та, то другая.

[А он только..] Пресвятая Троица! помилуй нас грешных! говорил крестьян Ерема, проезжая мимо церкви Троицы. Новый толчек в спину от той или другой женщины.

— Хорошенько его, хорошенько! раздавались мужские голоса с другой телеги. Ерема оглянулся и на них, но ничего не сказал, показав только белые зубы.

В это время с'езжали с горы и едва поравнялись с другой церковью, как Ерема снял шляпу и осеняя себя широким крестом, набожно проговорил: „Тихвинская мати, Пресвятая Богородица, [помилуй нас грешных] моли Бога за нас.

Опять последовали тычки зонтиком и голоса с другой телеги: хорошенько его, хорошенько баловня. [То же чмокая на лошадей].

В это время телега подвигалась все ближе и ближе к реке. На горе опять показалась церковь.

„Святый Николай Чудотворец и угодниче Божий, помилуй нас!“ крестясь, говорил Ерема, снимая шапку. Женщины не унимались, продолжали тыкать его зонтиком, [то та то другая]. Ерема продолжал показывать белые зубы, чмокать губами на лошадей и шевелить возжами. Мужчины с другой телеги все [продолжали кричать] кричали: „Хорошенько его, хорошенько, ишь куда залез!“

Наконец уже близко переезда на остров была еще церковь Иоанна Предтечи. „Святый Иоанне Крестителю, моли Бога за нас [грешных]!“ снимая шапку и крестясь [набожно] сказал Ерема. С этим вместе обе телеги пустились в брод через узенький рукав на остров.

Там еще посмеялись над Еремой вдоволь и женщины и мужчины, на что он только показывал белые зубы и ничего не говорил, сняли с телеги все, как для хозяйства, так и для рыбной ловли. Прикащик, мещанин и дьячек взяли невод и пошли на озеро ловить рыбу. Предполагая наловить ее столько, что через чур станет на уху. Самовар, [провизию], чашки, стаканы, вилки, ложки, ложки (sic) и всю провизию отдали женщинам, а лошадей и овес, который с собой привезли, отдали на руки Ереме, чтобы он, когда придет время, задал лошадям корм. Ерема отпряг лошадей, поставил их и телеги по-одаль, а себе устроил род шалаша из прутьев и прикрыв его захваченным из дому приказчиком пологом, сам растянулся на траве, подостлав под себя свой кафтан и снятую с телеги кожаную подушку, и заснул.

Дьячиха пошла на озеро с мужчинами, которые захватив невод принялись [варить] ловить рыбу на уху. Но увидев, что они заворотили панталоны выше колен и вошли в воду закидывать невод и ловить рыбу, она пошла [будто нехотя] обратно к прочим женщинам. Муж ее из воды закричал ей, чтобы она зашла к Ереме посмотреть, все ли он сделал, что ему наказывали т:е: отпряг ли лошадей, поставил ли их и телегу в сторону, как следует, где и как приютился сам, и вообще сделал ли все, что [ему приказано] нужно. Выслушав [все] мужа, дьячиха тихо пошла по острову к тому месту, где расположился Ерема. Через час она пришла к его шалашу [Еремы, где последний]. Он лежал на своем кафтане, растянувшись на траве. Дьячиха сначала заглянула только в шалаш к Ереме, подумала немного, потом вошла туда и пробыла там с час...

Остальные две женщины хозяйничали там, где оставили их мужчины. Они расставляли посуду, чашки, самовар был

прежде отдан Ереме, чтобы он его налил, положил угольев и сделал как нужно. Они [расставили привезенный ими] разложили хлеб и прочую провизию, [взятые с собой] яйца, жаркое и все, что взяли с собой, и поджидали жену дьячка, чтобы и она [привыкла участие] помогала им управляться с хозяйством.

[Но она что-то замешкалась с ним (?) — прождавши ее больше часу, одна из них, жена прикащика] — Что это она замешкалась: ужели все смотрит, как наши мужья рыбу в озере ловят? Пойти было, позвать ее сюда! сказала жена прикащика и пошла ей на встречу. Она встретила ее на полдороге к тому месту, где они остановились, очень возбужденную, от долгой ли ходьбы, или от чего другого, неизвестно. Она не поднимая глаз на вопрос, где она замешкалась, молча показала рукой на шалаш Еремы и пошла туда, где была провизия и где они остановились. Прикащица [ускорила шаг и] пошла к шалашу Еремы посмотреть, что он делает. Она, нагнувшись вошла в шалаш Еремы [но нашла его не лежащим, а] и нашла, что он не лежит, а сидит на своем месте. Сначала она [стала спрашивать о теле] осведомилась о телегах, о лошадях, потом спросила, поставил ли он самовар, где угли. [Потом наконец] Мало по малу голоса их были все тише и тише, наконец, совсем смолкли и наступило молчание... Это продолжалось также около часу... Жена прикащика тоже в возбужденном состоянии торопливо вышла из шалаша Еремы и пошла [задумчиво] окольною дорожкой, поправляя прическу и платье на себе, к тому месту, где были другие женщины. Но она застала только жену дьячка, которая сказала ей, что жена мещанина соскучившись ждать ее, пошла ей на встречу, тоже с полчаса назад.

Обе женщины рассеянно и молча [занимались хозяйством] стали хозяйничать, расставляли стаканы, чашки, раскладывали провизию и мало занимались друг другом. Все это времени ухода мужчин продолжалось часа [двух] три. Никто не показывался ни мужчины с ведром рыбы, ни жена мещанина из шалаша Еремы, ни сам Ерема с кипящим самоваром

Наконец часа в три дня явились [сначала] мужчины с рыбой для ухи. Уха вышла на славу, совершенно Демьянова Уха¹⁾. Они набрали сухих ветвей, развели огонь, [принесли] взяли налили большую кастрюлю водой, в кипятили и положили туда живых стерлядей, ершей, сазанов. Женщины распорядились прочей провизией и стали поджидать жену мещанина, которая что-то замешкалась у

1) Курсив Гончарова.

Еремы. Уха давно уже была готова, как третья женщина, жена мещанина вся запыхавшись и поправляя также прическу и платье, пришла к месту, где ждали ее трое мужчин и две другие женщины. „Где же Ерема, что он не идет? Ах, он подлец и самовара не несет!“ [спросил] сказал прикащик. „Придет, придет! нехотя и небрежно отвечала жена мещанина. — Право, подлец! прибавил прикащик.

— Вот и Ерема идет! — Где ты пропадал, подлец? сказал прикащик: что не несешь самовара и уха ждет тебя тоже!

Сейчас, сейчас! лениво сказал Ерема, вот вам и самовар.

Он сел на одно пустое место, ни на кого не глядя, и нехотя взял ложку как и другие. Мужчины всячески задирали Ерему, но он [то на того, то на другого глядел] ел как молодой рекрут, много и молча, а женщины, которых подзадоривали их мужья, смотрели тоже молча в разные стороны... Да что с вами поделалось? Обворожил что ли вас Ерема? сказал мещанин. Но Ерема ничего не сказал и не показал по обыкновению своих зуб, женщины тоже ели и пили, не говоря ни слова.

— Ну, так давайте пить водку! коли так! решил мещанин и вынул знакомый всем штоф вина, который улыбкой приветствовали все мужчины, не исключая Еремы. Потом все стали есть, пить и веселились до вечера.

А что лошадям задал ли ты овса, Ерема? спросил дьячек.

— Задал! Лениво отвечал Ерема: — теперь, поди, уж чай с'ели!

— Так закладывай, нечего тут прохлаждаться! [Закладай! Ерема ушел] добавил тот.

Ерема ушел. Трое мужчин стали убирать невод, а жены их укладывали самовар, чашки и прочее, что было взято из города. Скоро обе телеги тронулись в город, когда на небе вызвездило и [телеги от'ехали] [ночь] в вечер был тихий и ясный. Переехали опять в брод рукав Волги, отделявший от твердой земли и стали подниматься в гору. Но женщины уже не тыкали зонтиками в спину Ерему, хотя с другой телеги мужчины то и дело подстрекали их словами: — хорошенько его, баловня! хорошенько!

Женщины продолжали молча смотреть в разные стороны. Ерема правил лошадьми, пошевеливая возжами и не обращая, кажется, на них большого внимания. Когда поровнялись с церковью Иоанна Предтечи: „Святой Иоанне Крестителю, моли Бога за нас!“ снимая шапку и крестясь [набожно] сказал Ерема. — Ах, ты разбойник! вот я тебе дам! говорил мещанин; отдуйте ка его зонтиками! слышалось с другой телеги. Но женщины не отдули, продолжали сидеть

молча и Ерема на них не оглядывался. — Святой Николай Чудотворче и Угодниче Божий, помилуй нас! — говорил он крестясь, снимая шапку. — Я дам тебе Угодниче Божий, [говорил с другой телеги дьячок] будешь ты у меня в церкви вот этак же служить! — Ну-ка, [отдуйте] примите его в три зонтика! сказал с другой телеги дьячек. Но на первой телеге все молчали, все три женщины и Ерема, и зонтиками не трогали его в спину. — Тихвинская Мати Пресвятая Богородица, моли Бога за нас! проговорил Ерема, когда поровнялись с церковью Божьей Матери. Вот я тебе дам! ишь баловень! залез к бабам! Чего вы там смотрите! Эй, вы барыни! хорошенько его! кричал мужской голос сзади. Но в первой телеге ехали молча [и стали под'езжать к тому дому, откуда с утра выехали]. Только один Ерема, поровнявшись с последней церковью Троицы, [говорил набожно] крестясь сняв шапку, произнес: „Пресвятая Троица, помилуй нас грешных!“

С этими словами обе телеги остановились у того дома, из которого выехали утром.

Письма Гончарова к Я. П. Полонскому, гр. С. А. и А. К. Толстым, Я. К. Гроту, К. Н. Посьету и др.

Печатаемые ниже письма И. А. Гончарова извлечены из различных архивов, входящих в состав фондов Пушкинского Дома. Не внося, за немногими исключениями, ничего существенно нового в известный уже нам по другим материалам облик Гончарова, они, тем не менее, имеют значительную ценность, не только в чисто биографическом, но и в историко-литературном отношении. Чрезвычайно любопытна та оценка поэзии Полонского, которая осторожно сделана Гончаровым в письмах к нему; еще интереснее отзывы о литературе в длинном письме к гр. С. А. Толстой, являющемся вообще прекрасным образцом непринужденного стиля „дамских“ писем Гончарова, рисующем нам его как галантного и умного собеседника, умеющего в простой и изящной форме высказывать весьма серьезные суждения.

Особое значение имеет письмо Г. к В. Авенариусу, свидетельствующее о том, как следил Гончаров за „Лушкинианой“, и письмо к К. Н. Посьету. Последнее показывает нам, что мечта еще раз обогнуть земной шар очень долго не умирала у Гончарова, и что даже уже почти шестидесятилетним стариком этот „Обломов“ готов был пуститься „в дальний вояж“. Повидимому, лишь неосторожный скептицизм Посьета взбудоражил его мнительность и заставил его критически пересмотреть свое намерение. В противном случае мы имели бы еще одну прекраснейшую книгу, а быть может, и несколько, так как трудно сказать, как пошло бы дальнейшее творчество Гончарова после новой благодетельной встряски.

Все письма печатаются с соблюдением их пунктуации. Хронологические даты, взятые в скобки, введены издателем. К сожалению, всех писем точно датировать не удалось.

Б. Э.

К Я. П. Полонскому

[Конец декабря 1858 г. или начало января 1859 г.]

Напрасно Вы думаете, любезнейший Яков Петрович, что я уступлю Ал. И. Фрейгангу¹⁾ Аполлонову поэму²⁾: Вы не так поняли дело. Я еду к нему затем только, чтобы подписать поэму при нем, чтобы он не думал, что я „тихонько от него беру статьи и подписываю“. Я в таком только случае уступал бы ему право подписать, когда бы он настоятельно этого потребовал: но он добиваться этого не станет: не все ли ему равно? Не предупредить мне его неловко: он может подумать, что и Вы и я хотели нарочно избегнуть его. Словом я хочу (сделать) соблюсти обычную вежливость и некоторую осторожность, чтобы не подать повода и т. д. и т. д. и т. д.

Часа через два поэма будет в типографии и подписана мною без всякого изменения.

Извиняюсь, что так мерзко пишу: я еще в постели, не хочется встать. Но лишь встану и прямо к Фрейгангу. Кланяюсь Вам, а Елене Васильевне вдвое ниже.

Ваш *Гончар(ов)*.

Утепьте Вашего главного редактора: еще ни один журнал не вышел.

¹⁾ Фрейганг, Ал. Ив., известный по литературным воспоминаниям цензор.

²⁾ Речь идет о поэме Ап. Ник. Майкова „Сны“, помещенной в I книжке „Русского Слова“ за 1859 г. (первый год издания журнала). Полонский принимал первое время весьма деятельное участие в журнале и вместе с гр. Кушелевым-Безбородко и Ал. Григорьевым подписывал заявления „От редакции“. В таком заявлении в I-ой книжке говорится следующее:

„Очень рады, что успели перепечатать и внести в журнал наш поэму г-на Майкова „Сны“ по рукописи, исправленной поэтом за границей и присланной им в декабре из Ниццы. Позднее прибытие исправленной поэтом рукописи задержало выход нашей первой книжки, наравне с другими непредвиденными нами обстоятельствами“ („Русск. Сл.“, 1859 г., кн. I, стр. 120). Этими словами объясняется и Post-Scriptum Гончаровского письма.

№ 2

К нему же

[1866 г.]

На другой день после того, как Вы у меня были, почтеннейший Яков Петрович, я лично передал „Разлад“ ¹⁾ Турунову ²⁾, объяснив ему ее значение, достоинство, и прочел две три сцены, и просил посмотреть на это произведение не с обыкновенной цензурной точки зрения. Вместе с тем я предложил прочесть его г. Министру ³⁾, за что охотно брался сам, или же не угодно ли выслушать от самого автора.

Из прилагаемой при сем записки ко мне г. Турунова Вы увидите, что Министр желает выслушать поэму от Вас самих на следующей неделе: я непременно Вас уведомить, какой день он назначит для этого, а теперь поспеваю только сообщить Вам о результате дела и для того также, чтобы Вы имели в виду предстоящее Вам на следующей неделе чтение.

Искренно Вам преданный

И. Гонча (ров).

№ 3

К нему же

Четверг, 12 марта. [1866 г.]

Сейчас М. Н. Турунов сказал мне, что министр хочет назначить чтение Вашего произведения в понедельник или во вторник на будущей неделе, следовательно завтра (в пятницу) Вы свободны, почтеннейший Яков Петрович, и по обещанию вероятно не откажетесь прочесть сцены у А. Д. Галахова ⁴⁾, который Вас просит к 8 вечера с нетерпением (в Дмитровском, бывшем Хлебном переулке, у Владимирской; в доме Миллера). Будет Дудышкин, может быть, кто нибудь и еще.

Я также буду, но только попозднее и потому покорнейше прошу Вас не ждать меня к началу чтения, тем более, что я еще раз услышу Вас у министра; завтра мне

¹⁾ „Разлад“ вышел в 1866 г.

²⁾ Тогда Председатель Петербургского Цензурного Комитета.

³⁾ Валуев, П. А., министр внутр. дел. См. о нем выше, на стр. 44, прим. 1.

⁴⁾ Галахов, А. Д.

надо на полчаса заехать к г-же Новиковой, которая меня звала, а оттуда уже я приеду к Алек. Дмитриевичу.

О том, в какой именно день будет слушать Вас Г. Министр, Мих. Н. Турунов обещал уведомить заблаговременно т. е. накануне или рано утром в тот день через меня.

До свидания

Ваш *И. Гонча (ров).*

№ 4

К нему же

8 мая [1871 г.]

Я только что кончил Вашу книгу ¹⁾, любезнейший и почтеннейший Яков Петрович — а получили ли Вы мою? Я понес было ее сам в дом Лазарева, но швейцар сказал мне, что Вы с этим домом расстались, и я отдал книгу посыльному № 31, у Пассажа — чтобы он отнес по адресу, данному мне швейцаром.

Возвращаясь к Вашим двум повестям, скажу, что я почти не отрываясь, прочел *Снопы* — что со мной теперь случается очень редко. Этаким умный, тонкий анализ, в который попался не только фразер вообще, но и новейший фразер в особенностях.

Вы так тонко очертили личность „нового“ человека, что успели ни польстить никому и ни оскорбить никого и не впали не только в карриатуру, но и ни в какое преувеличение. И при том очертили так легко, без тяжелых приемов романа и как будто без всякого труда, не раскрывая никаких „глубин“, „тайников“ и т. д., а так как показалась бы эта личность со стороны всякому умному и чуткому наблюдателю.

„Отрочество Шалыгина“ написано с тою же легкостью и мастерством: и очень очень в немногих местах утомляет мелочью подробностей — вот и все.

Спасибо Вам за подарок книги, а за доставленное ею удовольствие — вдвое.

Если бы я мог сокупить в себе всех русских читателей — я бы сказал: „пишите скорее, Полонский, еще повесть или роман. Вы пишете умно, изящно и занимательно.

Но одного меня Вы, пожалуй, не послушаетесь. Благодарю и прощайте.

Искренно преданный

И. Гончар (ов).

1) „Снопы“. Стихи и проза Я. П. Полонского, чч. I и II. Спб. 1871 г.

К нему же

15 января 74 г.

Я очень жалею, что мы не виделись вчера, почтеннейший и любезнейший Яков Петрович—я бы в двух словах рассказал Вам все, что хотел сказать о Вашей поэме *Келлиот*. Я уже несколько дней тому назад прочел и конечно с большим удовольствием. Есть восхитительные страницы, напоминающие Байрона, в тоне и жанре которого написана поэма. От этого самого многие критики современные найдут ее, может быть, не современной по содержанию. Но это бы ничего, Бог с ними: а я боюсь другого упрека с их стороны, в котором может оказаться некоторая доля правды: это—упрек в длинноте. Действительно, по легкости фабулы поэма немного растянута, хотя впрочем это выкупается славными, по большей части, стихами, между которыми гораздо менее встречается небрежных, не отделанных, нежели в Мими. Но Вы сказали, что уже многие из них Вы про себя изменили, следовательно этот недостаток устранен. Длиннота же—и отчасти неясность, туманность есть в начале, при описании судна и встречи с монахом на море и может быть кое-где еще. Я полагаю, что при повторительном чтении, Вы сами кое-что заметите и сладите с этим легко. А может быть еще—мне и показалось только так—и я ошибся.

Я располагал прочесть ее у М. М. Стасюлевича и он и жена его приняли это с удовольствием, но на-днях он заехал ко мне, увидел рукопись—и нашел ее очень волюминезной. Он рассчитал около 2¹/₂ печатных листов и находит, что ему нельзя теперь опять предлагать читателям своим сочинение такого объема в стихах, в след за тем, как он только что дал им уже большую вещь в стихах гр. Толстого. „Это обилие стихов, говорит он, не гармонирует с серьезным характером его журнала“. Вот его слова.

После этого я уже не решился читать у него, когда жена его напомнила мне мое обещание—и ждал случая увидиться с Вами—или я сам заеду, или Вы будете так добры и повторите свое посещение.

К прискорбию моему я никогда не могу заранее определить часы, когда я непременно бываю дома—по своей милости. Иногда, как вчера, например, я не сомкнул глаз всю ночь напролет от мятели, от сырости в воздухе—и должен был спать с 9 часов утра до 2-х дня.

А если выдаться свободный и здоровый часок, то я спешу поцарапать что-нибудь для сборника в пользу самар-

цев или прочитать то что мне пришлют из комитета для этого же сборника.

Наконец в иной вечер, устав от всего этого, бегу немало рассеяться по улицам, и иногда загляну к кому-нибудь из немногих знакомых, где привык бывать.

До свидания же.

Преданный *Ив. Гонча(ров)*.

№ 6

К нему же

[Рукой Я. П. Полонского: „И. А. Гончаров. 26 марта 76 г.“]

Благодарю Вас, многоуважаемый Яков Петрович, за дорогой подарок, за который, на днях, когда будет по светлее и потеплее, заеду поблагодарить Вас лично. Хотя в *Озимях* ¹⁾ мне мало незнакомого, однако я вчера и утро и вечер перечитывал, то то, то другое в обоих книгах. Прочел опять и Келлиота и несколько помирился с ним (Вы помните, что я спорил с Вами за него?), перечел и Мими.

Но не эти две поэмы поглотили меня, а все вместе взятое в обоих книгах. Пробегая их и припоминая все написанное Вами прежде—я видел яснее и яснее весь Ваш образ, как поэта и как человека. Значение этого образа, для меня по крайней мере, определилось и закончилось этой книгой вместе с прежними. Закончилось, говорю я, но отнюдь не окончилось. Я верю, что Вы будете писать, пока будете мыслить и чувствовать. Но эту книгу — Вы, так сказать, вступили в полнолуние, досказали себя вполне, досказали Вашу душу, нравственную натуру. Ума своего вы долго: может быть, никогда не доскажете.

Не знаю, вполне ли Вы сознаете сами, какую хорошую книгу Вы дали русскому обществу. Не обижайтесь, пожалуйста, за это мое сомнение в Вашей сознательности на счет себя. С авторами это часто бывает т.е: что, будучи иногда тонкими и верными критиками чужих трудов, они не знают, что думать о себе. Это я говорю про даровитых людей: бездарные скромностью и сомнениями на счет себя не страдают и почти всегда довольны собой — и это собственное довольство и есть некоторое вознаграждение им за бездарность.

¹⁾ „Озимь“. Новый сборник стихов Я. П. Полонского, чч. I и II. Ч. I. Лирич. произведения. Ч. II. Мими, Келлиот, Слепой тапер. Спб. 1876 г.

Обращаюсь к Озиям. Вы, конечно, знаете, что Вы поэт и мыслитель, что известно всем — но не все знают, или не все признают [еще третье] в наше время еще капитальное, драгоценное качество Ваших произведений (в старину сказал бы „Вашей музы“). Это ваша искренность, теплое душевное отношение к каждой Вашей строке, стиху, звуку. Даже Ваши идеи, мысли, думы — кажутся плодами не столько ума, сколько чувства, у которого т: е: у чувства и души, ум Ваш просит позволения высказываться. Вот это присутствие души повсюду — и дорого у Вас.

В поэтичности и мыслительности Вы имеете соперников — в последнем, в искренности, в благородстве и прямоте чувств и убеждений — очень немногих. Припомнишь Тютчева, графа А. Толстого — и задумаешься.

Новое время мало дорожит этим качеством, без которого всякий поэт — не полон (как ни будь талантлив), а лирический просто не возможен. У многих оно кроется за обильностью формы, другие, стыдясь, подавляют его, или силой фантазии, или остроумием. Но подделаться под него, как делают некоторые, невозможно, когда его нет. Никакой ум, никакая ирония не помогут. Точно также и отделаться от него трудно, когда оно есть, да и не нужно. В Вашей книге, или во всех книгах, и прежних и новых — все та же честность, те же искренние радости и скорби, то же неподдельное негодование к тому, против чего Вы восстаете. Нет никакой лжи в поэтическом и вместе природном говоре души.

Каким Вас все знают и любят в натуре, таковы Вы и в книгах Ваших! А этим весьма и весьма немногие могут похвалиться!

Я полагаю, что и те, против кого Вы ратуете — не могут не уважать этой книги, и следовательно и автора!

Иногда Вы ратуете (закончу маленькой злостью) впрочем строгим дедовским оружием, например *Келлотом*. Это старый бердыш или секира, взятые из арсенального музея: трудно воевать ею в век шаспо и Крупповских пушек.

И Байрон, если б явился с *Гяуром*, *Абидосской невестой*, и тот мало бы успел я полагаю, что он и не написал бы их теперь.

Все таки, повторяю, я немного помирился с *Келлотом*: не знаю, почему поэма показалась мне на этот раз сжатее и стройнее. Может быть от хорошей погоды.

Везде в остальном рассеяна щедрой рукой бездна драгоценностей ума, поэзии — и души, души!

При свидании скажу, чего не досказал, а теперь жму Вам руки и благодарю за память обо мне.

Ваш Гончар(ов)

№ 7 ¹⁾).

К нему же

Почтеннейший Яков Петрович!

Ко мне явился отставной флота лейтенант Михайлов с удивительнейшею просьбою замолвить за него слово Графу Безбородко, к которому он обращался с письмом о выдаче ему взаймы 75 рублей сер., чтобы вырваться отсюда в деревню и спасти остатки имущества, расхищаемого мачихой. Но граф писем этих, без рекомендательного слова, не читает.

Напрасно я доказывал Г. Михайлову бесполезность такой попытки, напрасно также уверял его, что граф на меня сердит за „Слово“ и наша симпатия с ним прекратилась: он все таки просил меня изыскать к нему какой-нибудь доступ, доставить ему только случай об'ясниться с ним.

Я вспомнил, что Вы были близки к графу и следовательно лучше другого могли бы об'яснить Г. Михайлову, может ли он чего-нибудь надеяться, или нет.

Но отого (sic) я решился адресовать его к Вам и просить Вас принять его, выслушать его и сказать ему, что Вы заблагорассудите.

Вы, конечно уверены, что я отнюдь не желаю ставить в какое-нибудь неловкое или затруднительное положение в отношении к графу и потому нисколько не настаиваю, чтобы Вы непременно сделали что-нибудь для Г. Михайлова.

Следовательно я прошу Вас только увидеться с ним, сказать ему, что Вам вздумается, а меня извинить за это письмо и поступок. Но он так убедительно просил указать ему какой-нибудь путь к графу, что я не мог отказать ему, чтобы не назвать кого-нибудь из знакомых графа. Я ему старался доказать, как это неблагоприятно и подозрительно может показаться ему, подобная рекомендация, но он просит да и только! И почему именно меня — чорт знает.

Прощайте и простите, что, говоря о нуждах просителей, утруждаю Вас, но меня они утрудили самого.

Ваш *И. Гончар(ов)*.

21 сентября.

¹⁾ Означенное письмо не поддается точной датировке. Но, судя по тому, что Гончаров обращается за предстательством для просителя перед гр. Кушелевым-Безбородко к Я. П. Полонскому, письмо надо отнести к концу 50-ых или началу 60-ых годов — времени действительной близости Полонского к графу.

№ 8 *).

К нему же

Извините, многолюбнейший и почтеннейший Яков Петрович, что я изменил Вам, против воли, вчера вечером: мне так надуло в голову, что я не посмел уже выйти вечером и просидел, скучая дома, когда мне так хотелось быть у Вас по всем причинам, а всего более желал я быть представленным Вашей супруге.

Надеюсь, что Вы не лишите меня разрешения возобновить при первом случае разрешение быть у Вас, и в ожидании этого будьте уверены в моей искренней преданности.

И. Гончар(ов)

8 ноября.

*) Без даты. Судя по почерку, относится к 70-ым годам.

№ 9

К нему же *).

Визитная карточка

Иван Александрович
Гончаров

искренне поздравляет милого и доброго Якова Петровича, благодарит за любезное приглашение и просит прощения, что не может быть вечером — он давно уже отозван был сегодня на елку.

*) Не датируется.

№ 10

К К. Н. Посьету ¹⁾.

[1870 — 71 г.]

Как ни краток срок, который Вы, многолюбимый и уважаемый Константин Николаевич, дали мне для ответа на

¹⁾ Константин Николаевич Посьет один из замечательнейших русских моряков 19-го столетия. В чине кап.-лейт. принимал участие в „японской экспедиции“ на фрегате „Паллада“, где с ним очень близко сошелся Гончаров. Позднее ген.-адъютант, адмирал, министр путей сообщения, член Государственного Совета. С 1858 — 73 г. состоял воспитателем при в. кн. Алексее Александровиче. В 1871 г. на фрегате „Светлана“ совершил со своим воспитанником кругосветное плавание, тянувшееся два года, посетив С.-Ам. Соед. Штаты, Канаду, Китай, Японию, Сибирь и т. д. Именно в это путешествие и просился с ним Гончаров, получивший сперва, как явствует из письма, неожиданный отказ, а потом неожиданное же согласие. „Главный путешественник“, очевидно, Алексей Александрович.

Ваше неожиданное согласие взять меня с собой в Америку, после неожиданного и энергичного отказа в этом, но я могу ответить тотчас же, именно повторить мой изустный ответ с присовокуплением глубокой признательности за то, что Вы — хоть поздно — но все же изменили суровое нет на радужное да.

Месяца два тому назад, отказ Ваш несколько огорчил меня, а потом я мистически уверовал в судьбу, которая в этом случае дала мне уразуметь, что, в мои лета, при моем здоровье и дрянных нервах — нельзя уже, поздно напрашиваться на разные подвиги, труды, впечатления и волнения, какие неминуемо представлятся в Вашем путешествии и какие я мог еще довольно легко вынести 19 лет тому назад, а теперь вероятно не справился бы с ними.

Я успокоился и сам вместе с Вами стал шутить над своим намерением, а потом мои мысли и намерения обратились в другую сухопутную, впрочем не совсем чуждую морю сторону — именно: сначала на воды в Германию полечиться и отдохнуть, в чем я имею крайнюю нужду, а потом к морским купаниям — вообще на какой-нибудь морской берег и если возможно провести там всю осень.

Мне необходимо для здоровья, пожить где-нибудь подальше от всякой суеты, в уединении, где потеплее, позеленее и т. д.

Этого ничего конечно в путешествии Вашем нет, где напротив найдешь — все противоположное и все прекрасное.

Потом еще одно соображение: если я поеду летом лечиться, проведу где-нибудь в углу лето и осень, просто лечась, не задаваясь никакой другой задачей и работой — кроме здоровья и ничего не наработаю — я не навлеку на себя другого упрека и другой ответственности, кроме той какую навлекают на себя все лентяи, или выжившие из ума старики. А поехавши с Вами — я беру на себя обязанность непременно написать книгу, при том достойную этого путешествия и особенно главного путешественника и сопровождающего его общества, к которому имел бы честь принадлежать.

А могло бы случиться, что старость, измена сил и след. пера — помешали бы мне совершить достойный труд и тогда какие упреки постигли бы меня со всех сторон — и как казнила бы меня собственная совесть за то, что я — несмотря на старческую усталость, дерзко напросился на превышающий силы труд. Я не раз ездил за границу и обратно — только для здоровья, и частью для развлечения, но прокатиться напрасно в Америку и обратно — безнаказанно нельзя.

В течение двух месяцев, после Вашего отказа, я все это отчетливо взвесил и обсудил и вполне отрезвился от

своего, не по летам пылкого порыва плыть в Америку. Надеюсь, что и Вы, по весьма кратком размышлении, позволите наслаждаться Вашим дорогим согласием мысленно, не приводя его в исполнение.

И я, пропустив некоторый срок т.е: не в это, а в последующее Воскресенье, когда Вы привыкнете к мысли о моем будущем отсутствии на Вашей эскадре, являюсь к Вам увериться в том, что если мне не удастся оказать услуг, под Вашим флагом, в морском деле, то сухопутное Ваше радушие и дружелюбие останутся навсегда за мною. В заключение позвольте еще раз поблагодарить Вас за вчерашнее исполнение моего желания: я говорю об известной карточке.

Кланяюсь сердечно Вам и свидетельствую глубокое почтение Розалии Ипполитовне ¹⁾.

Искренно преданный

И. Гончар(ов)

Четверг.

P. S. Ко всему вышесказанному не забудьте прибавить еще одно печальное обстоятельство: самое малое знание мною английского языка, что, по справедливому замечанию Г. Мегина, ставило бы меня постоянно в положение глухонемого путешественника в Америке.

№ 11

К гр. С. А. Толстой ²⁾.

11 ноября [1870 г.]

Ваши добрые, утешительные строки, Графиня Софья Андреевна, всегда радуют меня несказанно: и теперь, среди осени, Вы точно бросили сюда луч солнца—так что я едва не выскочил с письмом на улицу, чтобы, как Дон-Кихот, останавливать прохожих и заставляя их клясться, что нет добрее, умнее и прекраснее Софьи Андреевны из „Красного Рога!“ ³⁾ Будь на Вашем месте другая, например, хоть Ольга Алекс., я не затруднился бы, в pendant Тобозской поста-

¹⁾ Жене К. Н. Посыета, урожд. Лан (в первом браке кн. МаксUTOва).

²⁾ Жене гр. А. К. Толстого, рожд. Бахметевой (в первом браке Миллер). Гончаров очень ценил дружеские отношения к нему четы Толстых и вполне доверял им. Об этом знакомстве любопытные подробности см. в изд. „Стасюлевич в его переписке“.

³⁾ Имение Толстых Мшинского у., Черниговской губ., близ города Почеп.

вить „Красно... ужели рожской“. Нет поставил бы „Красно-розской: пусть будет граматически—неправильно, но за то рыцарски вежливо!¹⁾. Но вапа бледно-задумчивая красота так не похожа на розу, что я оставляю всякую галантерейность, за которую так много пострадал, и обращаюсь к Вашему доброму письму—мысленно только, со вздохом, обратив к Красному Рогу двустипшие: „О Красный Рог! Ты мне—дордг!“

Вы пишете, что „граф здоров, что Вы собираетесь в Италию“: приятно слышать! Радуюсь за Вас и еду вслед за Вами, к Вам—пока мысленно, потому что, потому что, потому что... твержу я бесчисленное множество раз, как дьячки аллилуя в церкви.

Но всего удивительнее известие, что у Вас солнце и тепло! Солнце: разве у Вас есть Иисус Навин? А вот здесь уже наступила шестимесячная ночь—и давит, томит, гонит все хорошее внутрь, а дурное наружу. От этого я никак не могу перенести, что купец Глушков прислал мне кислого винограда и несвежей семги!

Чего бы, кажется, лучше, как спать полгода сряду! А не спится: ворочаешься с боку на бок от темноты вечерней до темноты утренней, и едва-едва заснешь, когда появится солнце—где-нибудь в Италии, да еще у Вас—по словам Вашим! Солнце повсюду с Вами и за Вами!

Вы правы, полагая, что у меня на душе сыро и мрачно! Нет солнца, которое бы осушило эту сырость и разогнало этот мрак! Я точно связанный: надо прежде меня развязать, освободить от мрака—и тогда в Италию! А то у меня даже рот завязан: вот только перо еще бегаёт, и то—лишь в след за Вами!

От этого мрака и уз, конми опутан, не могу удовлетворительно ответить на Ваши вопросы: „кого я вижу? Что читаю? Что слышу?“

Не вижу никого—именно потому, что темно. Не слышу никого, потому что никого не вижу, а так как не вижу, то почти и не читаю ничего.

Нет, читаю: читаю, например, указ 4-го Ноября²⁾ и весь задрожал от радости. Мы все, Графиня, будем теперь воевать: несколько простых строк дают России миллионы вечно-свежего войска!—И это величайшее событие, по обыкновению, совершилось тихо, скромно, с той величавой простотой, с которой совершилось в наших глазах столько великих дел в 15 лет, сколько их не совершилось

¹⁾ Далее тщательно зачеркнута фраза, повидимому, самим И. А. Гончаровым.

²⁾ Речь идет о Высочайшем повелении комиссии по пересмотру личной воинской повинности о распространении ее на все сословия, 4-хл—70 г. (См. Голос, 1870 г., № 307).

в предыдущие 150 лет! — Мне завидна участь будущего историка!

А нота князя Горчакова! ¹⁾ Коротко и ясно! „Грубо!“ кричат за границей, пуще всего в Англии. То есть, твердо! „Грубо!“ Они забыли ноты своего Джона Росселя, эти сырые, дипломатические ростбифы!

Вот взяли назад Черное Море! Будем ездить в свою Италию, когда ее засадим, обработаем украсим!

Лишь не дай Бог войны! Брань заграничной дипломатии и прессы—чем она сильнее, тем менее грозит войной. Видно, что без Франции и Пруссии боятся затронуть нас! От того и ругаются! Так как теперь я не могу, по Указу 4 ноября вступить в военную службу, то позвольте явиться на защиту к Вам и вместе с графом—стать у ворот Почета!

Читаю иногда я, в бессонные ночи, что попадет под руку. Постоянно читаю один журнал—потому что Стасюл посылает мне его. Вы, конечно, читали Степной Король Лир. Как живо рассказано прелесть. Этот рассказ я отношу к Запискам Охотника, в которых Тург.—настоящий художник, творец, потому что он знает эту жизнь, видел ее сам, жил ею—и пишет с натуры, тогда как в повестях своих—он уже не творит, а сочиняет. Эти две головки дочерей Лиры, не правда ли живые, бежавшие из Грезовских рамок! И очерчены так легко, почти без красок, будто карандашом: между тем—они перед глазами. Да, Тург.—трубадур (пожалуй, первый) странствующий с ружьем, и лирой по селам, полям, поющий природу сельскую, любовь—в песнях, и отражающий видимую ему жизнь—в легендах, балладах, но не в эпосе.

Еще я читал... Но довольно о литературе: наговоримся о ней в Италии, когда я успею победить свои потому что. Там, Графиня, как хотите, а я возьму в одну руку Винкельмана, Вазари и др., а другою уцеплюсь, как дитя, за Ваше платье, и Вы поведете меня туда, сюда, покажете все, что надо видеть...

Нет, нет—ничего я этого не сделаю—это бы все испортило и я бежал бы из Италии. Я пошел бы за Вами—это правда—но шел бы праздно, почти не глядя, но непременно увидел бы то, что мне нужно увидеть—и в музеях, и в природе, и на улицах.

Да, позвольте—я хотел сказать Вам что-то очень нужное, говоря выше о литературе... Да: вот что! Не знаю согласиться ли Вы со мною?

¹⁾ Циркулярная депеша госуд. канцлера к представителям России при дворах держав, подписавших парижский трактат, об отмене обязательств трактата, поскольку они ограничивают верховн. права России в Черном море. От 3/хI 1870 г. (См. Голос, 1870 г., № 305).

Вообще у нас много какого-то разлада, нет той совокупности, слитности сил и элементов, дающей такую крепость, например, Пруссии. Это все от недоразумений и от самых неважных обстоятельств.

Указ 4-го Ноября помирят одно недоразумение: это какой то антагонизм между военными и гражданскими деятелями в обществе. Привилегия защищать отечество — будет принадлежать всем и тогда исчезнет та бестолковая *orgue* с одной стороны и неосновательное пренебрежение с другой.

Но это не мое дело. Перехожу к литературе. Литература признается у нас очень многими, особенно в высшем классе, не только каким то будто особенным т.е: отдельным делом, но и не совсем хорошим, большею частью даже „опасным“ делом, которому, пожалуй, лучше бы не быть. Это недоразумение частью происходит от неясного определения значения литературы. Многие разумеют у нас еще до сих пор под словом литература — повести, романы, стихи, словом беллетристику, другие, напротив, одну журналистику, которая возбуждает постоянное раздражение в публике т.е: постоянно занимает последнюю, в чем и состоит ее назначение ¹⁾. И очень немногие защитники литературы разумеют под ней вообще просвещение т.е: письменное или печатное выражение духа, ума, фантазии, знаний — целой страны. Поэтому — не желать добра литературе значит не желать добра ничему этому, ибо литература есть только орган т.е: язык, выражающий все что страна думает, чего желает, что она знает и что хочет и должна знать и т.д.

Но слава Богу — языку дарована хорошая доза свободы: и это великое дело ближе мне к сердцу нежели другие.

Но мы сами продолжаем относиться к своему языку небрежно: в этом состоит громадная наша ошибка, опасная в виду грядущих обстоятельств... Мы сами не признаем силы и влияния языка, а между тем язык, в след за религией, за преданностью и доверием к высшей власти, решительно занимает третье место, как знамя, около которого тесно толпятся все народные силы! „Где же вина наша? в чем я вижу беду? спросите Вы, графиня. — В пренебрежении к нему, в равнодушии — вот где!

И именно: наш высший класс, а за ним, в подражание ему и средние классы — стараются не говорить на нем, даже между собою. Это не ново, что я говорю, знаю: но разве легче, что старое зло не искореняется! Пьянство в народе —

¹⁾ Надо бы сердиться на события зачем они происходят, а не на язык т.е: на литературу — которая их только передает [прим. Г. вдоль страницы, на полях].

тоже старый порок: однако, слава Богу, вон в Министерстве Внутренних Дел принимают меры против него.

„А это зло не такое важное!“ скажут многие. — Нет, важное! Никогда Россия, говоря по французски и по английски, не займет следующего ей места т.е: центра и главы славянских народов, как у нас многие надеются (а с ними и я, конечно и Вы желаем!). Вон немцы на что надеются, прокладывая себе путь оружием на право и налево: „wo die deutsche Zunge klingt!“. Не мудрено, что наши балтийские немцы знать не хотят русской речи, потому что она и в России звучит слабо! Мы сами в обществе от нее отмахиваемся. Поляки тоже не хотят учиться по русски, говоря, что у них литература сильна, наука богата, язык отлично выработан — потому что, как и в Германии, и во Франции, и в Азии — литература, не как роскошь, не особенное какое-то занятие, а как воздух должна питать все общество — быть его насущной пищей и т. д.

А пока останутся хоть двое русских, которые будут говорить между собою по французски, или по английски — до тех пор мы не приобретем, ни за границей, ни между славянами, той моральной силы, какую имеют Англия, Франция, Германия, Италия, и имели все старые государства!

У нас некоторые заглядывают очень далеко вперед — я знаю: говорят, что это не важно, что даже национальность есть задержка, что впереди где то стоит идеал слияния народностей, религий, языков, следовательно немецкий ли элемент, русский ли возьмет верх, лишь бы было общее благо и т. д.

И это мнение разделяют — не то что нигилисты, не то что Герцен и передовые: я знаю людей старых с смелыми умами и бойким взглядом — они думают, что так совершенно должно быть. Современем, т.е: через 10, 20 тысяч лет! Может быть! Спаситель сказал, едина вера и едино стадо, но и он ничего не сказал о языке и о народности.

Я не с точки зрения шовинизма или квасного патриотизма боюсь за язык — и конечно буду рад через 10 тысяч лет говорить одним языком со всеми — и если буду писать, то иметь читателями весь земной шар.

Но все же я думаю, все народы должны притти к этому общему идеалу человеческого конечного здания — через национальность т.е: каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал. А мы кладем это как то вяло и лениво, да еще упрямымся не говорить по русски! А другие и подавно не учатся нашему языку — да и не для чего: все говорят у нас на чужих языках.

Даже в Якутске, я сам слышал в обществе русские говорят по якутски: выучились от нянек и слуг!

Когда то это было признаком образования: но Екатерина II заметила опасность, заговорила сама и велела говорить по русски, даже сама взялась за перо — и одной своей волей создала целую литературу, тогда еще подражательную, но которая однако дала между прочим фон-Визина, потом Карамзина и т. д.

Теперь иностранный говор уже не служит даже признаком образования: зачем же он? Он служит скорее какой то бездной между классами общества. Зачем, зачем это? сердито повторяет Кузьма Петрович Пругков.—

Я все не спрошу — что делает граф Алексей Константинович? Написал ли он что-нибудь? Пишет ли, готовит ли? (Что Вы подделываете Ваше Сиятельство?).

Я ни о чем подобном пока не думаю т.е: чтобы писать. Без солнца жить нельзя — а на дворе слякоть, в окна стучит дождь! В Италию! Да как же это я: ведь — говорят — что я Обломов, и даже так меня устроили по обломовски. И судьба вместо Италии, кажется готовит мне обломовский конец: вон, с осени, пальцы на руках пухнут, ноги горят, в голове шум!

Да и презренный металл — не последнее препятствие! Тратить, как Вам писал, трудовые, отложенные на черный день рубли на роскошь, на пир, на Италию — боюсь: ну, как скорчит как скорчило В. П. Боткина — что тогда!

А ждать денег не откуда, да меня замучила бы, как спартанская сила, совесть — протягивать руку, когда деньги лежат в запас.

Правда Обрыв есть в резерве: его еще тысяч на десять осталось: но я отступился от него, как Вам писал, после того, как увидел, что под него подведена мина! И какая глубокая! ¹⁾.

И вот тут главный мрак для меня! Обяснись он откровенно — и вероятно я и успокоился бы! А то, через час по ложке, я сам мучительно открываю, одну за другой, все изрытые подо мной бездны — и каждый раз на старые удары ложатся новые: на нервы, на здоровье, на рассудок, на все силы! А солнца нет! .

Я отступаюсь и от своих сочинений, и от прав своих, думая, что — может быть их присудили передать другим! От этого даже не хожу справляться, продаются ли мои книги, не зная, могу ли я ими располагать! Мрак, мрак!

Вот еслиб года два тому назад, один добрый, добрый человек (которого я очень люблю, скажите ему это, графиня), еслиб он был так добр и справедлив, что сказал бы мне: „мы вот что наготовили для вас (т.е: для меня) — вот

¹⁾ Вот этикие мины уметь бы нам подводить под немцев и перещеголять их.

каких блюд—потому что кое-что иначе в Вас поняли... Так вы сделайте вот что..." Я сделал бы все—и не было бы печальных недоразумений, печального зла, ошибок, (недоразумений) неловкостей.

Прямая линия—кратчайший путь не в одной только математике, но в такой недогадливой натуре, как моя!

А теперь вышло вот что: у меня отняли то, что одно еще живо занимало меня (т. е: отняли у нищего суму): а без этого все другое—или мало, или вовсе не занимает меня. Вот и ключ к моему положению!¹⁾

От этого меня мало тянет и в Италию, от этого я ни к кому не хожу, никого не вижу и ничего почти не читаю!

Но Бог с ними! Ни на кого я не сержусь, всем прощаю, и если зол на кого, так это на купца только за несвежую семгу. И то в дурную погоду.

И не только сам не сержусь, но жалею и тревожусь, если кто-нибудь сердится на меня!

Я только иногда, вместе с Прутковым, раздумываю так: если кто казнен по правде, то казненным жить среди людей уже трудно, тяжело—это новая казнь: поэтому они должны прятаться.

А если казнен кто-нибудь неправильно, то опять таки нужно уединение чтобы одолеть горечь чувств.

И вот по причине темноты, которую не рассеивает никакое солнце—да и по летам уже, я сижу у себя один, как инвалид, оскудевший силами.—И мы с Кузьмой Петровичем полагаем, что это вовсе не гнусно и никому не противно, ибо мы никому уже теперь, в нашем диком образе и в нашей скудости и слабости, ни полезными, ни приятными быть не можем. При том мы боязливы, не доверчивы к себе и всегда были довольны своей скромной долей, из которой робели выходить.

А нас не поняли—и за это природное убожество и „нищенство духа“—наказали! Бог простит!

А ведь таких старцев очень много: у меня вот есть один такой здесь, в Моховой: он 20 лет сиднем сидит! Весь оброс мудростью, и от него уже пошел такой же дух, как от Тургеневского Лира!

И ничего живет!

Позвольте однако, Графиня: как же Вы собираетесь в Италию—газеты кричат, что того и гляди война будет за нуту князя Горчакова! чего Боже сохрани! И Италию подбивают! Но вероятно князь умиротворит их. Однако ко-

¹⁾ Никакой Штольц не отдаст того, что взяли у бедного Обломова!
(прим. Гончарова).

нечно Вы подождете до тех пор, пока все об'яснится и уладится. Видел я младшего Бахметева, собирающегося ехать в Китай: не знаю, уехал ли он. Он же сообщил мне, что у Софьи Петровны родилась дочка, но — несмотря на это уговаривал написать к ней опять. Но я все таки боюсь, робею — я трус. Пожалуй, покажусь докучливым, ненужным лишним.

Не казните хоть Вы меня, добрая, прекрасная Софья Андреевна, — за эти мои безобразные, длинные Кузьмо-Прутковские письма! Вы — знаете, понимаете, что такое эта письменная болтовня, это моя натура, и гони натуру в дверь — она влетит в окно т:е: если не в книги, так в письма.

Вы примите это как следует — прочтете или нет, но не употребите эту мою болтовню во вред, не огласите ее и вместе с нею меня — не измените моей старчески-детской к Вам привязанности — а просто бросите, потому что прочесть это нельзя (я понимаю это), а можно только написать, и то в бессонную ночь!

Обнимаю Графа дружески и целую Вашу руку
Всегда Ваш *И. Гончаров.*

12 ноября.

Р. С. Боюсь, что я безнадежен и что Вам придется — без гнева (за что?) и с сожалением разве махнуть на меня рукой. Вот вчера и сегодня опять отпепель, грязь, сырость — и у меня на душе — такая же слякоть! — впрочем слава Богу: лишь бы не было еще хуже!

№ 12¹⁾.

Графу А. К. Толстому.

Вторник.

Да не смущается сердце Ваше, граф, тем, что Вы найдете сегодня мою карточку у себя, и да не примет оно этого за так называемый „визит“. Я просто боялся, что Вы уедете из Петербурга и что я не успею повидаться с Вами, так как Ваши дни разобраны здесь на расхват, потому и надеялся застать Вас свободным после Вашего и прежде моего обеда. С этой целью сегодня и направил прогулку в Вашу сторону, но ни графиня ни Вы дома не обедали.

Кстати я поправил свой промах хоть немного перед гр. Бобринскими²⁾, занеся им карточку и книгу. Если бы

¹⁾ Письмо не поддается датировке.

²⁾ Вероятно, гр. Алексей Павлович Бобринский (1826—94). См. Б. Л. Модзалевский: Из переписки Гончарова, Временн. Пушк. Дома, 1914, стр. 115.

граф, по свойственной ему любезности, вздумал отплатить за визит, отклоните его от этого: он занят — у него есть множество необходимых визитов. Как мне ни приятно видеть его, но визитом своим он смутит меня, ибо я сознаю себя не любезным и виноватым перед прежнею добротой и любезностью его и графини, и потому я только немного хотел загладить свои грехи.

Но я нахожусь в диком состоянии (хотя у меня есть фрак) — и потому, надеюсь, с меня не взыщут.

Вы угрожали ровно неделю тому назад уехать через две недели: значит, еще осталась неделя. Несмотря на безотрадную даль и глушь, в которую Вы перебрались, я в конце этой недели вновь сделаю попытку видеть Вас и проститься, вероятно, опять на долго, на годы.

После Вас я уже окончательно одичаю, ибо кроме Вас с Графиней и еще очень очень немногих, всех почти боюсь и не верю им — и не даром: вчера еще трое господ, из важных, предательски наводили меня на „вредные и опасные“ разговоры, с явною целью что то из меня выведать, как из какого то заговорщика — и сами подсаживали, что говорить. А потом конечно скажут то, что им нужно сказать для каких то целей. Я теперь уже стал всякий раз говорить разное! И чего хочется от меня этим чиновникам и Подхалюзинным.

Вот я и хотел между Вас и графиней отдохнуть час другой и поговорить, что на ум придет, без страха и тоски — и не удалось.

От Вас я зашел к Стасюлевичу — и застал там еще живую и сильную скорбь по умершей матери.

До свидания — Граф не спешите возвращать мне пуще всего „визит“, потому что повторяю — это был не визит, а всегдашнее желание видеть Вас, а для этого я в скором времени опять приду.

Кланяюсь Вам и Графине душевно и телесно

Ваш *И. Гонча(ров)*.

№ 13

К Тютчеву, Ф. И.

[1872]

Никогда не бывая в театре, я не знаю сам как и зачем забрел туда в Ноябре и попал в Горе от ума. Потом, не знаю как и зачем, набросал заметки об этой комедии и об

игре актеров, хотел оставить так, но актер Монахов¹⁾ (Чацкий) упросил меня сделать из этого фельетон.

Фельетон не вышел, а вышла целая тетрадь, которую я — не знаю как и зачем — отдал в „Вестник Европы“ для напечатания²⁾.

И вот она перед Вами — много и досточтимый Федор Иванович: не знаю как и зачем, несу я ее Вам. Это от того, что я соскучился долго не видя Вас — я так полагаю.

Если при встрече — Вы подразните меня, я смиренно снесу Вашу кроткую брань. Если скажете ласковое слово — буду горд превыше меры.

Не знаю как и зачем написал эту критику, повторю я — потому что Горе от ума критики не требует, от того до сих пор и не было таковой.

Пьеса заключает сама и критику. Чацкий высказывает ее, давая знать, как надо разуместь Фамусова и прочих. А они своею злобою на него объясняют и его характер. Так что критика моя могла бы назваться в свою очередь — „Горе не от ума“.

Акт же занесения ее мною к Вам — прошу принять как справку о Вашем драгоценном здоровье и напоминание об

искренно уважающем Вас

И. Гончар(ове).

№ 14

К Шуйской, А. П.³⁾

‘ /„Октябрь 80“ : карандашная пометка
неизвестной рукой]

Милостивая Государыня

Александра Петровна.

К глубокому моему сожалению — я, по состоянию своего здоровья, лишен был удовольствия принять Вас сегодня у себя, и по этой же причине решительно должен отказаться от участия в предполагаемом литературном вечере.

¹⁾ Монахов Ил. Ил. (1841—77), известный актер; с 1865 г. на Александринской сцене. Последние годы Гонч. был с ним в дружеских отношениях.

²⁾ Речь идет о статье „Милльон терзаний“, впервые появившейся в В. Е. за 1872 г. X. III.

³⁾ Начальница частной женской гимназии „А. Шуйской“. А. П. Шуйская имела обычай приглашать литературные знаменитости на свои гимназические вечера. Письмо Г. вызвано, очевидно, его подобным приглашением.

К прискорбию моему — я вынужденным нахожусь отвечать отрицательно на все делаемые мне с разных сторон предложения участвовать в литературных чтениях — кроме причины слабого здоровья, между прочим и потому, что у меня нет ничего нового для чтения.

Участие мое в кругу педагогичек, о чем Вы изволите упоминать, ограничилось прочтением нескольких страниц частным образом — и это чтение публичного характера не имело.

В нынешнем же году, на приглашение читать между прочим в пользу литературного фонда, я категорически заявил, что к сожалению моему, по вышеизложенным причинам, исполнить этого не могу.

При всем сочувствии моем к заведываемому Вами делу — я должен повторить тот же мой невольный и прискорбный для меня самого отрицательный ответ.

Прошу Вас покорнейше, Милостивая Государыня, великодушно извинить меня и принять уверения в моем отличном уважении.

И. Гончаров.

№ 15

К Я. К. Гроту 1).

Милостивый Государь
Яков Карлович.

Поспешаю сообщить Вам адрес Никол. Дм. Ахшарумова: Сергиевская, дом № 54, кварт. № 24.

При этом позвольте кстати мне заявить о некотором недоумении, которое к сожалению, возникло у меня уже после нашей личной беседы, по поводу цели приглашения меня и других посторонних лиц в предстоящее заседание Академии для присуждения Пушкинских премий.

Если мы приглашаемся просто для присутствования, в качестве свидетелей, при обсуждении вопроса о премиях господами членами Академии, тогда никакого недоумения и быть не может.

Но если от нас потребуют участия в решении и голоса, тогда может оказаться затруднение в том, что кто-нибудь из нас будет, может быть, не знаком с представленными на соискание премии сочинениями. Я, например, читал когда то Два мира Майкова, но не знаю того сочинения Полонского,

1) Академ. Я. К. Грот (1812 — 93). О нем см. Матерьялы для биографич. слов. действ. чл. И. А. Н., ч. I, стр. 226—263.

о котором Вы упоминаете. С другими может случиться тоже самое¹⁾).

Как тут поступить? Читать эти сочинения в заседании — по краткости времени — вероятно неудобно, а прочесть их заблаговременно — надо знать, какие именно сочинения представляются на соискание.

Не знаю, как в предстоящем заседании разрешится этот вопрос, но во всяком случае считаю не лишним довести о нем до Вашего сведения.

Прошу Вас принять уверение в совершенном почтении моем и преданности.

И. Гончар(ов).

1 октября
1882 г.

Моховая, дом № 3.

№ 16²⁾.

К А. А. Журавлеву

14/26 января 1884 г.

Моховая, 3
СПбург.

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо, многоуважаемый Аркадий Аркадьевич, и прошу извинения, что не скоро отозвался на него.

Причина все одна — больные глаза не дают мне писать, а писем накопилось много — и я отвечаю кратко, гомеопатически, письма по два в день.

Очень рад узнать, что здоровье Ваше и супруги Вашей поправляется.

Там Вас лечит солнце, воздух, свет, море. А нас убивают туманы, ветры, сырость и мрак!

Желаю и Вам отличного Нового Года и всех возможных благ!

¹⁾ Речь идет о первом присуждении Пушкинской премии в 1882 г. В комиссию по присуждению вошли, кроме членов II отд. Акад. Наук, и ряд литераторов: Н. Д. Ахшарумов, И. А. Гончаров, О. Э. Миллер и Н. Н. Страхов. Полная премия была присуждена А. Н. Майкову за поэму „Два мира“ (Русский Вестн., 1882 г. № 2), а половинная Я. П. Полонскому за сборник стихов „На закате“. Отзывы представлены были Н. Н. Страховым (о Майкове) и О. Э. Миллером (о Полонском). Таким образом Г. приглашался не в качестве гостя, но в качестве члена комиссии и его беспокойство было вполне понятно.

Ср. Отчет о перв. присужд. Пушк. премии, сост. Я. К. Гротом. Спб. 1882 г.

²⁾ А. А. Журавлев, не безызвестный коллекционер-любитель.

Сам я не могу похвастаться какою-нибудь радостью. Старый инвалид, с слабым зрением, я еще более по временам, от климата, то гриппом, то каттаром. Около меня тоже больные все, между прочим и моя прислуга. Вообще в городе много страдающих нервами; зима скверная: мороз беспрестанно сменяется внезапными оттепелями — и все стонут и ахают, в том числе и я.

Графа и графиню Ламадорф я не видел с праздника. У них маленький заболел скарлатиной, но теперь выздоравливает. Они были в карантине. Благодарю Вас за любезное намерение прислать мне печатную рукопись Шекспира: по прошу Вас — не хлопочите об этом теперь. Для меня, по глазам моим, всякие рукописи невозможны, а когда воротитесь и привезете с собой — тогда я с любопытством взгляну и возвращу Вам. Мне собственно не нужно, т. к. я библиотеки не собираю.

Тогда же, т. е. к возвращению Вашему я сохраню и назначенный для Вас экземпляр моих, недавно изданных сочинений Глазуновым.

Посылать теперь к Вам 5 громоздких томов было бы затруднительно и не нужно. Вы их читали, а взяв их здесь от меня, Вы, на память обо мне, поместите их в свою библиотеку.

Кланяюсь — с уважением и преданностью Вам и супруге Вашей

И. Гончар(ов).

Пометка рукой А. А. Журавлева: „Получ. в Ницце, 19/31 янв. 84 г.

№ 17

К А. А. Журавлеву

14/26 — апреля 1884 г.

Я получил Ваше доброе письмо, многоуважаемый Аркадий Аркадьевич, и благодарю Вас и Ольгу Сергеевну за добрую память обо мне, поздравляя Вас обоих с праздником Воскресения Христова!

Оно было действительно Светлое Воскресение: т. е. солнечное, но вместе с тем и холодное, морозное, что продолжается всю неделю! Нева только что разошлась, неся в море льдины, но сады, дворы в городе по углам еще берегут снег и лед, как будто жалея расстаться с этим добром.

Я все слабею, хандрю и никуда не хожу; с переездом добрых моих соседей Гр. Ламадорф — и их почти не вижу, хотя они и не далеко.

Извините, что ограничиваюсь этими строками; глаз не позволяет мне пристально читать и писать.

Кланяюсь Вам и супруге — усердно прошу не забывать искренно преданного Вам

И. Гончар(ова).

№ 18

К Гувениус, А. И. ¹⁾.

Милостивая Государыня
Александра Ивановна.

Покорнейше благодарю Вас за скорое уведомление о болезни бедной девочки: это очень грустно, но Божья воля. Мать ее страдает зубной болью и просит меня поехать за нею. Я скоро за этим письмом приеду в карете и — может быть — Анна Ивановна будет так добра, что поможет мне увести ее.

По приезде я прежде повидаюсь с старшей сестрой и потом возьму с собой младшую.

Вновь благодарю Вас, имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою

Иван Гончаров.

26 января.
1885 г.

№ 19

К ней же

6 января 1887 г.

Иван Александрович Гончаров, свидетельствуя чувства глубокого уважения Милостивой Государыне Александре Ивановне и представляя ей (и Александре Николаевне также) свои покорнейшие поздравления с Новым Годом, сердечно

¹⁾ Гувениус, Александра Ивановна, вдова кап. I ранга (ум. в 1918 г. в Гатчине), в течение многих лет занимала место начальницы Ивановского Училища (с пансионом) при Коломенской женской гимназии. Это и последующие письма относятся к Елене и Александре [Карловным] Трейгульт, дочерям умершего слуги Гончарова, в воспитании которых он принимал большое участие и которым завещал свое состояние.

сожалеет, что болезнь удерживающая его с декабря месяца дома, препятствует ему исполнить это лично.

Вместе с этим препровождает при сем следуемые за уроки музыки, в первом полугодии наступившего 1887 года обеих сестер, Александры и Елены Трейгульта по 25 рублей за каждую, а всего пятьдесят рублей.

Покорнейший и преданный слуга

И. Гончаров.

№ 20

К ней же

18 июня 1888 г.

Лифляндской губ.
Дуббельн, близ
Риги. Дом Попель.

Милостивая Государыня
Александра Ивановна.

Перед отъездом моим из Петербурга вы разрешили мне обратиться к Вам с письменным вопросом о том, к какому сроку, т.е. к которому числу августа девицы А. и Е. Трейгульт должны, вместе с прочими, возвратиться с летних каникул в Училище?

Вероятно конференция теперь уже решила этот вопрос и роковое число известно. Если Вы сооблаговолите, двумя словами по означенному адресу дать мне об этом знать, то наши сомнения будут решены окончательно. Впрочем девочки с матерью обыкновенно возвращаются всегда около 25-го — 26-го августа в Петербург.

Обе они здоровы и весело бегают по сосновому лесу и морскому берегу. Младшая иногда боязливо косится на лес, подозревая, что там, может быть, прогуливается Н. С. Куторга, которой она побаивается и которая в одном поезде с нами ехала в Ригу.

Они просят меня, к моему глубокому и искреннему поклону Вам и Вашим прекрасным барышням-дочерям, присоединить и свой почтительный реверанс.

Прошу извинения за беспокойство.

Преданный и покорный слуга

И. Гончаров.

№№ 21, 22, 23

К ней же

Три визитные карточки неизвестного времени.

1. Jean Gontscharoff

à l'honneur de feliciter Madame de Gouvenius, le 23 avril.

2. Иван Александрович
Гончаров

à l'honneur et le plaisir de presenter les hommges et ses felicitations les plus sinceres à Madame Александра Ивановна, le jour de sa fête a 23 Avril.

3. Иван Александрович
Гончаров

имеет честь поздравить Милостивую Государыню Александру Ивановну с днем ее ангела, глубоко сожалея, что по болезни не может исполнить этого лично.

№ 24

К Марксу, А. Ф.

8 декабря [1887 г.]

И. А. Гончаров кланяется усердно многоуважаемому Адольфу Федоровичу — и покорнейше просит — если еще не поздно, дать в типографию исправить прилагаемый при сем 1-ый лист последней, 4-ой корректуры, и по исправлении окончательно печатать, а ему прислать, по возможности поскорее, чистый исправленный оттиск этой 1-ой формы ¹⁾.

Готовый к услугам

И. Гончаров.

P. S. Он просит также не забыть доставить к нему проект его биографии ²⁾ — по обещанию — когда будет готово.

¹⁾ Речь идет о шедших в первых №№ Нивы за 1888 г. очерках И. А. Гончарова „Слуги“.

²⁾ См. прим. к след. письму.

№ 25

К нему же

Le 19 Décembre 1887 г.

Vous avez parfaitement raison, cher Monsieur Адольф Федорович: la biographie est parfaite ¹⁾, je n'y trouve rien à changer — pas un mot — aivi vogue la galère!

Je remercie beaucoup Виктор Перович d'avoir si bon arrangé les petites notices de la biographie, aussi que vous de me l'avez fait parvenir à temps. Je suis tranquille maintenant: tout va bien de ce côté. Faites imprimer, quand il vous plait. Exeusez le griffonage, mon medecin vient d'entrer. Je vous écrirai encore — peut-être — et maintenant pardon.

Je vous salue cordialement.

J. Gontscharof.

P. S. Le tirage de la 1-re page que vous m'envoyez dans ce moment avec mon portrait — je garde pour moi en attendant plus tard les autres. Vous permettez, n'est ce pas? Il n'y a rien a corriger, pas une vergule.

№ 26

К нему же

12 января 1888 г.

Cher et aimable Адольф Федорович.

Je vous prie de m'exeuser, si vous trouverez que j'abuse de votre bonté pour moi, en vous demandant encore une petite marque d'attention.

Voilà de qu'ie sagit.

Ma propre soeur ²⁾, vielle dame, vit au fond d'une province avec une famille nombreuse, elle m'écrit qu'elle voudrait connaitre mes nouvelles esquises, insérés dans la Нива. Voulez Vous me fair plaisir en la faisant inscrire au nombre

¹⁾ Речь идет о напечатанной в 1 № Нивы за 1888 г. весьма краткой биографич. заметки о Гончарове с приложением его портрета (с фотографии Левицкого середины 80-ых годов гравировал Ю. Баранов).

²⁾ Александра А-ровна Кирмалова (р. в 1815 г.) проживала в это время в имении Пунорево, Ардатовского у., Симбирской губ. В письмах к ней и к ее невестке Дарье Леонтьевне Кирмаловой Гончаров уведомляет их о высылке им Нивы и беспокоится, получают ли они журнал. См. статью Суперанского, И. А. Гончаров, В. Е., 1908 г., XII, 421—23.

des abonnés de Нива pour toute l'année 1888 r. d'après l'adresse, que je joins sous pli.

Faites moi crédit de 5 roubles 50 cop. que je ne manquerai pas de vous remettre de main en main.

En vous remerciant pour l'envoi des tableau de prime, très — joliment encabri — je vous prie de recevoir mes salutations empressées.

J. Gontscharof.

Две визитные карточки

№ 27

К нему же

Le 29 Décembre [1887 г.]

Jean Gontscharoff

remercie cordialement le cher et aimable Адольф Федорович pour le charmant cadeau de la Нива en 1887 année, qu'il vient de recevoir des part hier au soir.

№ 28

К нему же

Le 19 Janvier [1888 г.]

Jean Gontscharoff

remercie beaucoup et vivement M-r Адольф Федорович de lui avoir communiqué les quelques paroles du journal français concernant les esquisses, imprimées dans la Niva et dans le Messager de l'Europe ¹⁾.

¹⁾ О каком отзыве идет здесь речь, установить не удалось. Дело касается напечатанных в Ниве и В. Евр. очерков: „Слуги“ и „Воспоминания“.

№ 29 1)

К В. П. Авенариусу

23 февраля, 1888 г.

Милостивый Государь Василий Петрович!

Не могу еще раз не поблагодарить Вас за Вашу прекрасную книгу *Юношеские Годы Пушкина*, которую я прочел почти не отрываясь, с таким же удовольствием, с каким читал прежние Ваши произведения *Пчелка-Мохнатка*, *Подпасок*, *О чем комната говорит* и другие.

Хотя я все знаю, что написано в книге, так как изучал Пушкина и все подробности и мелочи его жизни, но в Вашем очерке, написанном живо, увлекательно, многое мне показалось как будто новым. Этому причиною, конечно, между прочим счастливая мысль изложить в легкой, беллетристической форме историю детства и юношества Пушкина.

Я давал читать юным питомицам школ и они не могли оторваться.

Много услуг оказали Вы русскому юношеству: дай Бог, чтобы за этим последним произведением Вашего пера — последовал — по возможности нескончаемый ряд подобных благотворных услуг молодым людям.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности

И. Гончаров.

P. S. Я все прихварываю — и потому, к сожалению, не мог поблагодарить Вас лично.

№ 30

К нему же

9 марта 1888 г.

Позвольте, Милостивый Государь, Василий Петрович, выразить Вам искреннюю признательность за новый знак внимания Вашего ко мне, за присылку *Отроческие годы Пушкина* и за *Былины*, о которых т. е. о *Былинах* я знал прежде, но первых не видал и ознакомился с ними только теперь. Также хорошо, увлекательно читается, как и *Юношеские Годы*. Большое спасибо Вам и от отроков, от юношей и от старцев — за такой дорогой вклад в русские библиотеки.

¹⁾ Авенариус, В. П., известный детский писатель и беллетрист (род. в 1839 г.).

Я надеюсь, если доживу, собрать, не в далеком будущем, свои последние статьи в отдельную книгу — и тогда приятно мне будет хоть отчасти поквитаться с Вами приношением моего издания, а до тех пор — я у Вас остаюсь в большом долгу.

Примите уверения в моем совершенном почтении и преданности

И. Гончар(ов).

Моховая, 3.

№ 31

К нему же

(Визитная карточка)

Иван Александрович
Гончаров!

покорнейше благодарит многоуважаемого Василия Петровича за присылку книги Три венца, которую он прочтет с особенным удовольствием.

21 ноября, 1890 г.

Указатель имен.

- Авенариус, В. П., 105-106*).
- Анненков, П. В. 9-11, 19-24, 29, 33-35, 39-41, 59.
- Ахшарумов, Н. Уд. 97-98.
- Вайрон. 81, 83.
- Безобразов, В. П. 60.
- Белинский, В. Г., 10.
- Бобринский, А. П., гр. 94.
- Богучарский, В. Я. 45, 48.
- Боткин В. П. 19, 36, 48, 49, 54, 59, 61.
- Валуев, П. А., гр., 44, 79.
- Виардо Гарсиа, Полина, 33, 42.
- Галахов, А. Д. 41, 79.
- Геденов, С. А. 62.
- Герцен, А. И., 12, 15, 42.
- Гете, И. В. 62.
- Гоголь, Н. В. 61.
- Головачева-Панаева, Я. Я., 11.
- Гончарова, А. М. (урожд. Тахторина), 43.
- Гончаров, А. Н., 10.
- Григорович, Д. В., 17, 56.
- Григорьев, А. А. 78.
- Грот, Я. К. 97, 98.
- Гульяр, Н. 12, 21-23, 29, 36, 42, 63.
- Давилевский, Г. П. 52.
- Добролюбов, Н. А. 22, 23.
- Достоевский, Ф. М., 12, 17.
- Дружинин, А. В. 24, 34, 40-42.
- Дудышкин, С. С. 34, 39, 40, 41, 79.
- Ефремова, Ю. Д. 33, 34.
- Журавлев, А. А., 98-100.
- Занд, Жорж 32.
- Кавелин, К. Д. 40, 41.
- Катков, М. Н. 56.
- Краевский, А. А. 15, 17, 18, 41.
- Кирмалова, А. А. 103.
- Кирмалова, Д. Л. 103.
- Куторга, Н. С. 101.
- Кушелев-Безбородко, Г. А., гр. 36, 78, 84.
- Левенштейн, Е. П. 20.
- Ляцкий, Е. А. 15, 19.
- Мазон, А. 10, 12, 14, 18, 33-34, 54. 67.
- Майков, А. Н. 41, 60, 78, 98.
- Майков, Л. Н. 9, 10, 20, 21, 22, 23, 29, 33.
- Майков, Н. А. 10.
- Маркс, А. Ф., 102-104.
- Маслов, И. И. 42.
- Меримэ, Проспер, 42.
- Миллер, О. Ф. 98.
- Минаев, Д. Д. 9, 20.
- Михайлов (?) 84.
- Модзалевский Б. Л. 13, 33, 94.
- Монахов, И. И. 96.
- Мосолова, Е. С. 47.
- Музалевская, А. А. 20.
- Муравьев, М. Н. гр. 48.
- Некрасов, Н. А. 11, 41, 48.
- Никитенко, А. В. 14, 21, 25, 34, 39, 40.
- Никитенко, С. А. 34, 36.
- Николаев, А. С. 58.
- Новикова, О. А. (рожд. Киреева), 47, 48, 50, 51, 54, 55, 80.
- Оксман, Ю. Г. 58.
- Островский, А. Н. 62.
- Павлова, К. К. 60.
- Панаев, И. И. 41.
- Патти, Аделина 53.
- Патти, Карлотта, 53.
- Писемский, А. Ф. 17, 34, 41.
- Полонский, Я. П. 16, 35, 63, 78-85, 98.
- Посыет К. Н., 85-87.
- Посыет, Р. И., 87.
- Похвиснев, М. Н. 57, 58, 59, 61.

* Жирным шрифтом отменены номера стран, где помещ. письма Гончарова к данному лицу.

- Пушкин, А. С. 42, 105.
Резведова, З. А. 67.
Сакулин, П. Н. 15.
Салаев, Ф. И. 57, 58.
Соловьев, Н. В. 54.
Стасюлевич, Л. И. 61.
Стасюлевич, М. М. 9, 16, 19, 21, 22, 26,
27, 57, 61, 63, 81.
Stead, W. 47, 50.
Степанов, Н. А. 11.
Страхов, Н. Н. 98.
Суперанский М. 10, 20, 23, 34, 42, 43,
44, 49, 55, 103.
Тер-Миккельян, 17.
Толстая, С. А. гр. 19, 59, 61, 87-94.
Толстая, Е. В. стр. 15.
Толстой, А. К., гр. 19, 56, 59; 61, 83,
94-95.
- Толстой, Л. Н. гр. 17, 19, 35, 62.
Трейгуль, А. И. 9.
Трейгуль, А. К. 67, 101.
Трейгуль, Е. К. 67, 101.
Тройницкий, А. Г. 44, 47, 49, 55.
Турунов, М. Н. 79, 80.
Тютчев, Ф. И. 19, 57, 58, 61, 83, 95-96.
Феоктистов, Е. М. 60, 61.
Фет, А. А. 19, 37, 42.
Фрейганг, А. И. 78.
Ханыков, Н. В. 54.
Шекспир В. 42.
Шелгунов, Н. В. 45.
Шеллер, А. К. 45.
Шпитцер, С. 9.
Шуйская, А. П. 96.
Языков, М. А. 12.
Эркман-Шагриан, 45.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„А С А Д Е М И А“
ПЕТРОГРАД,

Просп. Володарского, 40. Телефон 138-98.

История, Философия и Литература.

Цена золотом.

- Ф. Ф. Зелинский — Религия Эллинизма — р. 40 к.
Ф. Ф. Зелинский — Возрожденцы, вып. I. Сборник статей по всеобщ. литературе — „ 40 „
Ф. Ф. Зелинский — Возрожденцы, вып. II (Шекспир, Шиллер, Байрон и Мицкевич) — „ 60 „
В. Н. Перетц — Краткий очерк Методологии истории русской литературы — „ 80 „
С. Л. Франк — Введение в философию — „ 80 „
Осв. Шпенглер — Пруссачество и Социализм — „ 60 „
Генр. Риккерт — Философия жизни — „ 70 „
Платон — Полное собрание творений, т. V („Пир“ и „Федр“) распродано 1 „ — „
Платон — Полн. собр. творений, т. XIII („Законы“) 1 „ 50 „
Осв. Шпенглер — Причинность и Судьба (Закат Европы, т. I, ч. I) 1 „ 20 „
И. Геллер — Личность и жизнь Канта — „ 40 „
„Россия и Запад“ — Исторический сборник 1 „ 20 „
Б. М. Энгельгардт — Гончаров и Тургенев по неизданным материалам Пушкинск. Дома — „ — „
Осв. Шпенглер — Причинность и Судьба (Закат Европы, т. I, ч. II) печатается.
А. А. Васильев — Византия и Крестоносцы (печатается).
В. П. Бузескул — Открыт. XIX и нач. XX в.в. в истории древнего мира (печат.).
Анри Бергсон — Длительность и одновременность (печат.).
Н. Н. Евреинов — Драматические сочинения, т. III (печат.).
Изн. Анненский — „Тихие песни“. Сборник стихов (печат.).
Платон — Полное собрание творений, т. I (Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон) печатается.

Современная культура.

Серия книг о новых течениях в науке, искусстве, технике и общественной жизни.

Цена золотом.

- Л. С. Берг — Теории Эволюции (распродано) — р. 40 к.
Осв. Шпенглер — Пессимизм (распродано) — „ — „
А. Г. Вульфius — Религия, Церковь и Реформация (распродано) — „ 25 „

	Цена золотом.
Л. П. Карсавин — Восток, Запад и Русская идея	— р. 30 к.
А. Н. Макаров — Лига наций	— „ 30 „
Оскар Вальцель — Импрессионизм и Экспрессионизм	— „ 25 „
Рабиндранат Тагор — Национализм	— „ 50 „
И. Догель — Новое из области изучения простейших	— „ 25 „
Джон Кейнс — Проблемы восстановления Европы	— „ 30 „
Н. А. Рынин — Техника и экономика аэротранспорта	1 „ — „
А. А. Фридман — Мир, как пространство и время	— „ 40 „
С. А. Богомолов — Актуальная бесконечность (Зенон Елейский и Георг Кантор)	— „ 40 „
Б. Л. Розинг — Видение на расстоянии (Ближайшие задачи и достижения электрической телескопии).	
Оскар Вальцель — Проблема формы в поэзии (печатается).	
Отто Липман — Психология профессий (печатается).	

Отдел точных наук.

А. Дженочки — Дифференциальн. исчисл. и нач. интегрального исчисления	Цена золотом. 2 р. — к.
Б. М. Коялович — Аналитическая геометрия	1 „ 50 „
В. П. Яцына — Термодинамика идеального газа	1 „ — „
П. А. Молчанов — Атмосфера	1 „ 25 „
Л. Ф. Фокин — Методы и орудия химических производств (печатается).	
В. К. Фридерикс и А. А. Фридман — Основы теории относительности (печатается).	
А. А. Радциг — Новейшие течения в развитии тепловых двигателей (печатается).	

Книги по искусству.

Книга о М. Фокине с рис. худ. Гончарова	Цена золотом. 2 р. — к.
А. А. Гвоздев — Из истории театра и драмы (печатается).	
С. Мажинский — Метод Экспрессионизма (печатается).	
История Западно-Европейск. театра, сборн. статей (печат.).	

На складе.

В. Буш — Макс и Мориц	Цена золотом. — р. 50 к.
„ — Плиш и Плум	— „ 50 „

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ТВОРЕНИЙ

ПЛАТОНА

в 15 томах.

Новый перевод под редакцией С. А. Жебелева,
Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова.



Мя Платона — мировое имя. Его творения принадлежат к памятникам мировой литературы и являются достоянием всего культурного человечества. Значение Платона не исчерпывается содержанием его учения, где он затронул все стороны человеческого бытия и где он отчасти решил, а если не решил, то наметил почти все проблемы, постоянно волновавшие человечество, продолжающие волновать и интересовать его и по сей день. Платон, как великий художник слова, воплотил свое учение в такие высокие художественные формы, которые ставят его на один уровень с первоклассными писателями всех времен и всех наций.

Ошибочно было бы думать, что Платон далек от нас, людей XX века. Он вошел в плоть и в кровь европейской цивилизации, и потому его творения всегда были и всегда будут „современны“ и „своевременны“.

В предпринятые издательством «ACADEMIA» переводы творений Платона войдут все его произведения, как бесспорно ему принадлежащие, так и такие, относительно принадлежности или не принадлежности которых Платону наука не пришла еще к полному соглашению.

В основу перевода, исполняемого заново, положен текст Платона, установленный в оксфордском издании Бёрнета (J. Burnet).

Переводу каждого диалога будет предшествовать небольшое введение, где даются сведения, касающиеся историко-литературной стороны диалога, его хронологии, его композиции, содержания и пр. Перевод сопровождается существенно необходимыми краткими примечаниями реального характера.

Все издание будет заключать в себе 16 томов, размером, в среднем, от 10 до 15 печатных листов каждый.

Материал в указанных помах будет расположен в таком порядке:

- I. *Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон.*
- II. *Кратил, Феетет.*
- III. *Софист, Политик.*
- IV. *Парменид, Филеб.*
- V. *Пир, Федр.*
- VI. *Алкивиад Первый, Алкивиад Второй, Гиппарх, Соперники, Феаг, Хармид.*
- VII. *Лахет, Лисис, Еафидем, Протагор.*
- VIII. *Горгий, Менон.*
- IX. *Гиппий Большой, Гиппий Меньший, Ион, Менеоксен, Кли-тофонт.*
- X. } *Государство.*
XI. }
- XII. *Тимей, Критий, Минос.*
- XIII. } *Законы и Послесловие к законам.*
XIV. }
- XV. *Письма, Определения, О справедливом, О добродетели, Демодок, Сисиф, Эриксий, Аксиох.*
- XVI. *Заключительный том, будет посвящен составленному С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым очерку, заключающему в себе биографию Платона, общую характеристику его писательской деятельности и его мировоззрения в их целостной совокупности, а также историю платонизма до наших дней.*

К первому тому приложено будет изображение Платона по герме, хранящейся в Ватикане.

До 15 апреля 1923 года вышли том V и XIII. В ближайшее время выйдут томы I (перевод С. А. Жебелева), VI (перевод Н. Дювернуа), X и XI (перевод С. А. Жебелева), XIV (перевод А. Н. Езунова).

Все издание предполагается закончить печатанием в печение 1923 года.

Издание полного собрания творений Платона выйдет в ограниченном количестве экземпляров и по окончании его, многих томов в продаже может не оказаться.

Чтобы обеспечить всем интересующимся творениями Платона своевременное и полное получение всех томов издания—издательство „ACADEMIA“ открывает подписку на все издание.

Желающие подписаться благоволят письменно сообщить издательству свои адреса и прислать 50 коп. золотом в качестве аванса.

*Все выходящие книги будут рассылаться подписчикам по мере их выхода наложенным платежом или выдаваться в магазинах „ACADEMIA“ в Петрограде или Москве *). * Аванс будет зачет при высылке последней книжки.*

По числу подписчиков будут изготовлены художественные переплеты—крышки, при чем подписчики благоволят заранее сообщить о желании получить таковые.

**) Адреса магазинов:*

*Петроград, просп. Володарского, 40.
Москва, Тверская. 29.*